

М. О. КОСВЕН

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ПЕРВОБЫТНОЙ
КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИМИРСКОЕ

(1)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

М. О. КОСВЕН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

*2-е исправленное
и дополненное издание*

2
1
1
2
5

002

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1957

Дается всесторонняя характеристика первобытно-общинного строя. Сообщаются сведения о происхождении человека, о развитии первобытного производства, материальной и духовной культуры.

Ответственный редактор
А. Л. МОНГАЙТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание этой книги вышло в 1953 г. Для настоящего, второго издания я сделал некоторые исправления и дополнения, вызванные в основном соображениями исследовательского порядка. Я также посчитался с появившимися в печати рецензиями на мою книгу. Первое издание вышло без иллюстраций. Этот недочет исправлен в настоящем издании.

Моей основной и главной задачей при написании этой книги было сообщить моему читателю возможно больше относящихся к данной теме достоверных фактов, передать ему возможно больше конкретных сведений и знаний. Я надеюсь, что в этом отношении книга моя не должна вызвать упрека. Однако сообщаемые факты надлежало сгруппировать, обобщить, привести в известную систему, а главное — поместить в определенные исторические рамки, связать с историей первобытной эпохи. Вся эта задача была довольно сложной. Первобытная история является отраслью знания, еще далеко не сложившейся, в ней еще много неясного и неисследованного, много условных допущений, гипотез, спорных вопросов и положений. Я не мог взять на себя задачи исследовать все неисследованное, устранить все условности, разрешить все споры.

В этой книге я в одних случаях даю результаты моей собственной исследовательской работы над отдельными

темами, в других — привожу наиболее обоснованные, правильные и приемлемые, с моей точки зрения, взгляды. Иные взгляды, если они того заслуживают, я также привожу, иногда и критикую. Вышеуказанное состояние нашей отрасли знания обуславливает то, что в моей книге имеется немало гипотез или спорных положений, как моих собственных, так и чужих. Но это — поприще для дальнейшей научно-исследовательской работы.

Настоящая моя книга по ее первому изданию была переведена и издана в 1955 г. на украинском языке в Киеве, в издательстве «Радянська школа», на польском языке в Варшаве, в Государственном научном издательстве, в переводе Михаля Бройдес, на китайском языке в Пекине, и в 1957 г. на немецком языке в Берлине, в Немецком научном издательстве, в переводе Кэте Юрр, при участии Жизель Бушендорф и Кристи Купфер, под редакцией Арно Лемке, с предисловием профессора, доктора К. Х. Отто, и на румынском языке в Бухаресте, в Научном издательстве, в переводе по тексту настоящего 2-го издания Эугена Комса, под редакцией Владимира Думитреску, при участии Иона Влэдуциу; две главы этой книги в переводе на чешский язык Отакара Находила напечатаны в издающемся в Праге журнале «Československa etnografie» за 1957 г.

Приношу глубокую благодарность всем переводчикам, редакторам перевода и издателям моей книги.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Возраст человечества. Первобытная эпоха. Взгляды на первобытность в буржуазной науке. Исследование первобытной истории в марксистско-ленинской науке. Понятие первобытно-общинного строя. Источники его изучения. Периодизация первобытной истории. Основные этапы развития первобытно-общинного строя. Первобытная культура

Человечество существует на земле — по расчетам, имеющим вполне научный характер, но, конечно, весьма приближенным,— около одного миллиона лет. И только четыре-пять тысячелетий тому назад лишь в некоторых местах земного шара отдельные человеческие общества стали вступать в так называемую эпоху цивилизации, создавая классовый строй и государство. Все предшествующее время, весь этот огромный ряд тысячелетий, пройденный человечеством до возникновения государства, составляет период, именуемый п е р в о б ы т н ы м или периодом доклассового общества. Значительная часть человечества самостоятельно так и не дошла до цивилизации и классового строя, оставшись в состоянии большей или меньшей отсталости.

В течение долгого времени первобытная эпоха оставалась для науки туманным, лежащим далеко за гранью какой-либо достоверности прошлым. Античная мысль колебалась между представлениями, с одной стороны, о каком-то «золотом веке», с другой стороны — об эпохе полуживотного существования. Те же представления проходят затем в различных вариантах через длинный ряд столетий. Еще в первой половине XIX в. буржуазная наука считает

первобытность лишь областью гипотез и отказывается признать ее предметом подлинного исторического знания: это — период «доисторический», а подлинная история начинается якобы только с наступлением эпохи цивилизации с ее «настоящими» историческими источниками — письменными памятниками. Отсюда, согласно этим воззрениям буржуазной науки, народы отсталые, самостоятельно не дошедшие до цивилизации — «ненсторичны», не только не составляют объекта истории, но и не являются и не могут быть ее активными участниками, ее создателями.

Начало научной разработки первобытной истории относится лишь к середине XIX в. Хотя буржуазная наука и внесла сюда, как выразился Энгельс, известный «порядок», однако подлинного познания первобытной эпохи эта наука дать не смогла. Это относится как к общей оценке сущности и исторического значения данной эпохи, так и к выяснению тех закономерностей, которые определили развитие и в конечном счете распад первобытного общества. Более того, реакционная наука нередко грубо искажала сущность первобытных отношений, используя первобытность для утверждения своих домыслов, применяя излюбленный ею прием нелепой модернизации, приписывая первобытности частную собственность, рабство, единобожие, чуть ли не капитализм и государство. Таким путем все это объявлялось якобы «изначальным», а изначальность должна была означать извечность и неизменяемость.

~~Подлинно научное учение о первобытной эпохе и ее истории было создано марксизмом. Прежде всего, марксизмом впервые эта эпоха была извлечена из якобы непознаваемого тумана прошлого и включена в сферу всеобщей истории. «Вместе с человеком,— провозгласил Энгельс,— мы вступаем в область истории»¹. Иначе говоря, уже с возникновения человека начинается и история человеческого общества. Вместе с тем основоположники марксизма признали за данным разделом истории крупнейшее научное значение. Недаром Марксом был начат, а Энгельсом завершен специальный труд, этому предмету посвященный, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», остающийся по сей час основным ру-~~

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 487.

ководством в данной области. Со времени написания этого труда прошло свыше 70 лет, за это время накоплен огромный новый материал, целиком подтверждающий картину развития первобытного общества, нарисованную Энгельсом, вместе с тем значительно дополняющий и расширяющий эту картину.

Наконец, в трудах В. И. Ленина мы находим положения, являющиеся руководящими для познания исторического процесса вообще, в частности в первобытную эпоху, и ряд ценнейших высказываний, непосредственно относящихся к первобытной истории.

Основополагающим для первобытной истории является учение о социально-экономических формациях, или исторических типах производственных отношений. Истории человечества известны пять типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический. Первобытная эпоха является, следовательно, исторически первым, ранним типом производственных отношений. Основу первобытно-общинного строя составляет общественная собственность на средства производства. Низкий уровень развития производительных сил и их характер, наряду с общими условиями жизни человека в эту эпоху, обуславливает необходимость общего, коллективного труда, а общий труд и ведет к общей, коллективной собственности как на средства, так и на продукты производства. Частной собственности не существует. Не существует в эту эпоху ни общественного неравенства, ни классов. Не может существовать и эксплуатация человека человеком.

Первобытная эпоха составляет весьма отдаленное прошлое человечества. Какие основания, какие источники имеем мы для того, чтобы восстанавливать это прошлое, писать его историю? История последующих эпох основывается главным образом на письменных памятниках. Первобытная история таким материалом, естественно, не обладает. И тем не менее ряд разнообразных иных источников дает обширный и вполне конкретный материал для того, чтобы с большей или меньшей полнотой и отчетливостью осветить первобытное прошлое человечества.

В первобытной истории мы прежде всего встречаемся с вопросом о возникновении и формировании самого чело-

века. Эта тема освещается данными антропологии, в частности того раздела этой дисциплины, который именуется антропогенезом — учением о происхождении и развитии человеческого рода.

Основное значение имеют в нашей науке данные первобытной археологии. Первобытное человечество исчезло с лица земли. Но в верхних ее пластах сохранились занесенные последовательными наслоениями материальные остатки деятельности первобытного человека — его орудия, оружие, жилище, утварь, частично одежда, произведения изобразительного искусства, предметы культа и т. д., — наконец, кости диких и домашних животных, окружавших человека. Земля стала, таким образом, своего рода архивом первобытной эпохи. В тех местах, которые служили первобытному человеку привычными местами его длительных стоянок, такие остатки встречаются в значительном количестве и нередко образуют ряд последовательных культурных пластов. Геологические показания о древности разных слоев земли дают основание для того, чтобы, в зависимости от условий залегания находимых памятников, устанавливать их большую или меньшую древность, а вместе с тем и их относительную датировку. Ведущиеся во многих странах, а особенно интенсивно и плодотворно в СССР, научно поставленные систематические раскопки все умножают этот материал первобытной истории.

Важнейший материал дает этнография, в особенности в той ее части, которая занимается изучением отсталых племен и народностей. Все эти отсталые общества, даже тогда, когда они впервые стали предметом научного наблюдения, находились на ступени развития, ушедшей уже весьма далеко от подлинной первобытности, все они имеют собственную историю, все они, сколь бы в своем прошлом ни были изолированы, подвергались влиянию более развитых народов, а затем в особенности разрушающему воздействию капиталистической «цивилизации». И все же они сохраняли в своем быту и в своей идеологии очень многие элементы первобытности. Этнография знает ряд сохранявшихся, отчасти и ныне еще существующих в некоторых углах земного шара особо отсталых племен. Таковы совершенно истребленные англичанами в середине XIX в. тасманийцы, таковы сохранившиеся сейчас в небольшом числе австралийцы, племя кубу на о. Суматра,

ведда на о. Цейлон, некоторые индейские племена Центральной и Южной Америки и пр. Описания этих племен могли бы иметь особый интерес и особое значение, потому что здесь мы могли бы искать наиболее ранние формы культуры. Однако указанные выше обстоятельства и то, что изучение этих племен крайне затруднительно, оставляют очень мало места для использования такого материала. Сравнительно много данных имеется только об австралийцах, и ссылки на них будут поэтому довольно часто фигурировать в нашем изложении. Большое место должен занять и этнографический материал об американских индейцах. Оставшись на протяжении очень долгого времени, вплоть до европейской колонизации Америки, повидимому, совершенно изолированными, пройдя таким образом самостоятельно длинный путь развития, американские индейцы представляют собой в их историческом прошлом живые образцы первобытной истории.

Яркий свет на отдаленное прошлое бросают, при умелом и правильном их истолковании, так называемые *п е р е ж и т к и* — видоизменившиеся остатки первобытности, сохраняющиеся в быту и в особенности в идеологии даже весьма развитых народов. Ценный источник представляют собой истари сложившиеся произведения устного народного творчества, фольклора. Наконец, таким же источником является в известной мере и сам язык, хранящий в смысловом изменении отдельных слов память об их давнем, первоначальном значении.

Истории первобытного общества, естественно, присущ ряд стадий или этапов развития. Уже издавна вошло в научный обиход деление первобытной эпохи по материалу, из которого преимущественно изготовлялись орудия и оружие, на века камня, бронзы и железа. Впоследствии каменный век был разделен на древний, или п а л е о л и т (греч. palaios — «древний» и litos — «камень»), и новый, или н е о л и т (греч. neos — «новый»). Согласно геологическим данным, палеолит и неолит относятся к четвертичному периоду истории земли, причем неолит — к современной эпохе этого периода. Другая, тоже весьма старинная периодизация исходит из отраслей производительной деятельности и делит первобытную эпоху на стадии охоты, земледелия и скотоводства. Более детальная периодизация первобытности была предложена американ-

ским ученым Льюисом Генри Морганом в его труде «Древнее общество» (1877). Используя установившееся в науке еще в XVIII в. разделение всей истории на периоды дикости, варварства и цивилизации, Морган разделил каждый из двух первых периодов на три ступени: низшую, среднюю и высшую, причем в основу этого разделения положил некоторые материальные и хозяйственные признаки.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением о развитии человеческого общества и соответствующими конкретными высказываниями Маркса, Энгельса и Ленина, современная советская наука делит первобытную историю на следующие основные этапы.

Начинаясь с возникновения человека и человеческого общества, самый ранний период истории, именуемый периодом первобытного стада, знаменуется прежде всего тем, что в нем заканчивается биологическое развитие самого человека. Но уже в этот ранний период своего существования человек глубоко и радикально отличается от своего животного предка: человек организованно применяет свой труд, создает простейшие орудия, создает начатки культуры. Человеческий коллектив этой эпохи остается еще непрочной связанным и оформленным и имеет непостоянные размеры, завися в значительной степени от характера производительных сил и условий жизни человека в ту эпоху.

На определенном этапе наступает резкий подъем в развитии производительных сил, в развитии всей культуры. Этот подъем влечет за собой возникновение более прочной организации человеческого общества. Форму этой организации дает естественное родство. Возникает род, или родовая община, начинается эпоха родового строя — основной период развития всей первобытной культуры, материальной, общественной и духовной. /

Эпоха родового строя распадается на два периода: матриархата, или материнского родового строя, и патриархата, или отцовского родового строя. В период матриархата женщина играет равнозначную с мужчиной роль в общественном производстве, что обуславливает и ее общественное равноправие. Но матриархат развивается в различных обществах далеко не равномерно. В отдельных обществах, где матриархальный строй, при

особых условиях, достигает высокого развития, женщина приобретает преобладающее общественное положение. Дальнейшее развитие производительных сил приводит к значительному преобразованию хозяйства и к выдвижению роли мужчины в общественном производстве. Отсюда переход от матриархата к патриархату, который дает место всестороннему преобладанию мужчины.

Новый подъем производительных сил, связанный, в частности, с ростом общественно-производственной роли металлургии, приводит к новому этапу истории первобытно-общинного строя. Нарастают все углубляющиеся противоречия между существенным образом развившимися производительными силами и теми производственными отношениями, которые заключены в узах родового строя. Первобытно-общинный строй распадается, создаются особые производственные отношения, зарождаются новые, классовые отношения. Это — период так называемой военной демократии. Эпоха первобытно-общинного строя оканчивается. Возникает классовое общество и государство.

* * *

На протяжении долгих тысячелетий, в длиннейшей смене поколений, ценой огромного напряжения сил, в тяжком труде, преодолевая бесконечный ряд заблуждений и ошибок, пройдя через бесчисленную массу жертв, медленно, но упорно овладевало первобытное человечество силами природы, покоряло их и создавало начатки человеческой культуры. Тяжело было существование первобытного человечества. Миф о начальном «золотом веке» давно развенчан. Однако благодаря неустанному и напряженному, но зато свободному труду в коллективе первобытное человечество все же вышло победителем из своей борьбы с природой. Как ни проста и примитивна созданная им первобытная культура, она представляет собой огромное и по-своему богатое накопление разнообразных элементов техники, хозяйства, общественных форм и идеологии. Идя от более простых ко все более высоким и совершенным формам, развитие этой культуры было в основном неизменно прогрессивным. Эта первобытная культура явилась необходимым условием дальнейшего развития человечества

и в своих высших формах сделалась основой последующего прогресса. И по нынешний день немалое число тех достижений, которые были созданы первобытным человечеством, сохраняет свое значение в инвентаре современной культуры.

Через первобытную эпоху прошло в его прошлом все человечество. Отдельные племена и народности проходили эту эпоху в известной мере своим путем, создавая свою культуру, делая свой вклад в сокровищницу всеобщей культуры. Однако, за недостатком или крайней фрагментарностью сохранившихся от столь отдаленного прошлого данных, восстановить первобытную историю отдельных племен и народностей всесторонним и полным образом представляется, во всяком случае пока, невозможным. Для того чтобы представить развитие первобытной культуры во всей ее широте и с достаточной полнотой, необходимо соединить существующие данные не только по различным племенам и народностям, но и по различным странам мира. Беря, таким образом, свой материал со всех точек земного шара, первобытная история имеет широко обобщающий характер. Вместе с тем, соединяя воедино все первобытное человечество, она представляет первобытную культуру как культуру всеобщую, всечеловеческую, а все первобытные племена и народности как единых ее творцов.

Первобытная история безымянна. Она не знает ни лиц, ни героев, не знает и знаменательных дат. И тем не менее она овеяна подлинным героизмом, героизмом всей великой массы безвестных созидателей первобытной культуры.

Глава первая

НАЧАТКИ КУЛЬТУРЫ

Становление человека. Ископаемые представители раннего человечества. Начальные стадии развития культуры. Роль охоты. Первобытный образ жизни. Овладение огнем. Ранний человеческий коллектив. Начальные формы брака. Возникновение мышления и речи. Безрелигиозность раннего человека

«Труд,— писал Энгельс,—...первое основное условие человеческого существования,— и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹. Но что следует в данном случае разуметь под понятием труда? Ведь и про животных говорят, что они трудятся, добывая себе пищу, сооружая свое жилище. А обезьяны умеют даже сбивать палкой плоды с деревьев, раскалывать камнем кокосовые орехи и пр. Энгельс дает ответ и на этот вопрос: «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа... Процесс труда начинается только при изготовлении орудий»².

Итак, создание хотя бы самого примитивного орудия создало самого человека, положило грань между ним и животным, было первым шагом к господству человека над природой.

В настоящее время всякому мало-мальски образованному человеку известно, что человек произошел от ископаемой обезьяны, которая, таким образом, является общим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 452.

² Там же, стр. 453, 457.

предком как человека, так и современных человекоподобных обезьян. Возникновение человека — единственное и неповторимое событие в истории органического мира, связанное с особыми, исключительно благоприятно сложившимися условиями.)

Географической областью, в пределах которой произошло это великое событие, считается довольно большая территория, включающая южную часть Азии, юг Европы и значительную часть Африки. Нет оснований считать, что процесс превращения обезьяны в человека происходил во всей указанной области. Вероятнее всего, что этот процесс происходил лишь в части данной области, однако при современном состоянии знаний более точная локализация не представляется возможной. Но именно в пределах этой географической арены была распространена ныне не существующая человекоподобная обезьяна, которая и явилась предком человека. Из числа таких найденных ископаемых обезьян ближе всего к человеку стоят так называемые австралопитеки (лат. *australis* — «южный» и греч. *pitēkos* — «обезьяна»), остатки которых найдены на юге Африки в поздне третичных и ранне четвертичных отложениях. Иные ученые готовы поэтому считать именно Африку действительной родиной человека.

Взгляд, по которому человек возник примерно в одной, хотя бы и довольно обширной области земного шара, получил название теории моногонизма (греч. *monos* — «один» и *genesis* — «возникновение»). Взгляд этот был высказан в науке уже давно, но столь же давно реакционное крыло буржуазной науки выставило противоположное утверждение, будто человек возник в различных местах земного шара. Эта теория полигенизма (греч. *polūs* — «много») утверждает в то же время и изначальное возникновение различных видов человека, различных рас. Если, действительно, мы предположим, что человек возник в разных местах земного шара, то это будет означать, что он возник в географических условиях, так или иначе различных. Предположить, далее, что человек возник в этих местах одновременно, значит предположить чудо. Следовательно, надо тогда считать, что человек возник не только в различных географических условиях, но и одновременно. Но это неминуемо и означает возникновение различных видов, притом появившихся один раньше, дру-

гой позже, т. е. ~~изначальное~~ появление различных рас, неодинаковых по своей физической природе, и, следовательно, неодинаковых по своим качествам. К вопросу о возникновении рас мы еще вернемся ниже.

Шаг за шагом побеждая природу, человечество стало размножаться, а вместе с тем, путем постепенной подвижки отдельных групп, расселяться из места своего начального возникновения по всему земному шару. Наиболее поздно произошло заселение Океании, Америки и Австралии.

Отделившись от остального животного мира и постепенно расселяясь, человек, однако, в течение весьма длительного периода продолжал еще прогрессивно развиваться — продолжался процесс антропогенеза — (греч. *antropos* — «человек»). В основе этого процесса лежал опять-таки труд и, как это показал Энгельс, в первую очередь — развитие руки как органа труда. За развитием руки в процессе совершенствования всего человеческого организма следовало развитие прямохождения, развитие разума и мозга, развитие мышления и речи. Хотя, таким образом, вновь возникший человек еще продолжал совершенствоваться, этот человек, познавший труд, делающий орудия, мыслящий и владеющий речью, уже неизмеримо далеко ушел от своего животного предка и был «настоящим» человеком. Поэтому встречающееся иногда в литературе по отношению к человеку данной эпохи выражение «обезьяночеловек» надо считать неправильным.

Сравнительно лишь недавно, открытиями, начавшимися с середины XIX в., наука осветила, правда еще далеко не полно, картину упомянутого постепенного формирования человека. Произведенными одновременно в различных местах земного шара раскопками, иногда также случайно, были извлечены из земли костные остатки нескольких вымерших представителей раннего человечества. Эти открытия дали ряд последовательных звеньев становления человеческого вида.

Наиболее ранний из представителей ископаемого человека, какой в настоящее время известен, получил название питекантропа. В 1891 г. на о. Ява были раскопаны части скелета обезьяноподобного существа, которое после долгих споров было признано человеком, а не обезьяной. Впоследствии на Яве были найдены части

скелетов уже нескольких особей того же питекантропа. В тех же слоях, но в другом месте были обнаружены очень грубые каменные орудия.

Вторым звеном является раскопанный в 1927 г. в пещере близ Пекина в Китае так называемый с и н а н т р о п («китайский человек»), причем и здесь последующие раскопки в том же месте значительно расширили и обогатили это открытие. Наряду с большим количеством костей, принадлежащих около 40 особям, обнаружены простейшие каменные орудия, кости животных, очевидно служивших пищей синантропу, и, наконец, следы использования огня. К группе ископаемых людей принадлежит, далее, так называемый «гейдельбергский человек», довольно близкий синантропу. Эта находка была сделана в 1907 г. близ г. Гейдельберга в Германии. Здесь была найдена одна лишь нижняя челюсть, дающая все же возможность судить о строении черепа этого третьего представителя ископаемого человечества.

Следующее звено в цепи становления человека получило название по месту находки, сделанной в 1856 г. случайно, при земляных работах в Неандертале, близ г. Дюссельдорфа, в Германии. Здесь были найдены черепная крышка и несколько костей скелета. Эта находка, являющаяся самым ранним из всех открытий ископаемого человека, возбудила в свое время ожесточенные споры в ученом мире. Известный тогда немецкий реакционный антрополог Вирхов объявил найденные части скелета принадлежащими не первобытному человеку, а современному, объясняя особенности строения этих костей последствиями вырождения от сифилиса или алкоголизма. Но за этой находкой последовал длинный ряд новых находок совершенно подобного типа человека, представленного уже не отдельными частями, а иногда и целым скелетом, причем во многих случаях окруженным различными следами человеческой деятельности: каменными орудиями, остатками костров и пр. Сейчас этот ископаемый человек, сохранивший название не а н д е р т а л ь ц а, представляет собой уже не единичную находку, как названные выше его предшественники: пребывание его обнаружено теперь во многих местах Европы, в Южной Африке — «родезийский человек» и «африкантроп», в Палестине, на о. Ява (там же, где питекантроп!) — «явантроп» и пр.

Оставил свои следы неандерталец и на территории СССР. Существуют две такие знаменательные находки, сделанные советскими археологами: одна была сделана в 1924 г. Г. А. Бопч-Осмоловским в Крыму, в 25 км к востоку от г. Симферополя, в пещере Киик-Коба, и другая, сделанная в 1938 г. А. П. Окладниковым на юге Узбекистана, в пещере Тешик-Таш, где был открыт костяк мальчика 8—10 лет, вместе с примитивными каменными орудиями так называемого мустьерского типа.

Важно отметить, что хотя отдельные найденные особи неандертальца, как видим, весьма широко расселенного, не лишены индивидуальных различий, все это — единый вид человека. Описанный ряд представителей раннего человечества отчетливо обнаруживает постепенное освобождение от признаков, свойственных человекообразным обезьянам, и приближение к типу современного человека: совершенствование прямохождения, исчезновение надглазничных валиков, образование подбородка, выпрямление носа и пр. Но наиболее показательны, пожалуй, увеличение вместимости черепа, связанное с развитием мозга. Сопоставляя данные о вместимости черепа самой крупной из современных обезьян, ископаемых людей и современного человека, мы получаем следующий ряд:

Горилла	от 600 до 685 см ³
Питекантроп	" 800 " 900 "
Синантроп	" 1000 " 1100 "
Неандерталец	" 1100 " 1600 "
Современный человек	" 1200 " 1700 "

Вместе с остатками синантропа и неандертальца были найдены следы их трудовой деятельности, в частности примитивные каменные орудия. Гораздо более многочисленны археологические находки одних только памятников материальной культуры, рассматриваемого периода. Эти, начавшиеся примерно с того же времени, с которого начались и открытия ископаемого человека, т. е. с середины XIX в., и неуклонно умножающиеся археологические открытия дают довольно четкую картину самого начального развития материальной культуры.

Первым материалом, служившим человеку для изготовления орудий и оружия, был камень, точнее, не камень вообще, а преимущественно кремнев, либо близкие ему по-

роды минералов, в частности кварцит. Кремьнь очень широко распространен по всему земному шару, причем в этом минерале сочетаются три весьма важных качества: твердость, способность раскалываться на пластины и способность давать острые режущие края. Все это предопределило выдающуюся роль кремня в истории культуры. Можно сказать, что не будь в природе скромного кремня, начальная история человечества пошла бы каким-то совершенно иным путем.

Материалом для изготовления ранних орудий и оружия служило также дерево, однако оно вошло в употребление не раньше камня, ибо для обработки дерева необходимо более твердое орудие, каковым и могло служить на данной стадии именно каменное орудие. Деревянные орудия либо деревянные части орудий не могли сохраниться в земле так же стойко, как каменные, и ранних следов употребления дерева археология вскрыть не может.

Археологические раскопки, относящиеся к каменному веку, производились первоначально главным образом во Франции. Вслед затем эти раскопки стали вестись и в других странах и в последнее время широко были поставлены в СССР. Накопленный материал, свидетельствуя о неуклонном прогрессе техники и культуры, дает возможность выделить ряд стадий. Эти последовательные стадии представлены обнаруживаемыми в различных местах земного шара остатками человеческой деятельности определенного типа, получившими в науке название «культур», именуемых по тем местностям, где впервые были найдены наиболее типические памятники данной культуры.

Самая примитивная стадия представлена шелльской культурой (по городку Шелль в Северной Франции). Она характеризуется основным видом орудия — грубо с двух сторон оббитым камнем, имеющим миндалевидную форму, довольно большого размера, длиной от 10 до 20 см, весом от 500 г до 1 кг. Орудие это именуется «ручным рубилом», «ручным ударником» или «ручным топором». Для того чтобы удобно было это орудие держать в руке, его толстая тыльная часть имеет плоскую поверхность, так называемую «пятку». Шелльское рубило имело, вероятно, универсальное применение, служа и ударным, и режущим, и колющим орудием, а одновременно, вероятно, и метательным оружием. Помимо рубила,

шелльской стадии уже были известны и другие примитивные каменные орудия, обработанные, видимо, из отщепов. Шелльские орудия из обсидиана и базальта были найдены советскими археологами С. М. Сардаряном и М. З. Паничкиной в 1947—1948 гг. в Армении, у горы Богутлу, на юго-западном склоне горы Арагац, в частности на холме, possessing название Сатани-Дар («Холм сатаны»). Это самый древний из известных на территории СССР археологических памятников.

Вследствие глубокой древности шелльских стоянок находящиеся в них орудия залегают обычно не в тех условиях, в каких они были оставлены первобытным человеком. С тех пор слой земли, в которых первоначально залежали шелльские орудия, перемывались водой, перемещались движениями земной коры и подвергались другим воздействиям. Поэтому археологи находят теперь, по общему правилу, уже не стоянки шелльского человека в собственном смысле слова, а отдельные предметы.

Следующая стадия истории раннего человечества представлена известными по многим местам Европы, а также в Африке и Азии памятниками, объединяемыми под названием ашельской культуры (по местечку Сент-Ашель в Северной Франции). Характерное орудие этой культуры — то же рубило, но несколько меньшего размера, чем шелльское, более правильной формы, гораздо лучше отделанное, тщательно обработанными путем поперечных сколов, так называемой «ретуши», острыми краями. Как и на шелльских, на ашельских стоянках находят также мелкие каменные орудия менее определенного типа. Ашельские стоянки отличаются от шелльских тем, что наряду с орудиями они хранят и другие следы пребывания и деятельности человека — большое количество костей диких животных — мамонта, носорога, а также следы использования огня.

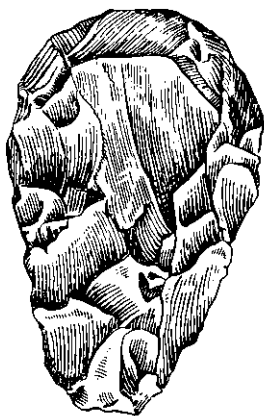

Рис. 1. Шелльское рубило

Слои ашельских стоянок, в отличие от шелльских, иногда, хотя тоже очень редко, сохранились до наших дней, не подвергшись перемываниям и передвижкам. Поэтому в них не только находят те или иные предметы, но и устанавливают взаимное расположение этих предметов, что дает возможность составить более полное представление об условиях жизни человека этой эпохи.

Ашельские памятники найдены и на территории СССР. Сюда относятся несколько находок на Кавказе: в Армении, у той же горы Богутлу, где были найдены шелльские орудия, у селения Арзни, в 18 км к северу от Еревана, и группа ашельских памятников, открытых С. Н. Замятниным в 1934—1936 гг. в Абхазии, на Черноморском побережье. Следы пребывания человека ашельской эпохи обнаружены также на Северном Кавказе, в Юго-Осетии, в Средней Азии.

Рис. 2. Ашельское рубило

Наконец, третья стадия изучаемого нами раннего периода первобытной истории представлена мустьерской культурой (по названию деревни и пещеры на юго-западе Франции). Культура эта распространена еще более широко, чем ашельская. Выдающимся памятником мустьерской культуры на территории СССР является уже названная выше пещера Киик-Коба в Крыму, близ г. Симферополя, где был найден неандерталец. Замечательным памятником той же культуры является стоянка близ станицы Ильской на Кубани, в 43 км к юго-западу от Краснодара, раскопанная в 1925—1928 гг. С. Н. Замятниным и в 1936—1937 гг. В. А. Городцовым. Такими же памятниками мустьерской культуры являются несколько пещер в горах Байсун-Тау на юге Узбекистана, в том числе уже упоминавшаяся в связи с находкой неандертальца пещера Тешик-Таш. Наконец, ряд памятников Мустье открыт в течение последних десятилетий в Абхазии, на Украине и на Волге.

Мустьерская стадия характеризуется значительным прогрессом техники. Рубило, типическое для предшествующих стадий, встречается здесь реже; к тому же оно еще

меньше размером и притом — что особо знаменательно — отделано гораздо грубее: можно сделать вывод, что это универсальное орудие уже вытесняется орудиями более специализированными. Типичное орудие мустьерской культуры — остроконечник. В своих более совершенных формах этот остроконечник мог служить наконечником для копья. Пало думать, действительно, что в эту эпоху уже существовало деревянное метательное оружие, а именно копьё и дротик, которое снабжалось каменным наконечником. Другим типичным орудием мустьерской культуры является скребло. Данная стадия знаменуется и использованием нового материала — кости, из которой изготовлялись мелкие заостренные орудия. На мустьерских стоянках находят обычно, причем иногда в большом количестве, кости крупных животных, преимущественно мамонта, затем носорога, пещерного медведя, дикой лошади, северного оленя и др. Наконец, обычны для стоянок Мустье также остатки костров. Мустьерские стоянки сохраняют в ряде случаев следы современного им человека. Это — вышеописанный неандерталец. Мустьерская культура является, таким образом, культурой неандертальца.

Шелльская, ашельская и мустьерская культуры обычно объединяются наименованием раннего палеолита.

Как видим, орудие и оружие человека раннего палеолита весьма бедны. Спрашивается, как при таких условиях он добывал себе средства существования и какой образ жизни вел? Что касается питания, то первоначально человек, очевидно, использовал преимущественно те виды пищи, которые ему были наиболее доступны. Сюда входила прежде всего растительная пища — плоды, ягоды, корни, затем мелкие животные, наконец, рыба, выброшенная на берег прибоем или пойманная просто руками. Легко могло первобытному человеку доставаться и мясо павших крупных животных. Но далеко не маловажную роль играла уже с самой ранней поры и активная охота.

Рис. 3. Мустьерский остроконечник

Иногда высказывался взгляд, что человек первоначально мог добывать только мелких животных, охота же на крупных животных была ему, по несовершенству оружия, которым он располагал, недоступна. Но забывают о том, что уже в ту пору человек обладал величайшей силой — коллективом, в котором он жил и добывал себе средства к существованию. Это давало ему возможность уже тогда, владея хотя бы только таким метательным оружием, как шельское рубило, устраивать массовые охоты на крупного зверя. Такая охота в виде облав и загонов, а равно посредством различных капканов, ловушек и пр. была широко распространена у всех отсталых племен и народностей. С развитием техники охота начинает интенсивно развиваться и становится для данной стадии основной отраслью производительной деятельности человека. О развитии охоты наглядно свидетельствует количество костей крупных животных на ашельских и мустьерских стоянках.

Надо полагать, что первоначально человек сохранял обыкновение, хотя бы частично, жить на деревьях. Называя раннюю эпоху существования человечества «детством человеческого рода», Энгельс говорит, что люди в это время «жили, частью по крайней мере, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей»¹. Не случайно некоторые отсталые племена сохраняли особую способность лазать по деревьям. Один путешественник 70-х годов XIX в., побывавший в глухих районах Австралии, рассказывает, что однажды их караван достиг одинокую австралийку. Увидев европейцев, она в крайнем испуге с необычайной ловкостью и быстротой взобралась на ближайшее большое дерево и, отломив ветку, приготовилась защищаться. Невероятную для европейца способность влезать на высокие гладкоствольные деревья, охотясь на опоссумов, обнаруживали женщины у тасманийцев. Наконец, у некоторых отсталых племен Индонезии и Новой Гвинеи сохраняется обыкновение часть года обитать в шалашах, сооруженных на ветвях громадного дерева.

Но, став человеком, наш предок окончательно сошел с дерева и стал устраиваться на земле. Постоянные поиски пищи заставляли человека переходить с места на место.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 9.

С дальнейшим развитием охоты, в особенности охоты на крупных животных, человек достигает уже некоторой, хотя бы кратковременной, обеспеченности пищей и может дольше задерживаться на своих стоянках. Об этом можно судить по характеру мустьерских стоянок, которые бывают расположены преимущественно под навесом скалы, либо в пещере и обнаруживают иногда большой культурный слой и обилие костей животных. Пещера и в более поздние времена остается излюбленным убежищем или естественным жилищем человека. Поэтому иногда говорят об «эпохе пещерного человека».

Как мы видели, ашельские и мустьерские стоянки хранят следы костров. Таким образом, уже в эту раннюю пору человек владел огнем. Это была первая сила природы, использованная и подчиненная человеком. Овладение этой силой составляет величайшее достижение первобытной культуры. Сравнивая открытие добывания огня с той революцией, которая была совершена изобретением паровой машины, Энгельс писал, что добывание огня превосходит эту революцию «по своему освобождающему человечество значению..., оно впервые дало человеку господство над определенной силой природы и благодаря этому окончательно оторвало его от животного царства»¹. Однако, констатируя наличие костров в ашельских и мустьерских стоянках, мы не можем сказать, умел ли уже человек этой эпохи добывать огонь или только научился его использовать. Дело в том, что огонь существует или нередко возникает в самой природе: огонь вулканический, зажигаемый молнией, возникающий от трения сухих веток дерева, и пр. Некоторые отсталые племена и сейчас, с одной стороны, нередко используют такой огонь, с другой стороны, уже обладая различными способами добывания огня, все же предпочитают сохранять его в виде тлеющей головешки или заимствовать у соседей. Рассматриваемая эпоха не сохранила никаких следов искусственного добывания огня. Мы поэтому описание ранних способов добывания огня и соответствующих приборов относим к последующему изложению.

Что собой представлял человеческий коллектив в рассматриваемую начальную эпоху? Мы знаем прежде всего,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 114.

что прямые предшественники человека — ископаемые обезьяны были стадными животными. С другой стороны, мы можем утверждать, что возникновение человека, а вместе с тем и возникновение труда в виде изготовления орудий было мыслимо только в коллективе. Шелльский топор в самом первоначальном своем виде был по-своему гениальным изобретением какого-либо одного индивида. Но только коллектив создавал условия и предпосылки для того, чтобы это изобретение не погибло, чтобы оно передавалось последующим поколениям и распространилось. Только коллектив обеспечил возможность сохранения, расширения и передачи тех навыков, которые были необходимы для усовершенствования этого изобретения. Коллектив был и остался навсегда основным и непременным условием человеческого прогресса. Ранний человеческий коллектив представлял собой группу, связь которой основывалась на совместном добывании пищи и взаимной защите от внешних опасностей. Однако в ту раннюю пору человек был мало обеспечен средствами существования, добыча их имела все же случайный характер. Поэтому не могло существовать сколько-нибудь прочной и постоянной человеческой группы: в разных местностях, в зависимости от местных условий и возможностей пропитания, от сезона и пр., такие группы могли быть более или менее крупными, могли распадаться и вновь скапливаться, меняясь в своем составе. Как называть этот ранний человеческий коллектив? В советской литературе принято наименование этого коллектива первобытным человеческим стадом. Употребляя это выражение, основываются на том, что так именно называли раннюю человеческую группу Ф. Энгельс и В. И. Ленин. «Первые люди,— писал Энгельс в письме к Лаврову от 12 ноября 1875 г.,— вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было»¹. В свою очередь В. И. Ленин в письме к М. Горькому в декабре 1913 г. назвал начальную общественную форму «первобытным стадом»².

Как бы данную группу ни называть, совершенно очевидно, что как человек этой эпохи является «настоящим»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 410.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 93.

человеком, так и этот коллектив был «настоящим» человеческим коллективом, естественно возникшей ранней формой человеческого общения. Еще одна черта общественного состояния человечества той эпохи состоит в том, что, повидимому, между этими ранними человеческими группами не существовало какой-либо постоянной связи и они были обычно более или менее изолированы. Все эти черты начального общественного состояния человечества определялись чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил.

Не много можем мы сказать о внутренних отношениях в этой ранней человеческой группе. Надо допустить, что она естественным образом возглавлялась вожаком, и вполне вероятно, что таким вожаком была скорее женщина, чем мужчина. Вопреки распространенному взгляду, в стаде диких животных вожаком бывает преимущественно самка, а не самец. Естественно, далее, что сколько-нибудь прочных отношений между полами в ту эпоху не могло существовать, точно так же как и каких-либо в этом смысле ограничений или правил. Это начальное состояние брака было названо промисквитетом (лат. promiscuus — «смешанный», «всем доступный»), или беспорядочными половыми отношениями. Но уже на рассматриваемой нами стадии возникло, — видимо, чисто стихийным путем, — первое ограничение половых отношений, а именно исключение из полового общения родителей и детей, равно как дедов и бабок с их внуками и внучками, но еще возможно было половое общение между братьями и сестрами. Изложенные положения представляют собой гипотезу, которая, однако, находит себе подтверждение при рассмотрении последующих форм брака и семьи.

Диаметрально противоположную позицию в данном вопросе занимает буржуазная наука. Соответствующий взгляд, высказанный впервые еще древнегреческим философом Аристотелем (IV в. до н. э.), оформился впоследствии в так называемую «патриархальную теорию». Согласно этой «теории», начальной общественной формой человечества была семья, состоявшая из родителей с их потомством и находившаяся под неограниченной властью главы семьи — патриарха. Эта начальная семья была вместе с тем и воплощением частной собственности. Таковой якобы и остается в неизменности основная ячейка челове-

ческого общества на протяжении всей его истории, являясь главным устоем всего общественного строя. «Патриархальная теория» не только говорит о начальной общественной форме и не только стремится утвердить патриархальную семью в качестве оплота классового общества; она имеет и более широкие политические цели. Длинный ряд идеологов классового строя пытается на этой основе и классовое государство изобразить как нечто производное от той же патриархальной семьи, а главу государства — монарха — как некоего патриархального «отца народов».

К изучаемой нами эпохе относится возникновение и начальное развитие величайшего дара, каким обладает человек, дара, резко отделяющего его от остального мира животных и являющегося могущественнейшим условием и фактором прогресса,— дара мышления и речи.

Буржуазная наука уже давно мудрствует по вопросу о том, что возникло раньше — мышление или речь, мысль или слово. Довольно широко распространено мнение, будто мышление вообще возможно независимо от языка. На самом деле мышление и речь неразделимым образом связаны, речь возникает одновременно с мышлением, мысль неотделима от слова, язык является лишь реальным выражением мышления. Возникновение того и другого материалистически обусловлено тем же, что обусловило возникновение самого человека, а именно трудом в коллективе. Создание самого простейшего орудия потребовало работы мысли, а поскольку такое создание могло произойти только в коллективе, оно потребовало и какого-либо способа выражения и передачи этой мысли. «...Язык возникает,— писали Маркс и Энгельс,— лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми»¹. «Развитие труда,— писал Энгельс,— по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества... формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать другу другу*»². Итак, язык составляет необходимую принадлежность, необходимое условие общественной жизни и тем самым изначален.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 20—21.

² Там же, т. XIV, стр. 454—455.

Еще один важный вопрос мы должны здесь затронуть, имея в виду в дальнейшем к нему вернуться.

Буржуазная наука настойчиво приписывает самому раннему человечеству религию, присущую ему, таким образом, якобы изначально. Тут одни авторы готовы утверждать, что религия свойственна уже животным и человеку только осталось биологически ее унаследовать. Находятся авторы, пускающиеся в рассказы о том, что обезьяны имеют культ змей, что собака испытывает нечто вроде культа по отношению к своему хозяину, и т. д. Иные авторы, воздерживаясь от подобного рода нелепостей, все же утверждают, что религия «органически» присуща человеку, а некоторые, утверждая изначальноность религии, говорят даже не о религии, а о ее «высшей» форме — единобожии, или монотеизме. Эта теория изначальноного монотеизма, или «прамонотеизма», усиленно насаждается католическими патерами.

Подлинно научные соображения говорят о том, что человечество в самую раннюю эпоху своего существования совершенно не знало религии в какой бы то ни было, хотя бы самой зачаточной, форме. Археологические памятники данной эпохи не дают никаких признаков существования религии. Религия не дана биологически и не могла быть унаследована человеком от своего животного предка. Религия представляет собой явление надстроечное, возникающее на известном этапе развития человеческого общества и на определенном базисе. Итак, начальная эпоха существования человечества была эпохой безрелигиозной.

В настоящее время не существует на земле таких отсталых племен, которые бы сохраняли в своем быту черты рассмотренной нами отдаленнейшей эпохи. Даже самые отсталые из них все-таки уже далеко ушли от нулевой точки культуры. Таким образом, сейчас нет таких племен, которые употребляли бы каменные орудия шельского, ишельского или мустьерского типа, у которых бы сохранился, хотя бы в пережитке, промискуитет, которые не знали бы религии в какой-либо элементарной форме. Это не мешает, однако, некоторым авторам приписывать отсталым современным отсталым племенам якобы «животночеловеческое состояние».

Глава вторая

**КУЛЬТУРА РАННЕГО РОДОВОГО
ОБЩЕСТВА**

Подъем производительных сил. Ориньякская и солютрейская культуры. Завершение процесса антропогенеза и возникновение рас. Прогресс техники. Возникновение составного орудия. Прогресс хозяйства. Развитие охоты. Возникновение жилища и одежды. Образование родовой общины. Возникновение изобразительного искусства и религии. Тасманийцы как представители раннеродового общества

Описанный нами в предшествующей главе ранний период истории был назван Энгельсом «детством человеческого рода». Вслед затем наступает пора возмужания. Человечество делает громадный шаг вперед. Археологические памятники, относящиеся к эпохе, непосредственно следующей за знакомыми нам культурами раннего палеолита, дают замечательную картину мощного подъема всех областей культуры: техники, хозяйства, организации общества и идеологии. Этот знаменательный этап в истории первобытного человечества представлен ориньякской и близкой ей солютрейской культурами (по названиям двух местностей во Франции). Памятники этих культур (их нередко соединяют под названием ориньяко-солютрейской стадии, эпохи или культуры) найдены по всей Европе, местами в Африке и в Азии.

На территории СССР ориньяко-солютрейская эпоха представлена рядом памятников. Выдающимся памятником этой эпохи является группа Костенковских стоянок на

р. Дон, в 23 км от Воронежа, исследованных в особенности советским археологом П. П. Ефименко. Помимо общего инвентаря, свойственного данной стадии, и остатков полуподземного жилища, Костенки замечательны найденными здесь в большом количестве женскими фигурками и статуэтками из слоновой кости и мергеля. Замечательна также стоянка Мальтá в Сибири, на левом берегу р. Белой, притока Ангары, у селения Мальтá, в 80 км от Иркутска, изученная советским археологом М. М. Герасимовым. Обнаруженные здесь остатки нескольких жилищ из каменных плит и больших костей животных имеют следы очагов, вне жилищ находятся следы костров. В Мальтэ найдено большое количество предметов изобразительного искусства — женские статуэтки, изображения животных, рыб и птиц, а также навесные украшения. Весьма близка к Мальтэ по своему характеру стоянка, открытая А. П. Окладниковым в 50 км к северу от Мальтэ, у селения Буреть, на правом берегу Ангары. И здесь найдено несколько углубленное в землю жилище, сооруженное с применением в качестве строительного материала крупных костей животных, в частности рогов северного оленя, для кровли. Интересна найденная в Бурети статуэтка из бивня мамонта, изображающая человека в меховой одежде. В Сибири же, в трех сравнительно узких областях — в верховьях Оби, по верхнему течению Енисея и вокруг Байкала — открыт ряд других памятников ориньяко-солютрейской эпохи. Известны также стоянки той же эпохи в других местностях СССР. Таковы, например, стоянки на Дону и в бассейне Десны, раскопанные археологом П. И. Борисковским, геологом В. И. Громовым и др.

Ориньяко-солютрейская эпоха знаменуется прежде всего тем, что на ее стоянках найдены ископаемые представители человека, весьма значительно ушедшего вперед от неандертальца, во многом от него отличающегося и по всем своим физическим признакам относящегося к современному человеку. Надглазничные валики исчезли, лоб прямой, подбородок выступает вперед, строение всего скелета говорит о совершенном прямохождении, вместимость черепной коробки около 1400 см³. Итак, произошло крупнейшее событие в истории самого человека: процесс антропогенеза завершился, человек закончил свое биологическое развитие. Перед нами уже современный человек, или,

как выражаются антропологи, homo sapiens (дословно — «человек разумный»).

Наиболее типические представители этого нового человека были найдены в пещерах Кро-Маньон, во Франции (в Дордони), и Гримальди, в Италии. Весьма близкие между собой по общему строению костяка и черепа, кроманьонец и гримальдиец обнаруживают некоторые специфические особенности каждый. Произошло еще одно событие в истории человека — возникли современные расы.

Расы представляют собой исторически сложившиеся разновидности человека, имеющие ряд наследственно передающихся внешних физических особенностей. Эти особенности образовались в результате расселения человечества, под действием географических факторов и исторически сложившихся условий. Таким образом, современные расы отнюдь не извечны и не изначальны. Уже различные, в разных географических районах найденные представители неандертальца обнаруживают некоторые особенности. Влияние среды в конкретных условиях, в силу изоляции различных человеческих групп, закрепило эти особенности, передавая их по наследству и создавая ряд более или менее стойких физических различий в цвете кожи, в строении волос, частично в форме черепа и пр. Так возникли три современные основные расы: европеоидная, негроидная и монголоидная. Кроманьонец и гримальдиец являются представителями: первый — европеоидной, второй — негроидной расы. Ископаемые представители монголоидной расы обнаружены в Сибири — близ Красноярска и в Китае — близ Пекина.

Как сказано, расы отличаются только некоторыми внешними физическими особенностями. Ничего общего не имеют расовые различия с областью физиологии, с размером и строением мозга, с нервной системой и высшей нервной-психической деятельностью. Никакого отношения, следовательно, не имеют расы к разуму, способностям, одаренности человека и пр. Ни о каких «высших» и «низших» расах говорить совершенно не приходится. Все выдумки по этому поводу реакционной лженауки не имеют никаких оснований.

Итак, расы возникли на заре истории человечества под влиянием различных условий географической среды. В дальнейшем, с ростом культуры, это влияние сказывается-

ся все в меньшей и меньшей степени. Последующая история человеческих рас определяется в первую очередь развитием общественных отношений, развитием связей между отдельными человеческими группами, их передвижениями и смещениями. Все это влечет за собой скрещивание и смешение рас, сглаживание и стирание тех особенностей, которые возникшим расам были присущи. В результате, если в дальнейшей истории человека, равно как до сего времени, и сохраняются в общих и широких масштабах некоторые отличия, свойственные каждой из названных трех основных рас, то внутри этих рас существует бесконечное разнообразие переходных типов и вариантов, в отдельных признаках сближающих представителей различных рас. Отсюда — образуемые антропологами группы смешанных, вторичных, промежуточных рас, «подрас», «рас второго порядка» и пр.

Из сказанного ясно, что никаких «чистых» рас, о которых говорит реакционная лженаука, нет и быть не может. Общественно-исторические условия, создавшие расы, продолжают существовать и сейчас, поддерживая в общем сохранение расовых различий. Но непреодолимо совершающееся сближение различных групп человечества, развитие средств сообщения и пр. — все это ведет к грядущему в конечном счете исчезновению рас.

Вернемся теперь к памятникам ориньяко-солютрейской эпохи.

В области техники мы находим здесь значительный подъем по сравнению с мустьерской культурой. Гораздо выше стоит прежде всего обработка камня; к примитивной оббивке или скалыванию присоединяется особый, дающий орудия более точные и детальные формы прием — отжим. Широко распространяется использование кости и рога. Широко применяется в эту эпоху также и дерево: форма ряда встречающихся на ориньяко-солютрейских стоянках каменных и костяных изделий говорит о том, что они были рабочими частями орудий, насаживавшимися на деревянные рукоятки. Это — важный этап в развитии техники: переход к составному орудью и оружию. Стоянки данной стадии отличаются обилием находимых здесь предметов: производство развивается. О том же говорят обнаруженные здесь своего рода «мастерские» для добычи кремня и выделки орудий, в частности лежащие от-

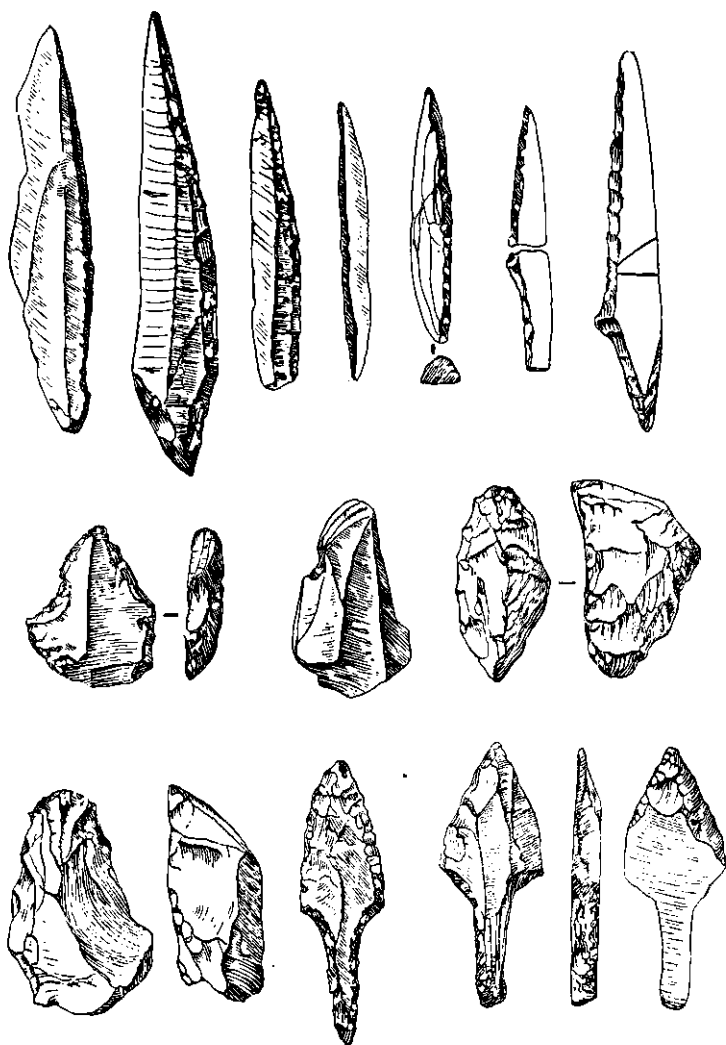

Рис. 4. Ориньяко-солютрейские орудия

дельно кучи мамонтовых бивней, как бы собранных про запас. В общем весь набор орудий и оружия ориньяко-солютрейской эпохи несравненно богаче и разнообразнее, чем то, чем обладал мустьерец. На смену универсальности, свойственной двум в сущности видам орудий Мустье, мы видим здесь уже специализированный и относительно разнообразный набор орудий и оружия: помимо сохраняющегося тяжелого каменного рубила,— нож, копье, дротик, разнообразные резцы, скребок, шило. Нередки находки в памятниках этой эпохи костяных иголок. В одном из памятников солютрейского слоя, в пещере Плакар, на юге Франции, найден футляр из птичьей кости с содержащимися в нем костяными иглами. Здесь же был найден и костяной рыболовный крючок.

Развитие техники, в частности усовершенствование металлического оружия, повело к дальнейшему развитию охоты. Об этом говорит ряд особенностей ориньяко-солютрейской стадии. Громадное скопление на отдельных стоянках костей определенных видов животных свидетельствует о развитии массовой охоты преимущественно на крупных стадных животных — мамонта, дикую лошадь, северного оленя. Скопление остатков этих животных доходит на некоторых европейских стоянках Ориньяко-солютре до тысяч особей. Очевидно, человек этого времени, помимо оружия, весьма широко прибегал к облавам, загонам, западням и прочим способам добычи зверя. Наряду с развитием охоты рыболовство остается еще малоразвитым.

Охота приносит теперь значительную обеспеченность средствами существования. А это дает человеку возможность сделать еще один шаг по пути культурного прогресса — перейти хотя бы к относительной оседлости. И об этом наглядно свидетельствуют памятники ориньяко-солютрейской эпохи. Стоянки данной эпохи говорят о том, что человек теперь оставался на одном месте в течение довольно длительного времени. При этом он располагает свои стоянки уже не в пещерах, как в предшествующую эпоху, а преимущественно на открытых площадках, под защитой скал. Вместе с началом оседлости и открытыми стоянками ориньяко-солютрейская стадия знаменуется появлением прочного жилища. Факт существования постоянного жилища в палеолите был впервые открыт совет-

скими археологами. Судя по известным теперь уже в довольно большом числе образцам палеолитического жилища, оно представляло собой основательно построенную полуземлянку, иногда вымощенную плитами и укрепленную камнями, с кровлей, вероятно, конической формы, из жердей, покрытых ветвями и шкурами. Некоторые из раскопанных землянок имели большие размеры, достигая 200 м². Внутри землянки были расположены очаги. Отдельные стоянки данной эпохи состояли из нескольких землянок, образуя маленький поселок, население которого доходило, вероятно, до ста человек взрослых. Судя по наличию костяных иголок, человек сделал сейчас еще одно немаловажное завоевание — научился шить. Сшитые шкуры зверей могли употребляться для покрытия жилища, и для защиты тела. Итак, человек обзавелся еще одним достоянием культуры — возникла одежда, исходным и основным назначением которой была защита тела. Ориньяко-солютрейский человек широко пользовался огнем: как на стоянках, так и в жилищах этой эпохи встречаются остатки не только костров, но и очагов или печей. Однако непосредственных следов умения добывать огонь искусственным путем мы все еще не имеем.

Памятники ориньяко-солютрейской стадии не могут сами по себе сказать что-либо об общественном строе данной эпохи. Но мы имеем все основания предполагать, что именно на этом переломном рубеже истории человечества развитие производительных сил привело к коренному преобразованию общественного устройства. Это развитие и новые формы хозяйства потребовали смены непостоянной, легко распадающейся человеческой группы, свойственной предшествующей стадии, более устойчивым и прочным коллективом. Спайку и форму этому коллективу дало кровное родство. Именно к данному этапу истории человечества следует отнести возникновение группы, прочно связанной постоянным совместным коллективным трудом и скрепленной кровным родством, — рода, или родовой общины, ставшей отныне основной общественной формой первобытного строя.

Еще одна замечательная черта культурного подъема обнаруживается в памятниках ориньяко-солютрейской эпохи. Мы имеем здесь первые свидетельства возникновения изобразительного искусства. На стоянках данной эпо-

ли находят большое число образцов примитивной скульптуры и рисунка. Находимые здесь просверленные зубы животных и некоторые другие изделия говорят о появлении украшений. Наконец, ряд признаков, в частности положение скелетов и некоторые сюжеты рисунка и живописи, говорят, что на данной стадии возникла уже и религия.

Ряд авторов пытается отнести возникновение как религии, так и изобразительного искусства к более ранней эпохе, а именно, к Мустье. К сожалению, эта сугубо ошибочная позиция проникла и в нашу советскую литературу. Никаких действительных признаков существования изобразительного искусства в эпоху Мустье не обнаружено и говорить об этом нет никаких оснований. Домысел же о наличии религии в мустьерскую эпоху основывается на утверждении, будто в это время уже существовал обряд погребения, причем при погребении покойнику придавалось особое положение, он снабжался различными «необходимыми» ему в его «загробной жизни» вещами и т. д. (так называемое «неандертальское погребение»). Получается, таким образом, что в эпоху Мустье уже существовало не только обрядовое погребение, но и достаточно развитая система религиозных представлений, которые в таком случае должны были начать складываться еще раньше. Тут не далеко и до «изначальности» религии! Вся эта конструкция основывается на совершенно произвольном, обильно снабжении фантазией археологов толковании некоторых мустьерских памятников. Таким образом, датировать возникновение как изобразительного искусства, так и религии можно на должном основании только с Ориньяка.

Суммируя сказанное и сравнивая ориньяко-солютрейскую стадию с предшествующей — мустьерской, мы получаем следующие показатели. Прежде всего, процесс антропогенеза закончился, возник современный человек. Возникли и расы. Перед нами следующие новые неизвестные Мустье элементы культуры: существенно увеличившийся набор орудий и оружия, в значительной мере специализированных; появление составного орудия и оружия; широкое использование в качестве материала кости и рога; несомненные признаки широкого использования в том же качестве дерева; новая техника обработки камня;

интенсивное развитие охоты на крупных животных; начало оседлости; возникновение постоянного жилища; появление очага или печи; возникновение одежды и шитья.

Все это складывается во внушительную картину значительного подъема производительных сил. А такой подъем, в силу материалистического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, не мог не отразиться на организации самого общества, на производственных отношениях в нем. И хотя археологический материал не может по своему характеру дать на этот счет прямого показания, вполне обосновано, что именно на данной стадии возникает новая, прочная организация первобытного общества — родовой строй. Возникновение на данной стадии изобразительного искусства, украшений и религии довершает общую картину развития культуры в ориньяко-солютрейскую эпоху, свидетельствуя об образовании в эту эпоху и сложных надстроечных явлений.

Совершенно иное и вполне специфическое толкование ориньяко-солютрейской стадии предлагают некоторые буржуазные археологи. Остановившись в изумлении перед этим расцветом культуры в каменном веке и чуждые представления о диалектике исторического процесса, они прибегают к излюбленной в буржуазной науке теории миграций и завоеваний. Так, ориньякская и солютрейская культуры толкуются ими в качестве создания «новой расы», новых племен, а именно «высокоодаренных» кроманьонцев, вторгшихся в Европу из Африки или Азии и покоривших якобы «отсталых» мустьерцев. Не приходится говорить, что для такого толкования или просто вымысла нет никаких данных и никакой почвы.

Как было сказано, все современные отсталые племена и народности сравнительно далеко ушли от подлинной первобытности. Таким образом, даже самые отсталые из этих племен по ряду признаков стоят все же выше, чем кроманьонцы и гримальдийцы. Единственным подходящим примером того культурного состояния, которое представлено в ориньяко-солютрейской стадии, могут служить тасманийцы. Да и это — весьма условно и относительно. Тасманийцев сейчас не существует. Жесточайшие приемы английской колонизации, начавшейся примерно в двадцатых годах XIX в., с необычайной быстротой привели к пол-

ному уничтожению всего туземного населения Тасмании. Уже в 1854 г. оставалось всего 16 тасманийцев: трое мужчин, одиннадцать женщин и двое детей. Последняя чистокровная тасманийка умерла в 1877 г. Этими трагическими обстоятельствами и крайним невежеством ранних колонизаторов Тасмании объясняется то, что о культуре тасманийцев сохранились лишь весьма недостаточные и к тому же нередко противоречивые сведения.

Тасманийцев можно считать наиболее отсталой группой человечества, какая только известна этнографии. В антропологическом отношении они представляют собой, конечно, вполне современного человека. Значительную роль в культурной отсталости тасманийцев сыграли как условия естественной среды, в которой они жили, так и их вековая изолированность, причем их ближайшими соседями были не намного выше их стоявшие австралийцы. Поэтому культура тасманийцев не может быть совершенно аналогичной ориньякско-солютрейской. Взять хотя бы то, что в Тасмании почти не встречается кремль, почему тасманийцам приходилось делать свои каменные орудия из плотного песчаника. А это обуславливало иные формы изделий и иную технику обработки. Все же авторитетные археологи сближают каменные орудия тасманийцев с ориньякскими. Вместе с тем в каменном инвентаре тасманийцев довольно обильно представлены орудия более архаического — мустьерского типа. Если здесь нет недоумения, то, судя по некоторым показаниям, техническая отсталость тасманийцев выражалась и в том, что они не знали сложного орудия и оружия, т. е. не умели придавать каменной рабочей части орудия деревянную рукоятку или каменный наконечник копью. Материалом для орудий, оружия и утвари служили тасманийцам камень, дерево, раковины, шкура, кожа и растительное волокно. В очень незначительной мере — этим они резко отличаются от ориньякцев — использовали тасманийцы кость. Это очевидным образом объясняется тем, что в Тасмании нет крупных животных и, следовательно, подходящего материала. Мамонтовых бивней, которыми был так богат кроманьонец, у них ведь не было.

При таких условиях технический инвентарь тасманийцев состоял, насколько имеются об этом данные, из следующих видов орудия и оружия: каменных ручных рубил,

остроконечников и иных неопределенной формы режущих орудий, деревянной дубины или палицы (ручной и особой формы — метательной), копья, целиком деревянного, палки для выкапывания съедобных корней и деревянной лопатки, которой женщины отрывали от скал моллюсков. Деревянные изделия обрабатывались каменными орудиями либо раковинами. Копье изготовлялось из побега твердого дерева, который распаривался на костре и выпрямлялся, затем обстругивался простым осколком камня, каменным скребком или раковиной. Конец копья обжигался на огне. Огонь добывался трением деревянной палочкой. Прирученной собаки тасманийцы не знали. Утварь состояла из сумок, корзин и пр., сплетенных из травы или волоса. Из того же материала плелись веревки. Из длинных сухих листьев одного из местных растений тасманийские женщины плели такие плотные корзинки, что они могли служить вместилищем для воды. Жилищем служило нередко дупло большого дерева, а чтобы его расширить, это дупло еще выжигалось. На стоянках сооружали легкий заслон из веток или из коры — защиту человека и его костра от ветра, либо столь же примитивный шалаш из кольев, которые покрывались ветками.

Средства существования добывались тасманийцами путем собирательства, охоты и рыболовства. Собирали съедобные растения, корни, плоды, ягоды, мелких животных, ящериц, раков, улиток, моллюсков. За отсутствием в Тасмании крупных животных, охота ограничивалась главным образом кенгуру и опоссумом, морская охота — тюленями. При охоте на кенгуру широко применялись облавы и загоны с поджиганием травы. Охота на опоссумов и тюленей составляла специальность женщин. С исключительной ловкостью, делая каменным рубилом зарубки на гладком стволе дерева и перебрасывая закинутую за ствол или ветви веревку либо кожаный ремень, влезали тасманийки на высокое дерево и вытаскивали скрывавшихся между ветвями опоссумов. С такой же ловкостью подкрадывались они к греющимся на солнце тюленям, подражая всем их движениям, и убивали одним ударом простой дубины. Неоднократно говорилось о том, что тасманийцы не знали рыболовства и совершенно не ели рыбы. Это — недоразумение. Ссылаются на то, что тасманийцы не имели сетей и крючков. Но они ловили

рыбу просто руками или корзинами, как это делают многие другие отсталые племена. Впрочем, некоторые авторы говорят о наличии у тасманийцев и сетей, и рыболовных крючков из кости и раковин. Имелись у тасманийцев и зачатки судоходства в виде плотов и лодок из древесной коры, скрепленных веревками. Пища, растительная и животная, употреблялась в сыром виде и жарилась. Большую часть года тасманийцы оставались совершенно нагими и лишь во время холодов накрывались шкурой кенгуру. Широко было распространено натирание тела смесью жира с охрой, что служило, вероятно, для защиты от холода, а пожалуй, и от насекомых.

К сожалению, почти ничего неизвестно об общественном строе тасманийцев. Судя по отдельным показаниям, это был родовой строй в его самой рудиментарной форме. Брак в пределах рода не допускался, т. е. действовал порядок так называемой экзогамии. Соединение родов составляло племя, представлявшее собой изолированную группу. Каждое племя кочевало в пределах определенной территории, границы которой были хорошо известны и самому племени, и его соседям. Неприкосновенность этих границ соблюдалась строжайшим образом. Судя по указаниям на то, что стоянки тасманийцев состояли из 3—4 хижин, отдельные кочующие группы их были невелики.

Изобразительное искусство тасманийцев выражалось в условном рисунке черной и красной краской и некоторых попытках реалистического рисунка. Раскрашивали они и собственное тело. Неизвестное значение имела татуировка в виде рубцов на коже. Навесные украшения состояли из зубов кенгуру, ожерелий из мелких раковин, а то и простой веревочки или полоски меха. Как женщины, так и мужчины украшали свои головы венками из цветов и птичьими перьями. Широко были распространены празднества, так называемые «коррбори», которые устраивались в особенности во время полнолуния и сопровождались пением и плясками. Единственным музыкальным инструментом был у них барабан, обтянутый кожей.

Наконец, не чужды были тасманийцы и религии. Отдельные роды не употребляли в пищу определенных видов животных или рыбы. Вероятно, отсюда-то и идет ошибоч-

ное мнение о том, что они вовсе не ели рыбы. Они верили в добрые и злые силы, последних боялись, в особенности ночью. Умерших зарывали в землю или прятали в дуплах деревьев. Практиковалось у них и сжигание трупов, причем пепел зарывался в землю и над могилой устраивалось нечто вроде шалаша из кольев и коры.

Если мы пытаемся сопоставить культуру тасманийцев с ориньяко-солютрейской, то надо еще раз подчеркнуть, что сближение этих культур и в силу недостаточности данных, и по существу остается крайне условным. Еще раз надо сказать, что большую роль, определяющую различия этих культур, играет географическая среда. Тасманийцы были окружены несравненно более скудными природными условиями, чем ориньякцы. Судя по всем данным, пищи у тасманийцев, соответственно их потребностям, было достаточно. Численность их была невелика. Ее определяют к моменту их первого столкновения с европейцами в 8 тыс. человек. Это, при общей площади Тасмании в 67 898 км², дает 8,5 км² на одного человека. При таких условиях кормовая область каждого племени была, очевидно, вполне достаточной для его прокормления продуктами собирательства, охоты и рыболовства. Но того обилия пищи, в особенности мясной, которое давали крупные стадные животные ориньякам, у тасманийцев не было.

В общем всё же рассмотренные нами картины ориньяко-солютрейской эпохи и тасманийской культуры могут, хотя бы очень условно, дать нам приближенное представление о состоянии первобытного человечества на стадии раннеродового строя.

Глава третья

РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ

Культуры позднего палеолита и неолита: Мадлен, Азиль, Тарденуа, Астурийская, Маглемозе, „Кухонные кучи“, Триполье, Свайные сооружения. Материал для изготовления орудия и оружия. Наступательное оружие: копье и копьеметалка, лук и стрелы, бумеранг, духовое ружье, праща и бола. Оборонительное оружие. Добывания огня. Заимствования и изобретения. Труд — основа развития техники и культуры

Обращаемся к развитию техники в первобытном обществе. Если для того этапа, который мы сейчас изучали, мы могли с археологическими данными сопоставить, да и то весьма условно, лишь описание тасманийцев, то теперь, переходя к развивающемуся родовому строю, мы имеем возможность в дополнение к археологическим данным привлечь уже обширный этнографический материал.

Следующая за ориньяко-солютрейской стадия палеолита представлена мадленской культурой (по названию местности Ла-Мадлен на юго-западе Франции). Прогресс техники выражается здесь в заметном развитии производства из кости и рога. Появляются новые орудия из этого материала — копьеметалка и гарпун. Копьеметалка — остроумное изобретение, представляющее собой дощечку с упором, на которой помещается копье или дротик; она увеличивает дальность полета копья почти вдвое. Гарпун — метательное оружие с отделяющимся зазубренным наконечником, которое могло употребляться как для охоты, так и для ловли крупной рыбы. Памятники

мадленской культуры найдены по всей Европе, ряд их известен на территории СССР, в европейской его части и в Сибири.

Ориньяко-солютрейская и мадленская культуры составляют поздний палеолит.

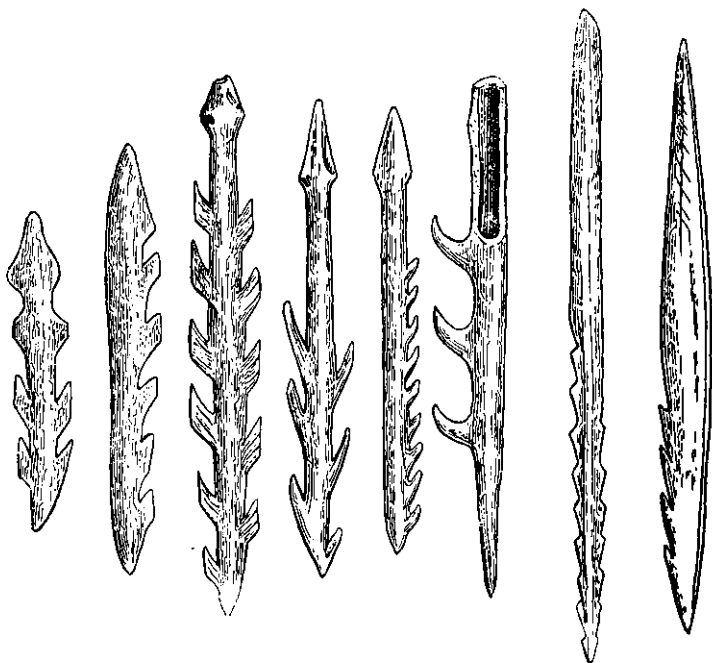

Рис. 5. Мадленские гарлуны

Согласно археологической периодизации, за палеолитом следует длинный ряд культур, объединяемых общим названием неолита.

С широкой историко-культурной точки зрения неолит существенным образом отличается от палеолита. В Шелле, Ашеле, Мустье, Ориньяко-солютре и Мадлене мы имеем, можно сказать, универсально-исторические этапы, или стадии, развития человеческой культуры. При этом нижний палеолит характеризуется поразительным единообразием своей культуры во всех ее проявлениях на пространстве

всего земного шара, верхний палеолит позволяет различать лишь весьма обширные, притом все же не достаточно определенные географические области. Неолит, с одной стороны, не дает той четкой последовательности археологических культур, которая присуща палеолиту; с другой стороны, его культуры имеют территориально преимущественно ограниченный характер, а иногда и узко локальны. Это потому, что неолит является эпохой, когда на основе развития производительных сил совершается значительная дифференциация человеческой культуры, и неолитические археологические культуры представляют собой уже местные культурно-исторические общности, которые на поздних стадиях неолита могут быть связываемы и с определенными этническими общностями.

При таких условиях периодизация неолита сводится к различению раннего, развитого и позднего неолита. Ранний неолит иногда именуется также мезолитом (греч. *mesos* — «средний»), эпипалеолитом (греч. *epi* — «после») или протонеолитом (греч. *protos* — «первый»).

Остановимся на наиболее распространенных и примечательных неолитических культурах.

Наиболее ранней из них следует считать азильскую (по названию местности Ма-д'Азиль на юге Франции). Азиль свидетельствует о новом крупном шаге в развитии техники и хозяйства. Появляются мелкие, обычно в 1—2 см длиной, тщательно обработанные каменные изделия правильной формы, названные микролитами (греч. *mikros* — «маленький»), представляющие собой, очевидно, лезвия, резцы, наконечники и пр. Составное орудие из камня и дерева или кости продолжает таким образом развиваться. Знаменательное явление Азиля — каменные наконечники для стрел. Мы стоим здесь перед лицом крупнейшего события в истории техники, а вместе

Рис. 6. Эскимосский гарпун

с тем и в истории культуры вообще — возникновения лука со стрелами — нового, дальнобойного оружия, сделавшегося основным оружием первобытного человека. Появление лука дает новый толчок развитию охоты, а широкое распространение гарпуна, как и ряд других признаков, говорит об интенсивном развитии рыболовства. Наконец, замечательную находку, обнаруженную в Азиле, составляют кости домашней собаки. Совершилось,

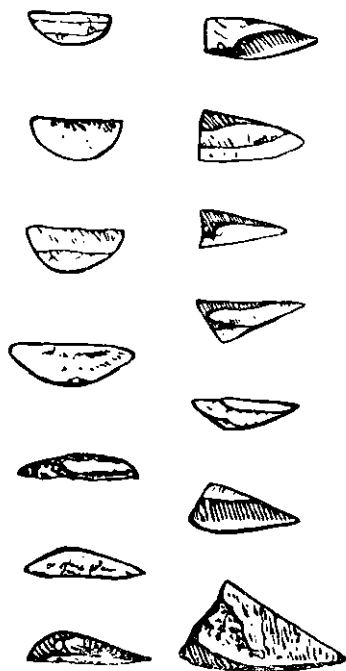

Рис. 7. Микролиты Тарденуа

следовательно, новое крупное событие в истории культуры — было приручено первое животное. Весьма интересно, что приручение собаки, ставшей спутником и помощником человека в охоте, совершилось, повидимому, одновременно с изобретением лука — дальнобойного охотничьего оружия. Близка к Азилью тарденуазская культура (по названию местности Фер-ан-Тарденуа на севере Франции), стоянки которой говорят о распространении лука со стрелами и подтверждают существование прирученной собаки.

Памятники азильской культуры обнаружены только в Европе, тарденуазской — также в Северной Африке и в Азии. На территории СССР мезолит представлен довольно обильно.

Таковы стоянки на Оке, на Верхней Волге, на Соже, Десне и Западной Двине, исследованные советскими археологами О. Н. Бадером, К. М. Поликарповичем, П. Н. Третьяковым и др. Таково же большое число памятников (свыше ста) в Крыму. Известны также ранненеолитические стоянки на Средней Десне и в Прибалтике.

К несколько более позднему времени, чем азильская

и тарденуазская культуры, относится астурийская (от древнего названия провинции на севере Испании — Астурия) культура, распространенная по всему северу

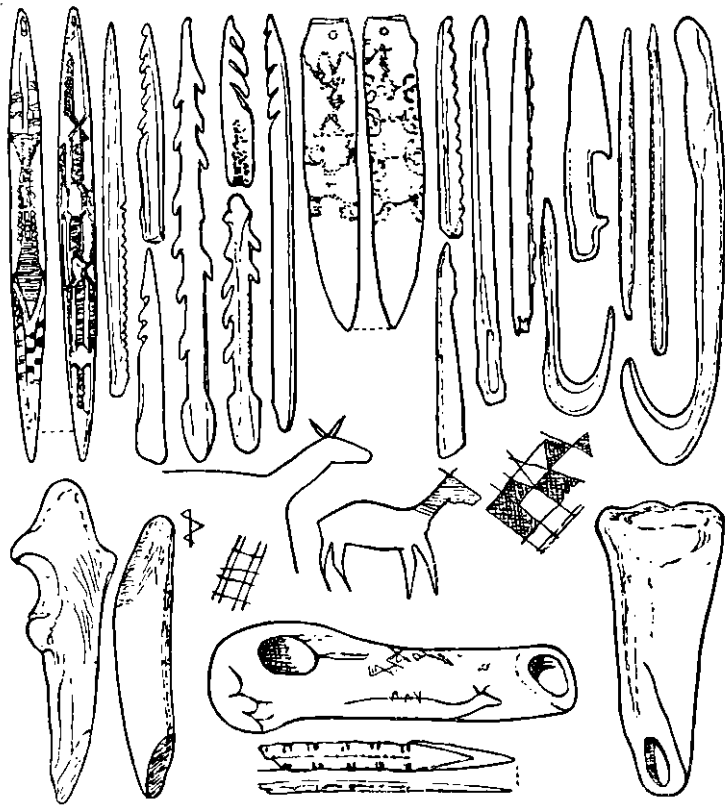

Рис. 8. Орудия и рисунки Маглемозе

Испании и заходящая в пределы Франции. Особую черту этой культуры составляют обнаруживаемые на ее пещерных стоянках кучи морских раковин. Наконец, еще более поздней культурой Европы является Маглемозе (по названию местности на о. Зеландия в Дании), датируемая шестым тысячелетием до н. э. Крупнейшее событие эпохи Маглемозе — зарождение топора в виде грубо оббитых кремневых колунков, вставлявшихся в топориче.

Иные находки Маглемозе говорят о дальнейшем развитии составного орудия, равно как и о дальнейшем распространении лука и стрел. Памятники Маглемозе найдены по берегам Балтийского моря, в Польше, Германии и на территории СССР.

К раннему неолиту принадлежит также весьма своеобразная культура, именуемая культурой кухонных или раковинных куч. Она названа так потому, что

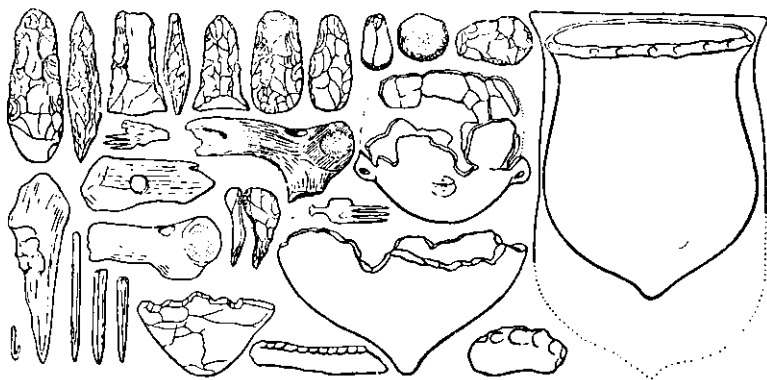

Рис. 9. Орудия и керамика «раковинных куч»

памятники ее представляют собой громадные, тянущиеся вдоль берегов моря или реки кучи раковин и других остатков «кухни» многих поколений. В этих кучах находят и массу кремневых и костяных изделий. Культура эта обнаруживает дальнейшее развитие топора, остающегося, однако, еще грубо оббитым. Важнейшим культурным элементом, впервые появляющимся в «кухонных кучах», является сохранившаяся в виде черепков глиняная посуда. Возникло, значит, новое производство — гончарство. Общая картина, которая рисуется данной культурой, говорит о развитом рыболовстве. Возможно, что люди этой культуры, рыбаки по берегам морей и рек, уходили для сезонной охоты в другие места. Культура «кухонных куч», впервые открытая в Дании, откуда ее еще одно — датское — название «кьеккенмединг» (дословно — «кухонная куча»), обнаружена в настоящее время в разных местах Европы, Азии и Америки, а также в Южной Африке.

Наиболее значительный факт истории техники, отраженный в более поздних памятниках неолита, составляет появление уже не оббитого, а отшлифованного кремневого топора, причем этот топор уже нередко просверлен. Так продолжается совершенствование этого важнейшего орудия первобытной эпохи.

Памятники развитого неолита распространены по всей территории СССР, но изучен он на этой территории весьма неравномерно. Лучше известны неолитические стоянки на севере европейской части СССР, где они были исследованы советскими археологами А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс.

Особенность развитого неолита всей лесной полосы Восточной Европы составляет керамика, снабженная ямочно-гребенчатым орнаментом, совершенно неизвестным Западной Европе. Керамика эта дает три вида сосудов: большие, служившие преимущественно для хранения запасов, средние — для варки пищи и малые — для приема пищи.

Большое число памятников неолита открыто советскими археологами в Сибири, где к тому же удалось проследить последовательность отдельных этапов развития неолитической культуры от появления лука и стрел до перехода к металлу. В Средней Азии известна культура кельтеминарская культура, открытая советским ученым С. П. Толстовым. Культура эта представлена рядом стоянок в Узбекистане и Казахстане. В Узбекистане на одной из стоянок открыто наземное жилище громадных для неолита размеров — площадью около 320 м², со следами в разных местах этого жилища костров, на которых готовилась пища, а в центре — очага без каких-либо бытовых остатков, игравшего, возможно, культовую роль.

Поздний неолит характеризуется существованием довольно развитых земледельческих культур (называемых еще культурами крашеной керамики). Таковы культуры Яньшау в Китае, Анау в Средней Азии, Первая дунайская в Богемии и Румынии. Самой замечательной поздненеолитической культурой на территории СССР является трипольская, названная так по месту первых находок, сделанных в конце XIX в. украинским археологом В. В. Хвойко на Днепре, возле селения Триполье, близ Киева, в советское время исследованная Т. С. Пассек.

Трипольская культура распространена по Украине и в

смежных зарубежных районах. Датируется она 3500—1500 гг. до н. э. Особую черту этой культуры составляют довольно большие селения, в которых жилища располагались по кругу или овалу, а свободная центральная часть служила для загона скота. Трипольское жилище представляло собой основательное сооружение из дерева и обожженной глины, прямоугольной формы, больших размеров, достигающих 100—150 м². Это жилище разделялось перегородками на отдельные помещения с печью в каждом, с глиняным обожженным полом. Кроме такого наземного жилища, были и большие землянки с несколькими очагами. Основу хозяйства трипольцев составляли мотыжное земледелие и скотоводство. Охота и рыболовство играли второстепенную роль. Поздние этапы данной культуры обнаруживают возрастающее значение скотоводства. На высоком уровне стояло в Триполье гончарное производство, дававшее разнообразной формы сосуды с росписью в одну или несколько красок и оригинальным орнаментом из спиральных мотивов. Изобразительное искусство Триполья представлено глиняными статуэтками, преимущественно женскими, и фигурками животных. Примечательны глиняные модели жилища, воспроизводящие и внутреннюю его обстановку.

Повидимому, в позднем неолите возникли в некоторых районах Западной Европы так называемые свайные постройки. Это — отдельные жилые строения и целые поселки, сооруженные на сваях, на берегах озер, на поймах рек, на морских заливах и пр. Подобного рода жилые свайные сооружения существуют и сейчас у некоторых народностей, либо известны в их сравнительно недавнем прошлом. Первобытные свайные постройки были открыты впервые в Швейцарии, на Цюрихском озере, а затем в ряде других стран Западной Европы. Поздненеолитические свайные постройки отражают в области техники широкое распространение шлифованных и просверленных топоров, а также довольно совершенной гончарной посуды с орнаментом, в области хозяйства — земледелие, рыболовство и разведение различных видов домашних животных. Упомянем еще о появлении здесь челнока и весла.

Обращаемся теперь к этнографическим данным по истории первобытной техники. Просмотренные нами архео-

логические культуры дают довольно стройную перспективу развития, перспективу, в которой каждый этап отмечен появлением нового, значительного элемента материальной культуры. Такой четкой перспективы не может дать по своему характеру этнографический материал. Зато картина здесь несравненно более широка и разнообразна.

Этнографические данные подтверждают, что первым материалом, из которого человек стал изготавливать ударяющее, колющее и режущее орудие и оружие, был камень, в особенности кремень. Наряду с кремнем по местным условиям употреблялся и ряд иных твердых пород: кварцит, диорит, обсидиан, диабаз, мрамор. Каменные орудия и оружие еще в сравнительно недавнем прошлом сохранялись у многих племен и народностей австралийцев, некоторых отсталых племен индейцев, эскимосов, некоторых племен Азии и пр. В отдельных местностях, например в долине р. Амазонки, подходящий камень встречается редко, и каменные орудия добывались путем обмена. Наиболее примитивный прием создания и использования каменного орудия надо видеть в обыкновении подобрать подходящий камень и двумя-тремя ударами о другой камень оббить его для потребной в данный момент цели, чтобы затем, по миновании надобности, попросту бросить. Такие рудиментарные орудия невозможно отличить от разбитых камней, встречающихся в природе.

Более совершенная техника обработки камня состоит, как это было и в первобытные времена, в скалывании или оббивке и отжиге. Затем, всем отсталым племенам, за исключением тасманийцев, было уже известно обтачивание или шлифовка камня и его сверление. Австралийцы, впрочем, знали шлифовку камня, но не знали сверления. Шлифовка производится путем трения обрабатываемого камня о другой камень, причем в дело пускается также вода и песок. Для сверления применяются два приема. Один прием состоит в том, что дыра высверливается палкой из твердого дерева, которая вращается ладонями или при помощи тетивы лучка, точно так же с прибавлением мокрого песка. Иногда палка-сверло снабжена каменным наконечником. При другом приеме дыра высверливается тонким стволком бамбука с острыми краями. В результате такого сверления получаются круглые каменные стержни.

Этнографические наблюдения помогли археологам в данном случае, как и во многих других, разгадать ту загадку, которую долгое время составляли такие же каменные палочки, находимые на неолитических стоянках. Образцом замечательной наблюдательности и изобретательности может служить способ сделать дыру в камне, который практикуется на одном из островов Меланезии. Плоский камень осторожно нагревается, затем в одно и то же место время от времени опускается капля холодной воды, вследствие чего в намеченном месте от камня отскакивает осколок за осколком.

Довольно большую роль в примитивной технике играют различные раковины, дающие режущее, скобящее и строгающее орудие. И здесь, не говоря об использовании раковины с ее острыми краями непосредственно, в том виде как она дана природой, дело сводится нередко к легкой подправке. Раковина служит и материалом для изготовления ряда изделий: ножей, лезвий, наконечников, рыболовных крючков. Обрабатывается раковина каменным орудием. Хотя употребление раковины как материала распространено очень широко, надо все же иметь в виду, что подходящие раковины встречаются далеко не везде и использование их может иметь лишь местный характер.

Сравнительно невелико применение в технике отсталых племен кости и рога. Во многих районах, из-за отсутствия или редкости подходящих животных, эти материалы совсем не играют роли. С общетехнической точки зрения костяные орудия также не могли занимать большого места при наличии и других материалов, из которых могли делаться те вещи, которые изготавливаются из кости или рога, а именно иголки, крючки и пр. Можно, таким образом, сказать, что в истории первобытной техники кость и рог не всюду имели большое значение, и мнение по этому вопросу археологов преувеличено. Отметим употребление в качестве шильев, иголок, наконечников для копий и стрел — рыбьих костей.

Широко и многообразно используется в первобытной технике дерево. Бесконечно много раз говорилось о том, что первыми орудиями или оружием человека были камень и палка. Однако этой пресловутой палки природа в готовом виде не дает: деревянное орудие или оружие должно быть сделано, а следовательно обработано каменным

орудием или раковиной. К тому же таких видов орудия или оружия, которые состояли бы только из дерева, немного: копательная палка для собирания корней или примитивной обработки земли, дубина или палица и ее разновидности, наконец, копье с обструганным или обожженным концом. Обычно же в первобытной технике дерево играет лишь вспомогательную роль, соединяясь с камнем, раковиной, костью. Особое место занимает бамбук где он водится. Из бамбука делаются копья, ножи, стрелы, иглы и пр. Широкий ствол бамбука служит и вместилищем для жидкостей.

Трудно перечислить и охарактеризовать все иные, во всем разнообразии их видов и их применения, материалы, играющие ту или иную роль в примитивной технике: растительное и животное волокно, волос, шкура, кожа, смола, лианы и т. д. Все это идет либо на самостоятельные изделия — корзины, веревки, сети, одежду, покрытие для жилища, либо для соединения в орудии и оружии камня с деревом, костью и пр.

Как было сказано, первоначально не существует дифференциации между орудием и оружием. Вместе с тем примитивное орудие-оружие остается надолго в большей или меньшей мере универсальным, т. е. употребляется для разных целей. Лишь постепенно орудие и оружие, а равно различные виды каждого из них дифференцируются.

Примитивное орудие наиболее отсталых племен и народностей сводится к следующим основным видам: нож, топор, долото, пила, скобель, сверло. Все это делается преимущественно из камня. Редкость представляет собой топор из большой раковины у океанийцев или пила из рыбьих костей у тлинкитов. Основными типами примитивного оружия являются: нож, копье и дротик, дубина или палица и ее разновидность — бумеранг, наконец, лук и стрелы.

Начальную недифференцированность или тесную связь по своему происхождению между орудием и оружием можно демонстрировать на ряде примеров. Таков знаменитый томагавк, или боевой топор, — распространенное некогда оружие североамериканских индейцев, — яйцевидный, с заостренными концами камень, прикрепленный ремнем к деревянной или роговой ручке. Другой пример — дубина или палица: длинный кусок твердого дерева с

утолщением на конце, служащий одновременно ударным орудием и оружием. Палица с вделанными в ее утолщенную часть осколками камня или раковины представляет собой булаву. Особые виды палицы служили метательным оружием. Еще одним примером начальной недифференцированности орудия и оружия является длинный каменный нож или кинжал. Особый вид военного кинжала имеет клинки на обоих концах.

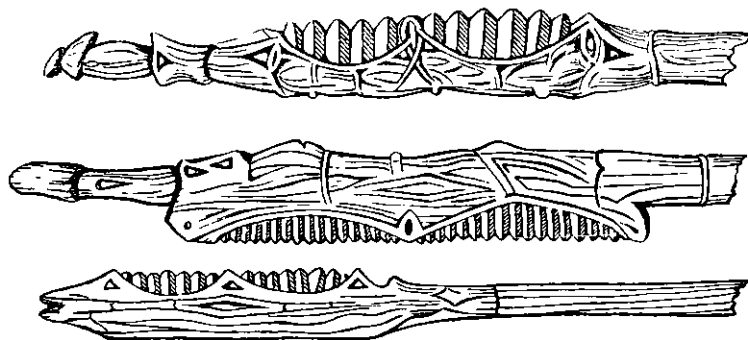

Рис. 10. Меланезийские деревянные палицы]

В значительной мере остается недифференцированным на всем протяжении первобытной эпохи оружие охотничье и военное, а охотничье оружие нередко служит для рыболовства. Наряду с тем уже у весьма отсталых племен развиваются особые виды оружия, употребляемые в охоте только на один вид животного.

Оружие принято делить прежде всего на активное, или наступательное, и пассивное, или оборонительное (отражательное или защитительное). Активное оружие делится по его употреблению на ручное и метательное, а по его действию — на ударное, колющее и режущее. Все эти виды оружия имеют свои первобытные прототипы и встречаются у отсталых племен и народностей. При этом иногда данный тип оружия соответствует только одному из указанных видов, большей же частью и здесь сохраняется недифференцированность. Немецкий ученый Нуаре выступил с целой «теорией», по которой ручное ударное оружие возникло раньше метательного, ибо последнее требует яко-

бы большей «зрелости разума». Это, конечно, вздор. Не говоря о ряде других соображений, достаточно сказать, что уже обезьяны бросают в своего противника камни, плоды, выламываемые ветки и пр. Где уж тут до «зрелости разума»!

Древнейшим оружием является копьё. Как мы видели, оно имелось уже у тасманийцев и оставалось одним из основных видов оружия многих отсталых племен и народностей, служа охотничьим, военным и рыболовческим целям. Обычно копьё снабжено каменным или костяным наконечником, иногда этой цели служит рыба кость. Виды копьё крайне разнообразны, и даже у австралийцев было их довольно много. Столь же архаичен дротик, т. е. короткое метательное копьё. Наконец, весьма раннее изобретение, как мы знаем из археологического материала, составляет копьё-металка, известная и австралийцам, встречающаяся у папуасов, эскимосов, алеутов, индейцев Северной и Южной Америки и пр. Делается она обычно из дерева, иногда из кости. И копьё-металка отличается разнообразием видов. На Новой Гвинее существуют копьё-металки двух типов: мужская и женская.

Наряду с археологическими, и этнографические данные свидетельствуют, что лук со стрелами должен занять более позднее место в истории оружия. Его не знали австралийцы, некоторые племена Меланезии и отдельные отсталые племена района Амазонки. Можно думать, что и другие племена обзавелись этим оружием лишь путем заимствования. Не знали лука в качестве охотничьего и военного оружия в эпоху их «открытия» полинезийцы и микронезийцы, у которых он встречался только в виде детской игрушки. Это отсутствие у столь развитых племен такого важного оружия первобытности остается фактом, не получившим пока удовлетворительного объяснения.

Виды и формы как самого лука, так и стрел исключительно разнообразны. Лук сводится все же к двум основным типам: простому, из цельного куска дерева, и сложному, склеенному из трех кусков дерева, кости или рога. Любопытно, что простой лук по силе боя превосходит сложный, возникший, видимо, в тех местах, где не было подходящего материала для простого. Стрелы бывают деревянные, иногда тростниковые, обычно с наконечником

из камня, кости, зуба. Нередко они снабжаются оперением. Тетива делается из растительного волокна, из кожи, сухожилий. Из самых различных материалов изготавлиются колчаны для стрел. Раннее изобретение, известное уже весьма отсталым племенам, например некоторым меланезийцам, представляют собой стрелы с тупым концом, иногда в виде шарика. Употребляются они для охоты на пестрых птиц, добываемых из-за их оперения, и на мелкого пушного зверька, чтобы не запачкать кровью перьев или не испортить шкурки. Весьма архаично широко практикуемое многими отсталыми племенами отравление стрел различными ядами. Наконец, весьма успешно применяли североамериканские индейцы зажигательные стрелы, при помощи которых сжигали дотла целые селения противника. Способы стрельбы из лука, принятые у разных племен, разнообразны: стоя, сидя, лежа. В различных положениях держат самый лук, разнообразны и способы спуска стрелы.

Лук и стрелы сыграли крупнейшую роль в истории первобытной эпохи, оставшись основным видом оружия до самого конца этой эпохи. Первобытный человек имел в луке,— в особенности по сравнению с копьем и дротиком,— весьма скорострельное, дальнобойное и мощное оружие. Дальность боя копья, брошенного рукой, составляет 30—40 м, при помощи метательной дощечки — 70—80 м. Между тем дальность боя лука — 80—100 м и больше, а из тяжелого индейского лука доходит до 450 м. Скорострельность лука у хорошего стрелка доходит до 20 выстрелов-попаданий в минуту. Наконец, замечательна и сила боя лука. Так, у эскимосов Аляски стрела на недалеком расстоянии пробивала насквозь оленя. Стрела североамериканского племени апачей на расстоянии 300 шагов пробивала насквозь человека. В эпоху конкисты в Центральной Америке были случаи, когда всадник-испанец оказывался не только пробитым стрелой насквозь, но и пригвожденным ею к лошади.

Самым оригинальным видом и орудия, и оружия, а в последнем смысле одновременно охотничьего и военного, наступательного и оборонительного, ручного и метательного, является б у м е р а н г. Это — кривой кусок твердого дерева, искусно выделанный, длиной в среднем около 75 см, иногда достигающий и 2 м. Кривизна у различных видов бумеранга колеблется от небольшого изгиба до пря-

мого угла. Бумеранг особо известен в качестве оружия австралийцев, но встречается он и у индейцев Аризоны и Калифорнии, у некоторых дравидских племен Центральной Индии и пр. Известен был бумеранг также первобытному населению Египта и древним германцам. Бумеранг австралийцев имеет несколько видов. Он используется в качестве

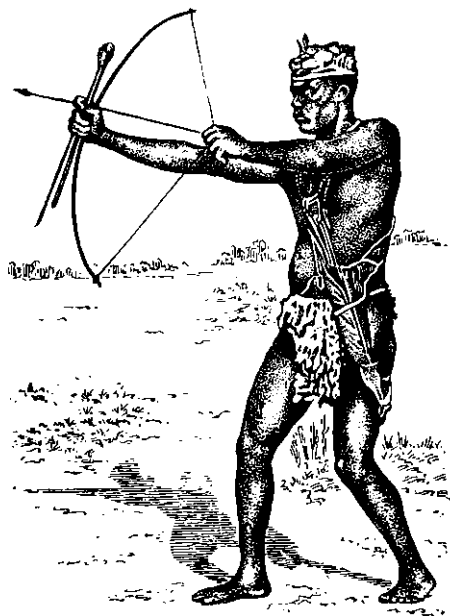

Рис. 11. Негр гереро, стреляющий из лука

и ударного, и отражательного оружия. Но основное назначение бумеранга — метательное. Особенность бумеранга состоит в том, что брошенный с сильным размахом руки, притом умелой рукой, он вертится в воздухе и поражает свою жертву с той стороны, с какой она этого меньше всего ожидает. Дальность полета бумеранга достигает ста метров. Как пользование бумерангом, так, в особенности, его изготовление требуют большого искусства и навыка. Особый вид легкого бумеранга обладает замечательной способностью, опять-таки при умелом метании, возвра-

щаться к своему владельцу в том случае, если не попадает в цель.

Выразительное описание полета бумеранга дает русский путешественник Э. Р. Циммерман, побывавший в Австралии в 80-х годах прошлого века. Повстречав на окраине г. Аделаиды австралийца, несшего бумеранги, Циммерман попросил его продемонстрировать свое искусство.

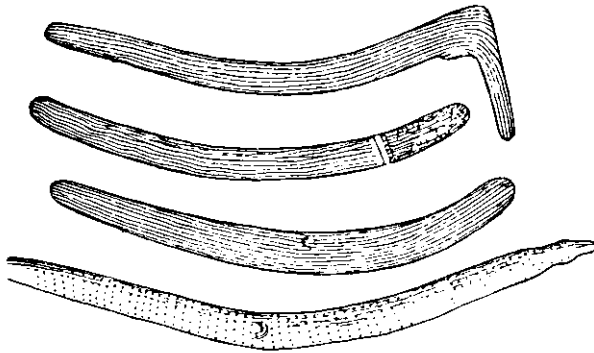

Рис. 12. Австралийские бумеранги

«Австралиец,— пишет Циммерман,— швырнул свое деревянное плоское орудие, по форме напоминающее серп, а величиной от одного конца до другого, следуя по изгибу, около аршина. Бумеранг, крутясь, пролетел высоко по воздуху шагов на триста вперед и, описав параболу, стал было спускаться, но, не дошед шагов на двадцать до земли, вдруг перевернулся на воздухе и полетел назад; описав снова параболу, он наконец упал к ногам туземца. В другой раз негр бросил свое орудие так, что оно, пролетев вперед, перевернулось и направилось по воздуху в сторону, потом, не падая наземь, перевернулось еще раз и полетело опять в другую сторону».

Наряду с описанными древнейшими и широко распространенными видами оружия, сравнительно ограничено распространение так называемого духового ружья, а также пращи и болá. Д у х о в о е р у ж ь е является в своем роде замечательным изобретением. Оно имеет два различных района распространения: Индонезию, где оно именуется с у м п и т а н, и тропическую Южную Америку, где

оно известно под названием с а р б а к а н. Оружие это, одновременно охотничье и военное, представляет собой длинный бамбуковый ствол с ровным каналом, из которого выдуваются маленькие, обычно отравленные, стрелки, бьющие на расстояние 25—30 м. Более широко распространены употребляемые тоже и на охоте и в военных целях пращá и болá. Основу этого оружия составляет простой, иногда прямо подобранный с земли, круглый камень. Известны два типа пращи. Один, повидимому более архаический, представляет собой расщепленную палку, в кото-

Рис. 13. Болá индейцев Америки

рую вкладывается камень. Другой тип состоит из ремня или веревки с особым помещением посередине для свободно лежащего камня. Болá, или метательные шары, состоят из веревки или ремня с круглыми камнями на концах, зашитыми в кожу. Это оружие встречается в Южной Америке, в Полинезии, у эскимосов.

История оборонительного оружия начинается с того, что целям защиты или отражения служат одновременно некоторые виды активного оружия. Большое искусство обнаруживают некоторые племена, отражая удары не только копья, но и стрелы простой палкой. Весьма ранним оборонительным оружием, хорошо известным уже австралийцам, является щит. Делаются щиты из дерева, коры, шкуры, кожи, тростника и пр. Плетеные щиты из пальмовых листьев океанийцев не только хорошо защищают от стрел, но и дают некоторую выгоду самому обороняющемуся: застрявшие в щите стрелы сейчас же используются и посылаются противнику. Виды и формы щитов крайне разнообразны: от маленьких ручных до громадных, закрывающих все тело. Оригинальный щит алеутов состоял из двух дощечек, соединенных под углом; его держали над головой,

защищаясь от стрел. Очень поздними в первобытной культуре видами защитного оружия надо считать встречающиеся только у более развитых народностей панцири или кирасы. Делаются они из шкуры или кожи. Замечательный пластинчатый панцирь народностей Восточной Азии и Северо-Восточной Америки состоит из деревянных или костяных пластинок или палочек. Еще более поздняя форма защитного оружия — шлем. У северо-западных индейцев это были массивные, достигавшие 3 кг веса деревянные шлемы, представляющие собой с передней стороны устрашающую маску. Шлемы эти были настолько основательны, что оказались почти непроницаемыми для пуль в эпоху русской колонизации Северной Америки. У более развитых народностей встречаются и различные защитные средства для рук и ног — поножи, браслеты и пр. из разного материала.

Интересную главу из истории первобытной техники составляет изобретение добывания огня. Мы уже знаем, что добыванию огня предшествовало его использование. Умение добывать огонь, и притом различными приемами, засвидетельствовано этнографией для очень многих, даже самых отсталых племен. Однако знаменитый русский ученый-путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай рассказывает, что туземцы Новой Гвинеи, среди которых он жил, этого искусства еще не знали. «Папуасы, — пишет он, — не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой». Но даже тогда, когда активное добывание огня известно, отсталые племена предпочитают по мере возможности сохранять горящий или тлеющий огонь, либо при случае его занять. Кочующая группа австралийцев, например, обычно всегда таскает с собой тлеющую головешку. Занимать и уступать огонь становится делом, освященным традицией, одолжить огонь — обязанностью.

Когда возникло добывание огня — датировать нет возможности. Надо думать, что это изобретение было связано с процессом обработки камня и дерева при выделке орудия и оружия. Действительно, уже очень рано первобытный человек мог наблюдать появление искры при обработке кремня, равно как возникновение тепла и возгорание

при обтесывании, сверлении или пилении дерева. Однако от наблюдения до изобретения дистанция очень велика, и от наблюдения искры, высеченной из кремня, или загорающих опилок до изобретения соответствующих зажигательных приборов прошло очевидно немало времени. Таким же образом уже первобытный человек мог наблюдать, как пар кипящей воды приподымает крышку сосуда, но до изобретения паровой машины было еще очень далеко.

Все существующие первобытные способы добывания огня сводятся к трению, сверлению, пилению и высеканию, и соответствующие приборы чрезвычайно разнообразны. Прием высекания имеет ограниченное распространение, но весьма отсталые огнеземельцы уже были знакомы с использованием для этого железного колчедана. Наиболее распространенные способы — сверление и трение. В простейшем приборе, основанном на сверлении, палочку вертят между ладонями, в более высокой форме вращение производится при помощи обернутого вокруг палочки ремня и, наконец, в еще более усовершенствованном приборе зажигательную палочку вращают при помощи тетивы специального смычка или лучка. Добывание огня при помощи этих приборов достигается при нормальных условиях в несколько секунд. Здесь требуется однако большая специальная сноровка, и то, что умеют делать «дикари», оказывается недоступным культурному европейцу. Немецкий этнограф, профессор Карл Вейле, рассказывает в одной из своих книжек, что он со своими студентами не раз пытался добыть огонь сверлением, причем они работали, руководясь всеми литературными описаниями этого приема, в том числе и теми, которые принадлежали самому профессору, и все же, несмотря на все усилия и настойчивость, никакого результата не получалось.

Первобытные способы добывания огня надолго сохраняются в пережитках. По распространенному и прочно державшемуся суевию, в известных важных или торжественных случаях огонь должен быть добыт обязательно первобытным способом, например трением. Среди отсталых слоев населения Западной Европы долго держалась вера в то, что добытый таким способом «живой огонь» является чудодейственным, священным.

Мы заканчиваем обзор первобытной техники. К техническому инвентарю, специально связанному с отдельными

отраслями производительной деятельности, мы вернемся в следующей главе.

Остановимся здесь на одном общем явлении, которое бросается в глаза при обзоре истории первобытного орудия и оружия. В то время как число видов орудий остается довольно ограниченным и развитие их относительно замедленным, оружие, выделяясь из орудия, развивается несравненно интенсивнее, давая и гораздо большее разнообразие видов, типов и форм. Все существующие виды первобытного орудия отвечают лишь его основным функциям: удару, резанию и сверлению. Производные функции сводятся к не менее элементарным: рубке, скоблению, пилению и пр. Эта малоразвитость первобытного орудия является и результатом и причиной низкого уровня развития производительных сил вообще. Решающим образом действует здесь ограниченность материалом. Материал, который находится в распоряжении первобытного человека, — камень, дерево, кость, рог и пр., ставит ограниченные пределы для создания и развития орудий. Те же ограничивающие условия, казалось бы, должны были сказаться и на развитии оружия. Но здесь со всей мощностью действовал великий стимул жизни — добыча средств существования вместе с заботой о самозащите. И, несмотря на ограниченность в материале и средствах, первобытный человек напрягает всю свою наблюдательность и изобретательность, создавая самые разнообразные виды оружия при помощи самых простых орудий. Прекрасными образцами такой наблюдательности и изобретательности являются бумеранг, гарпун, лук со стрелами, духовое ружье, изобретения, в которых выдумка стоит на грани гениальности.

Некоторые буржуазные ученые, останавливаясь в изумлении перед замечательными созданиями первобытного человека, прибегают к следующему их объяснению. Лишь отдельные и наиболее простые из первобытных изобретений могли, мол, быть сделаны первобытным человечеством в различных местах и независимо одно от другого. Более же сложные могли быть созданы якобы только особо одаренными или высокоразвитыми племенами или народами, от которых были затем заимствованы другими. Заимствование же происходило либо путем мирного влияния в случаях соседства, в порядке «аккультурации» и затем — путем дальнейшего проникновения вширь — «диффузии»,

либо в связи с миграциями отдельных человеческих групп, либо, наконец, благодаря завоеваниям «высшими» «низших» и насаждению более высокой культуры. На самом деле изобретения, как и вообще все элементы культуры, возникали на основе развития производительных сил прежде всего совершенно самостоятельно в различных местах и в разное время. Вместе с тем всякое изобретение в его отдельных элементах составляло результат индивидуального творчества. Буржуазная наука всегда настаивает на том, что в первобытном обществе, как и среди современных отсталых племен, индивид обезличен, полностью поглощен коллективом и пр. Этим имеется в виду «доказать», в соответствии с буржуазной теорией прогресса, что только в классовом обществе личность человека получает свободу и т. д. В столь категорической форме тезис о поглощении личности первобытным коллективом совершенно неверен. К этому вопросу нам еще придется вернуться. Если брать сейчас лишь область техники, то оказывается, что и у отсталых племен далеко не все умеют делать орудие и оружие. Даже среди самых отсталых, среди австралийцев, например, уже существуют отдельные лица, являющиеся специалистами по выделке того или иного орудия или оружия. К тому же само по себе изготовление какого-либо орудия или оружия далеко не так просто, каким бы простым это орудие или оружие ни выглядело или ни казалось. Изготовление кремневого рубила, а тем более бумеранга требует громадного искусства и навыка. Совершенно недостаточно быть высококультурным европейцем для того, чтобы изготовить любое первобытное орудие или оружие. Этим, между прочим, объясняется то, что подделки первобытных изделий составляют большую редкость.

Но если изобретение и умение изготовить первобытное орудие и оружие связаны с индивидуальными способностями и индивидуальным творчеством, то залог и возможности того, что эти изобретения и навыки их осуществления не погибали, что они становились общим достоянием, подвергались дальнейшему усовершенствованию и становились вкладом в неуклонно прогрессирующую первобытную культуру, залог и возможности этого лежали в том могущественном факторе и условии прогресса, который представляет собой человеческий коллектив. Только коллектив создавал условия, при которых сделанные изобре-

тения не погибали, приобретенные навыки не утрачивались. Коллектив был той средой, которая усваивала создаваемые отдельными личностями изобретения, воспринимала навыки и таким образом накапливала и непрерывно развивала первобытную культуру.

Однако не приходится отрицать для первобытности, как и для современных отсталых племен, совершившегося в различных формах заимствования. Но не оно лежит в основе прогресса. Кроме того, оно состояло не в одностороннем и пассивном усвоении и не в «аккультурации» силой оружия, а являлось результатом культурного взаимовлияния, перекрестного оплодотворения одной культуры другой. Такое взаимовлияние является в свою очередь важнейшим условием прогресса. Изоляция глушит развитие культуры, ведет к одичанию, связи и взаимовлияния разных культур стимулируют их развитие.

В конечном счете основу развития техники, а вместе с тем и культуры вообще составляет человеческий труд. В первобытных условиях труд этот был нелегким. Надо себе представить, сколько труда требовалось шельцу для того, чтобы изготовить его столь примитивное на наш взгляд рубило. Простое копьё, а тем более бумеранг, лук со стрелами, шлифованный и просверленный топор — все это требовало напряженного длительного труда. Наблюдатели рассказывают, что у отсталых племен какой-либо мастер затрачивает на приготовление одной вещи иногда несколько месяцев. Однако не столько количество, сколько качество труда играло в первобытную эпоху решающую роль. Замечательную черту всех этих примитивных изделий составляет исключительная — в меру, конечно, технических возможностей — тщательность исполнения и отделки. Видно, что каждый предмет — орудие или оружие — сделан не только с максимальной целесообразностью и практичностью, но и с любовью. Недаром эти изделия почти всегда, когда только возможно, снабжаются рисунком, орнаментом, резьбой.

В этом труде первобытного человека сливался труд физический и умственный. Этот свободный, не подневольный труд был одновременно творчеством.

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА

Особые формы собирательства. Виды охоты. Разделение труда между мужчиной и женщиной. Женщина-охотница. Развитие рыболовства. Возникновение земледелия. Болотное земледелие. Иригация. Подсечно-огневая система. Мотыжное земледелие. Земледельческие культуры. Приручение и одомашнение животных. Переход к плужному земледелию. Возникновение скотоводства. Разведение мелкого домашнего скота и птицеводство. Горская культура. Кочевничество и переход к оседлости

Археологические памятники первобытности дают четкие показания о развитии, наряду с развитием техники, некоторых отраслей производительной деятельности человека. Так, ряд последовательных культур — ашельская, мустьерская, ориньякская, солютрейская и мадленская — говорит о развитии охоты, причем преимущественно на крупных животных. Последние три культуры, а затем и культуры мезолита и развитого неолита красноречиво свидетельствуют о все развивающемся рыболовстве. Далеко недостаточны соответствующие археологические показания о земледелии, причем о ранних его стадиях, не говоря о его возникновении, достоверных свидетельств нет. Высказываются предположения, что в самых примитивных формах земледелие возникло уже в ориньякско-солютрейскую эпоху. Если это так, то еще больше усиливается то значение данного исторического рубежа, о котором говорилось выше. В позднем неолите, в Триполье и в эпоху свайных сооружений земледелие было уже довольно развито, причем возделывался ряд культурных растений.

Наконец, после появления в азийской культуре первого прирученного животного — собаки, встречающейся и в культуре Маглемозе, поздние культуры неолита дают остатки уже почти всех домашних животных, за исключением лошади, свидетельствуя об устойчивом разведении скота.

Но археологическая картина поневоле остается и здесь неполной и отрывочной. И здесь этнографический материал внушительным образом восполняет и расширяет эту картину. Начнем с собирательства. Значение его в хозяйственной жизни человека весьма стойко сохраняется на протяжении всей первобытной эпохи. До возникновения земледелия и скотоводства собирательство продолжает играть не меньшую роль, чем охота. Так, у австралийцев собирательство остается скорее основным способом добычи пищи. Тогда как охота не всегда возможна и не всегда приносит удачу, женщины-австралийки ежедневно отправляются за сбором пищи, захватив с собой сумку и палку с обожженным концом, которой они добывают съедобные корни, личинок, рептилий и мелких животных. Та же палка, кстати сказать, служит австралийке и оружием в случае драки.

И у значительно более развитых племен и народностей собирательство играет нередко весьма существенную роль. Так было, например, с собиранием дикого риса у индейских племен ирокезов и алгонкинов. Заросли риса в озерах и ручьях, так называемого «мокрого» риса, распространены по Северной Америке широким поясом от Скалистых гор до Атлантического океана. Собирание этого риса носило организованный характер, составляя дело женщин. Принадлежавшее каждому племени «поле» было поделено по родам. Еще до созревания риса все женщины рода, разъезжая на лодках, присматривали за своим «полем», затем коллективно производился сбор урожая, который делился по отдельным хозяйствам. Такой же примерно характер имеет и сейчас сбор дикого горного, так называемого «сухого», риса у племен Индонезии. Очень большое значение имело систематическое собирательство семян нескольких видов дикорастущих съедобных растений у монгольских народностей Центральной Азии. Собранные в больших количествах семена обмолачивались, поджаривались, мололись ручными

жерновами и давали запас муки, которой питались круглый год, вплоть до нового урожая. Немаловажную роль играло собирательство корней, плодов, ягод и пр. в прошлом всех народностей Сибири, Севера и Алтая. Оригинальное, широко организуемое хозяйственное предприятие составляет сбор улиток у некоторых негрских племен Западной Африки. В сезон, когда улитки массами наводняют заливные луга, на сбор их выходят целые селения, собирая обширные запасы, составляющие затем источник питания на целый год.

Описанные виды собирательства представляют собой уже высокую и вместе с тем позднюю форму этого способа добычания пищи. Это уже не случайное собирание, к тому же имеющее целью непосредственное потребление, а планомерное, приуроченное к урожаю, собирание пищи и создание запасов.

Наряду с собирательством основную отрасль производительной деятельности человека вплоть до значительного развития земледелия составляет охота. Ее хозяйственная роль не ограничивается тем, что она дает человеку пищу; одновременно человек получает и целый ряд других необходимых ему средств существования — шкуры, кости и рога, сало, сухожилия. Птицы дают перья для украшений и для оперения стрел. В основе развития охоты в первобытную эпоху лежит развитие оружия от шельского ручного ударника до лука со стрелами. Но уже с самой ранней поры крупнейшее значение в первобытной охоте имеют, с одной стороны, различные массовые приемы — облавы, загоны и пр., с другой — всевозможные ловушки, охотничьи снаряды, вроде капканов, сети для ловли птиц и т. д. Все это широко распространено во всем этнографическом мире, начиная с австралийцев. На ранних порах охота всегда ведется коллективно и имеет замечательно организованные формы, свидетельствуя о большой способности первобытного человека к согласованным действиям. Лишь на более поздних ступенях развивается индивидуальная охота. Весьма распространенный прием в первобытной охоте составляет подражание крику зверя или птицы, а также маскировка шкурой того животного, на которое охотятся. Появляющаяся с эпохи Азии прирученная собака становится отныне верным спутником и помощником человека в охоте. Начиная с австралийцев с

их прирученным динго, собака принимает участие в охоте у очень многих племен и народов. Собака играет и иную немаловажную хозяйственную роль в жизни первобытного человека: она охраняет его стоянку, предупреждает об опасности, иногда служит для транспорта и передвижения. Использование в охоте птиц — сокола, беркута и пр. — относится к весьма позднему времени.

Как бы охота ни развилась, она никогда не бывает единственной отраслью производительной деятельности, и чисто охотничьих народов никогда не существовало. Как бы значительна ни была роль охоты на данной стадии развития или в данном обществе, она всегда соединяется с другими отраслями. Где налицо особо благоприятные условия, в частности в лесистых местностях, охота более интенсивно развивается и дольше держится. В иных местностях охота совсем не могла развиваться за отсутствием подходящих объектов. Такова вся Океания. Особый вид составляет охота на морских животных, получившая наибольшее развитие в арктическом районе, имеющая свое особое оружие — гарпун, который принимает различные формы и достигает, например у эскимосов, большой сложности. Нередко охота имеет сезонный характер и тогда соединяется с сезонным же рыболовством. С развитием земледелия, равно как и скотоводства, охота отходит на второй план. История охоты знает особую форму, которую иногда по недомыслию неправильно смешивают с первобытной. Это — охота отсталых народностей, развивающаяся под внешним влиянием, в силу требования дани или с проникновением товарно-денежных отношений, следовательно, относящаяся к эпохе колонизации. Но тогда как первобытная охота имеет целью добычу пищи и иных средств существования, охота, о которой мы сейчас говорим, вызывается требованием на ценную пушнину и имеет промысловый характер. Отметим еще особые случаи, имевшие место в Северной Америке в эпоху ее колонизации, когда земледельческие племена индейцев были вынуждены, вместе с невольной сменой места своего обитания, перейти от земледелия к охоте как основному источнику средств существования, основной отрасли своего хозяйства, стали «охотничьими народами».

Заслуживает особого внимания вопрос о разделении и труда между мужчиной и женщиной в связи с

развитием охоты. Нет никакого сомнения в том, что разделение труда между полами не изначально и отнюдь не детерминировано биологически, как это пытаются изобразить некоторые буржуазные ученые. Хотя мы не имеем об этом прямых свидетельств, многое говорит о том, что первоначально какого-либо разделения труда между полами, в частности разделения по отраслям производительной деятельности, не существовало. На это указывает хотя бы то, что на известной стадии возникают как для женщин, так и для мужчин определенные запреты участвовать в той или иной области производства. С развитием охоты она становится занятием преимущественно мужчины, тогда как собирательство остается делом исключительно или почти исключительно женщины. Последняя все же сохраняет вспомогательную роль в охоте, в особенности в ее массовых формах. Такое положение застаем мы у австралийцев и у ряда других племен. Существует, однако, немало свидетельств того, что у некоторых и более развитых племен женщины продолжали принимать самое активное участие в охоте наряду с мужчинами. Так было в прошлом монгольских народностей и народностей Кавказа. У некоторых североамериканских индейцев еще недавно доживали свой век женщины, пользовавшиеся славой бывших выдающихся охотниц. Английский этнограф Беккер, описывая одно из негрских племен Центральной Африки, рассказывает, что жена здесь — скорей товарищ своего мужа; он обращается с ней как с равной и часто они вместе охотятся либо жена отправляется на охоту одна, а муж остается дома и нянчит ребенка; нередко охотятся вместе брат и сестра, отправляясь иногда в продолжительную экспедицию. Наконец, образы античных богинь-охотниц — греческой Артемиды и римской Дианы — являются в свою очередь подтверждением былой роли женщины в охоте.

Наряду с охотой развивается и рыболовство, становящееся при благоприятных условиях основной отраслью производительной деятельности. Знакомые нам культуры раннего неолита — Маглемозе и «раковинных куч» — представляют собой преимущественно рыболовецкие культуры, и у многих отсталых племен рыболовство играло или играет весьма значительную роль в хозяйстве. И все же оно всегда соединяется с охотой, а позже

и с земледелием. Орудия и приемы рыболовства первоначально весьма примитивны. Такие простые способы ловли рыбы, как запруды, загон рыбы в заливы, ловля корзинами и пр., остаются широко распространенными и в дальнейшем. Более крупная рыба добывается при помощи некоторых видов оружия, одновременно охотничьего и военного,—копья, дротика, лука и стрел. Весьма древним изобретением оказывается крючок, появляющийся, как мы знаем, в позднем палеолите и известный уже тасманийцам. Делаются крючки из кости или раковины. Роль крючка исполняет иногда древесный шип или птичий коготь. Вообще же виды рыболовного оружия и рыболовных снарядов, известные этнографии, крайне многочисленны и разнообразны. Можно сказать, что в этой области первобытная техника создала в основном все, что известно и современному рыболовству.

Земледелие — гораздо более высокая с точки зрения производственной отрасли деятельности человека, чем собирательство, охота и рыболовство. Датировать время возникновения земледелия не приходится. С одной стороны, о самых начальных, самых примитивных формах выращивания съедобных растений мы не имеем никаких показаний. С другой стороны, в различных местах, в зависимости от местных условий, от наличия тех видов растений, которые могли быть культивированы, земледелие могло возникнуть раньше или позже. Совершенно искусственными представляются поэтому конструкции, по которым земледелие якобы возникло в одном месте земного шара и лишь оттуда распространилось по всему свету.

Как было упомянуто, существует мнение, которое относит возникновение земледелия уже к палеолиту, а именно, к ориньяко-солютрейской эпохе. Совершенно достоверно, однако, датировать земледелие только неолитом, для одних районов — ранним, для других — развитым. Так, возникновение земледелия в Средней Азии датируют 5 тысячелетием до н. э., на юге восточноевропейской равнины, в районе Трипольской культуры, тоже в Закавказье,— 3 тысячелетием до н. э., в Прибалтике, в центральных районах Восточной Европы, в районе Урала и в Южной Сибири — 2 тысячелетием.

Уже давно было высказано мнение, что изобретательницей земледелия была женщина. Это вполне вероятно.

По всем видимостям, земледелие развилось непосредственно из собирательства, ставшего, как мы знаем, специальной отраслью женского труда. Мы видели уже, что развитому собирательству свойственны некоторый уход за естественно произрастающими съедобными растениями и забота об их умножении. Вполне вероятно поэтому догадка, что женщина изобрела земледелие, наблюдая условия роста и созревания диких растений. Это делает честь наблюдательности женщины, а наблюдательность — мать изобретения.

На первых порах земледелие имело, конечно, очень ограниченные масштабы. Это было возделывание одного или нескольких видов растений на небольшом участке земли вблизи жилища. Но уже в таком примитивном виде земледелие стало давать новый, постоянный и сравнительно легко добываемый вид сытной пищи. Естественно, что этому способу добычи средств существования суждено было интенсивно развиваться, оттесняя на второй и еще более далекий план собирательство, охоту и рыболовство.

Но для своего развития земледелие требует соответствующих участков земли. В первобытную эпоху готового поля не было. Не говоря о неплодородных сухих пустынях, вся земля либо была покрыта лесом, кустарником или степными зарослями, либо это были затоняемые болотистые низины. Заросшая земля требовала очистки и подготовки, а это было сопряжено с большим трудом и упиралось в недостаток соответствующих орудий. Болотистые же илистые участки представляли собой готовые плодородные места для сева. Вполне вероятно поэтому, что в некоторых местностях земледелие стало развиваться именно на таких болотистых местах. Недаром болото или ил фигурирует в фольклоре различных народов в качестве символа плодородия. Возможно, что именно с таким «болотным» или «мокрым» земледелием были иногда связаны неолитические свайные поселки. Для своего дальнейшего развития болотное земледелие требует все же особой земледельческой техники. Представляя естественные условия для плодородного произрастания посева, заливаемая болотистая земля может быть слишком обильна влагой. В таком случае оказывается необходимым регулировать накопление и распределение влаги при помощи системы

каналов. Эту форму земледелия мы находим и сейчас у ряда народностей, в частности на юго-востоке Азии, причем основным растением, культивируемым подобным способом, является рис.

Гораздо более сложным и тяжелым путем развивалось земледелие на сухих, покрытых растительностью местах. Но, преодолев все трудности, это «сухое» земледелие оказалось гораздо более прогрессивным, чем «мокрое», дав в конечном счете основной источник пищи большинству человечества.

А трудности были очень велики. Открытые места непригодны для земледелия: посев здесь подвергался выветриванию. Необходимо было выбирать места, естественно защищенные от ветра. Но для этого надо было освободить нужный участок от растительности. Лучше всего было подготовить такой участок в лесу, где он оставался бы естественно защищенным деревьями. Опыт поджигания сухой травы и леса, знакомый собирателям и охотникам, дал мысль поджигать лес и сеять на выжженных местах. Так, вероятно, и делалось первоначально. Но, с одной стороны, поджечь растущий лес не всегда легко, с другой стороны, огонь — опасная стихия, которая, разбушевавшись, уж не знает предела и становится угрозой для самого человека. Возникла задача выжечь в лесу такой участок, какой именно требовался, и там, где это было наиболее удобно. Эту задачу решило развитие техники. Своего рода революцию произвел здесь скромный топор. Каменный топор, в его хотя бы самом примитивном виде, дал возможность вырубить лес и кустарник, чтобы затем, когда срубленное высохнет, все это сжечь. При этом в какой-то момент было сделано еще одно важнейшее открытие: оставшаяся от пожара зола является удобрением!

Так возникла подсечно-огневая система, ставшая основной формой обработки земли в первобытном обществе, распространенная и по сей час среди некоторых племен и народностей.

Существует наивное мнение, будто подсечно-огневое земледелие — легкое дело. В действительности оно требует ряда последовательных, хорошо согласованных, сложных операций. Прежде всего, вырубка леса каменным топором, хотя в этом, как показывали наблюдения над отсталыми земледельцами, и достигается замечатель-

ная сноровка, дается все-таки далеко не легко. Поэтому нередко вырубается только мелкий лес, а большие деревья остаются стоять, пока, после пожара, не высохнут и не упадут сами. Когда весь срубленный лес высохнет, он сжигается. Затем участок расчищается от недогоревших частей дерева и разравнивается, причем равномерно разбрасывается зола. Существенную операцию составляет, далее, разрыхление почвы. Затем следует сев, приурочен-

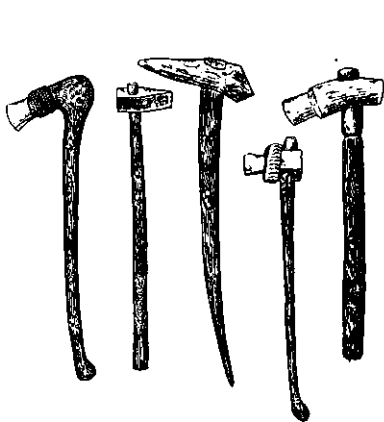

Рис. 14. Неолитические топоры Западной Европы

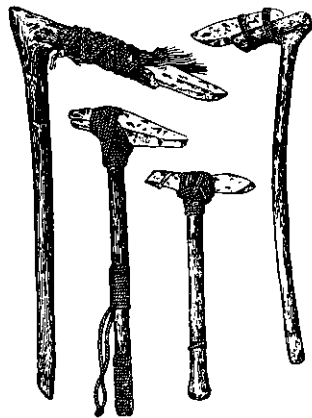

Рис. 15. Меланезийские каменные топоры

ный как раз к наступлению дождливого времени. Засеянный участок требует ухода. В частности, его необходимо огородить, чтобы охранить от вытаптывания дикими зверями. Отчаянными врагами посевов являются в особенности крупные стадные животные. Стадо слонов или кабанов в несколько минут, как ураган, уничтожает засеянный участок. Необходимо и дальнейшее наблюдение за полем, в частности полка. Когда посеянное созревает, усиливается необходимость охраны участка от зверей, появляющихся теперь, чтобы пожирать молодые ростки. Давними врагами засеянного поля являются и птицы. Охрану посевов от мелких зверей и птиц обычно несут дети, криком и шумом отгоняющие непрошенных гостей. Но весьма древним изобретением является и наше огородное чучело. По крайней мере оно широко распространено в по-

левом хозяйстве современных отсталых земледельцев. Наконец, наступает сбор урожая. Ряд видов культивируемых растений дает возможность собирать урожай не сразу, а в течение известного времени, по мере надобности. Для других видов создаются разные способы хранения урожая.

Помимо топора, которым вырубается лес, простейшим орудием примитивного земледелия служит та же простая

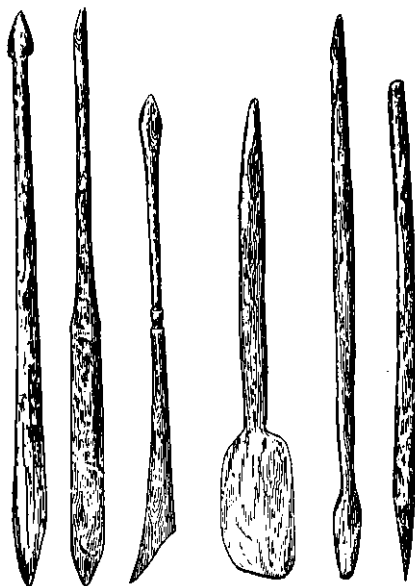

Рис. 16. Копательные палки и лопаты Океании и Америки

копательная палка с заостренным и обожженным концом, которая участвует уже в собирательстве. Иногда эта палка имеет плоский конец. Отсюда ведет свое происхождение заступ или лопата. Иногда на копательную палку для тяжести надевается просверленный камень. Более совершенным и более широко распространенным орудием является мотыга. Поэтому ранняя форма земледелия обычно именуется мотыжной. В самом элементарном своем виде мотыга представляет собой обыкновенный сук или побег дерева с коротким отростком. Встречаются самые

различные разновидности мотыги. Развиваясь, она становится составной, имея вместо естественного отростка прикрепленное к палке особое «лезвие», деревянное, каменное, костяное, из раковины. Орудием разрыхления земли служила на севере Восточной Европы суковатка — часть ствола ели с подрубленными и заостренными сучьями.

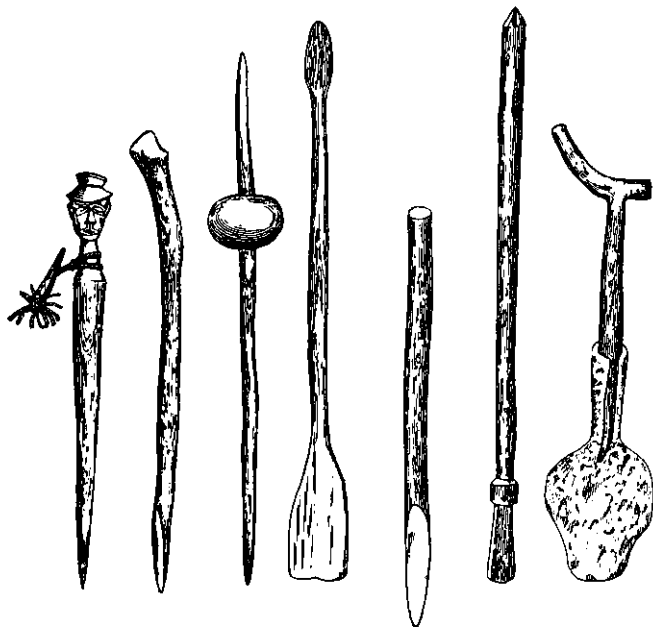

Рис. 17. Африканские копательные палки и лопаты

Таковы несложные орудия примитивного земледелия. Поэтому основную роль играет в нем человеческий труд, его организация и его разделение. По распространенному мнению, мотыжное земледелие составляет дело исключительно женщины. Это не правильно. Во-первых, это сложное и длительное дело требует коллективного организованного труда большой, хорошо сплоченной человеческой группы и, следовательно, возможно только при более или менее развитом родовом строе. Для подготовки участка у современных мотыжных земледельцев обычно соединяется несколько родственных групп. В ряде производствен-

ных процедур всем, и мужчинам и женщинам, и старикам и детям, находится дело по их силам и способностям. Вырубка леса производится мужчинами, но женщины часто вырубают кустарники. Расчищают вырубленный участок мужчины и женщины совместно, огораживают его мужчины. Разравнивание и взрыхление палкой или мотыгой составляет обычно дело женщины, в котором активное участие принимают и дети. Нередко земля растраивается

Рис. 18. Папуасы с копательными палками

просто руками и так тщательно, как этого не могла бы сделать ни одна машина. Сеют совместно мужчины и женщины: мужчина идет впереди и делает палкой ямки, женщина следует за ним и, доставая из плетеной сумки зерна, засовывает их в землю и выравнивает ее руками. Наконец, дальнейшие операции — уход за посевом и сбор урожая — составляют обычно дело исключительно женщин. Таким образом, в развитом мотыжном земледелии участвуют оба пола, причем преобладающая доля постоянного труда падает все же на плечи женщины. Можно, однако, предполагать, что в самом примитивном своем виде мотыжное земледелие действительно было делом исключительно женщины, тогда как мужчина оставил за собой область охоты. Но с развитием этой формы земледелия и ее усложнением в данную область производительной деятельности стал входить и мужчина.

В благоприятных климатических условиях, в особенности, конечно, в тропиках, вновь расчищенный участок дает обильный урожай в течение нескольких сезонов. Затем, однако, земля истощается и при столь примитивной ее обработке дать больше не может. К тому же,— это особое значение имеет в более теплом климате,— если успешно растет посеянное, то еще более буйно растут сорняки. Борьба с сорняками — тяжелое дело, и современные отсталые земледельческие племена предпочитают расчистить новый участок, чем очищать от сорняков старый. Так, подсечно-огневая система необходимо оказывается связанной с частой сменой обрабатываемого поля и периодической подготовкой нового участка. Покинутый участок более или менее быстро зарастает, и, в зависимости от местных условий, к нему вновь возвращаются через меньшее или большее число лет. На севере Европы для этого требовалось 40—60 лет, в тропических странах, конечно, гораздо меньше.

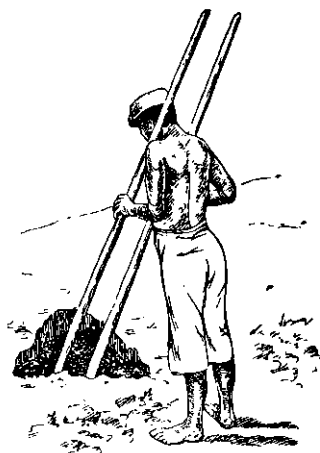

Рис. 19. Работа с двумя копательными палками у батаков на Суматре

Земледелие возникало не только в лесных районах, как это описано выше, но и в степных, например в степной полосе Восточной Европы. И в этих географических условиях перед первобытным земледельцем стояли не меньшие трудности освоения обрабатываемой земли, в частности тягчайшая задача уничтожения покрывавшего землю мощного слоя вековой дернины. К сожалению, вопрос о возникновении земледелия в степных областях остается, можно сказать, совершенно неисследованным. Земледелие в степных районах не требовало тех передвижек, которые были связаны с подсечно-огневой системой, однако для

восстановления плодородия почвы через несколько лет ее использования и здесь обрабатываемое поле оставлялось хотя бы на небольшой срок незасеянным, пока не началось вновь произрастание трав. И здесь, повидному, в технику обработки земли в той или иной форме входило применение огня. Эта система земледелия именуется залежной, или переложной. Надо еще заметить, что степное земледелие, в особенности в условиях сурового климата и малоплодородной почвы, могло быть в хозяйстве местного первобытного населения лишь второстепенной отраслью производительной деятельности, наряду с сохранявшими основное значение охотой и рыболовством.

Вопрос о происхождении культурных растений вызвал многочисленные исследования и породил обширную литературу. Все же многие стороны этого вопроса остаются слабо освещенными и спорными. Ясно, что данное растение могло быть выведено лишь там, где оно водилось в своем диком виде. С другой стороны, отдельные культурные растения могли иметь либо только один очаг возникновения — происхождение их монофилетично, либо, в особенности если данное растение имеет разные виды, несколько очагов — происхождение его полифилетично. Многие современные культурные растения ведут свое происхождение непосредственно от определенного дикого предка, но ряд их получился путем скрещивания, гибридизации, естественной или искусственной, разных растений, и в таком случае установить их происхождение с точностью иногда невозможно.

Наиболее древними из современных культурных злаков являются пшеница, просо, ячмень и рис. Пшеница полифилетична, очаги ее — в Азии, Северной Африке и Европе. Достоверных археологических данных о ее появлении не существует. Она уже хорошо представлена в европейском позднем неолите. Дикий предок проса не установлен, и родина культурного проса остается неизвестной, но оно является наряду с пшеницей древнейшим культурным злаком Азии и Европы, будучи представлено в последней также в позднем неолите. Немногим уступает по древности и ячмень, родиной которого являются Западная Азия и Аравия, откуда ячмень уже в неолите распространился на широком пространстве Азии, Северной Африки

и Европы. Наконец, родимой культурного риса является, повидимому, Индокитай, откуда рис распространился первоначально по юго-востоку Азии. В страны Средиземноморья культура риса была введена поздно — арабами. Североамериканские индейцы, собиравшие дикий рис, не освоили его культуры. К более поздней эпохе относится происхождение ржи и овса. Рожь возникла в странах к югу от Кавказа и Каспийского моря, в Европе появилась только в железном веке, когда стала возделываться древними славянами, кельтами и германцами. Весьма спорно, была ли известна рожь древним грекам и римлянам. Родина овса неизвестна, во всяком случае происхождение культурных овсов полифилетично. Овес не был известен древним египтянам и евреям, а в Западной Европе появился только в эпоху бронзы. Кукуруза была выведена в первобытную эпоху индейцами Америки из местного дикого вида. Родина ее по одним исследованиям — Южная Америка, район Андов, по другим — Гватемала в Центральной Америке. В Европе кукуруза стала известна под туземно-американским ее названием — маис (аровакское *maiz*), после открытия Америки особо распространилась в Турции, откуда попала в Южную Россию, — вместе с ее, повидимому, турецким названием.

Что касается корнеплодов и клубневых растений, то об их происхождении нет тех, иногда четких, археологических показаний, какие мы имеем для злаков, зерно которых при благоприятных условиях отлично сохраняется в течение тысячелетий. Нет сомнения, однако, что основные виды этих культурных растений в свою очередь относятся к глубокой древности. Таковыми являются для умеренного пояса репа, редька, свекла, морковь, лук, чеснок, капуста. Родина капусты — Южная и Западная Европа. В России капуста была заимствована от греко-римских колонистов вместе с ее названием (от лат. *caput* — «голова»). Родина картофеля — Южная Америка, где он был выведен из местных диких видов туземцами в районе современных Перу, Боливии и Чили в эпоху неолита. Ввезенный в Европу после открытия Америки, картофель (итал. *tartuffoli*) внедрялся сначала очень медленно, зато впоследствии распространился поистине победным образом. В России картофель стал разводиться только в 30-х годах XVIII века. Точно так же в Америке, а именно

туземцам Перу или Мексики, обязаны мы помидором, или томатом. Из корнеплодов и клубневых, свойственных тропическому и субтропическому климату, родиной ямса является, вероятно, Китай, таро — Индонезия, батата, или сладкого картофеля, и кассава (тапиоки или маниоки) — Южная Америка. Из числа «меньшей братии» огородных растений в Европе возделывались в позднем неолите горох, чечевица, бобы, пастернак, петрушка.

Родина культурного сахарного тростника — предгорья Гималаев, откуда он сравнительно поздно, лишь во второй половине первого тысячелетия до н. э., распространился по некоторым странам Азии. Слово «сахар» — санскритского происхождения. В Западную Европу сахар был перенесен арабами. Родиной чая является Китай, что, впрочем, оспаривается в пользу Индии или Индокитая, родиной кофе — Абиссиния, какао — Гватемала или Мексика, подсолнечника — Северная Америка.

В первобытную же эпоху были выведены и некоторые технические культуры. Хлопок имеет два очага: Азию, в пределах которой право именоваться родиной хлопка могут оспаривать Индия и Китай, и Центральную Америку. Родина конопли лежит в широком районе от Гималаев до Нижнего Поволжья. Происхождение льна очень спорно, но уже в глубокой древности он был известен в Передней Азии и Средиземноморье. В Западной Европе лен и конопля встречаются в поздненеолитических свайных постройках. Наконец, к той же первобытности относится и начало культуры плодовых деревьев и растений, в частности, в самом конце неолита в Европе появляется культурная яблоня, а на юге и виноград.

Итак, уже в первобытную эпоху в различных странах и различными племенами были выведены из местных диких видов почти все культурные растения, которыми питается и которые в иных направлениях использует современное человечество. Какое количество долгого, упорного труда затрачено было первобытным человеком для того, чтобы из бесконечного множества диких растений отобрать и вывести перечисленный ряд культурных видов, ряд, который в последующие времена человек смог дополнить в сущности весьма незначительным образом!

Мотыжное земледелие стало основной отраслью производительной деятельности развитого первобытного об-

щества. Оно было широко распространено и по сей день удерживается у некоторых отсталых племен и народностей. Мотыжное земледелие было распространено по всей доколумбовой Америке, по всей Африке между 18° северной и 22° южной широты, по всей Океании, Индонезии и по всему Индокитаю, в значительной части Индии, в части Китая и в ряде других местностей Азии. Широко была распространена эта форма обработки земли и по всей Европе в историческом прошлом. В отдельных местностях и у отдельных народов, например у ирокезов в Северной Америке, мотыжное земледелие с культурой маиса достигало очень больших масштабов и высокого технического уровня. Прекрасно обработанные, тщательно содержимые поля маиса ирокезов приводили в изумление европейских колонистов Америки.

Как было сказано, подсечно-огневая система неизбежно сопряжена с истощением почвы и необходимостью смены обрабатываемых участков. Но с размножением человечества свободной земли становится меньше. С другой стороны, эта система ведет постепенно к гибели лесов. Все это в особенности сказывается в малолесистых районах. При таких условиях приходится все чаще возвращаться к одному и тому же участку, дающему, однако, все меньший урожай. Некоторым выходом из этого положения является так называемая плодопеременная система, или севооборот, т. е. засевание одного участка последовательно разными культурами. Трудно сказать, была ли изобретена эта система уже в первобытную эпоху, но она существует у ряда весьма отсталых племен. Так, туземцы Меланезии сеют последовательно ямс, таро и сахарный тростник, а затем на некоторое время оставляют участок под паром.

Как бы то ни было, развитие мотыжного земледелия уперлось в предел, обусловленный и техникой данной формы и недостатком свободной земли. Дальнейшее развитие земледелия могло пойти только по пути более интенсивной обработки одного и того же участка, для некоторых видов почвы — в частности, более глубокой вспашки. Но для этого физической силы человека и нехитрой мотыги было недостаточно. Требовалось применение к возделыванию земли иной, более мощной силы. Неуклонно покоряя

природу, человек нашел эту новую силу и заставил ее служить себе в земледелии.

Но для того, чтобы земледелие перешло в высшую форму, должно было произойти новое крупнейшее культурное завоевание человека — приручение и одомашнение животных.

Надо прежде всего сказать, что следует различать прирученных и одомашненных животных. Прирученные животные — это те, которые, существуя в диком виде, живут в неволе и стали послушны человеку. Одомашненные — те, что, будучи приручены, дали новые виды. Прирученные животные хозяйственной роли не играют, за исключением исключений. Например, слон в некоторых странах используется как тяговая сила и как ездовое животное, но домашним животным его назвать нельзя. Домашние же животные всегда служат ту или иную службу человеку. Еще одно различие подчеркивает хозяйственное значение домашних животных: тогда как прирученные не всегда плодятся в неволе, домашние плодятся регулярно, а следовательно, могут быть объектами специального разведения.

Вопрос о происхождении приручения и одомашнения животных привлек к себе внимание представителей различных отраслей науки: зоологов, археологов, этнографов, лингвистов и др. Идут споры о времени, месте, обстоятельствах этого события, о том, какое животное было приручено первым, и т. д. Как всегда, попытки найти один ответ на столь различные вопросы осуждены на неудачу. Нет сомнения, что приручение и одомашнение животных происходило в различных местах земного шара в разное время, при разных условиях и по отношению к различным видам животных. Первым одомашненным животным была, как уже говорилось, собака.

Существует ряд своего рода «теорий» о происхождении приручения и одомашнения животных. Одно несомненно: раньше, чем быть одомашненным, данное животное должно было быть приручено. Происхождение приручения объясняется самым различным образом. Одна «теория» рисует следующую картину: охотник убивал самку животного, а оставшиеся детеныши инстинктивно шли за уносимой матерью, выкармливались женщинами и становились ручными. Другая «теория» утверждает, что отдельные виды

животных сами привязывались к человеку. При этом ссылаются на факты действительно известные: бывают случаи, что, например, дикие олени или дикие лошади подходят к разведенному человеком костру, спасаясь от мошек и комаров. Еще одна «теория» выводит приручение и одомашнение животных из следующего приема охоты: дикие животные загонялись в огороженное место и там содержались про запас; так действительно поступали в прошлом охотники народности Севера с дикими оленями. Из этого «огораживания» и возникло приручение и одомашнение животных. Наконец, находятся авторы, прибегающие здесь к ссылке на религиозные мотивы: первоначально это были «священные» животные, которым человек поклонялся, а затем уже обратил их себе на службу.

Все эти «теории» весьма мало убедительны. Элемент случайности, впрочем, мог играть здесь некоторую роль, причем из числа прирученных животных отдельные виды, особо для того подходящие, могли сделаться объектом и одомашнения. В отдельных случаях приручение могло и не иметь хозяйственных целей. Австралийцы, например, приручают лягушек и крыс для забавы. Бывает, действительно, что женщины у отсталых племен выкармливают грудью детенышей диких животных и приручают их. Но одомашнение было уже результатом сознательной хозяйственной деятельности. Существует взгляд, по которому не только приручение, но и одомашнение животных и даже скотоводство выводятся непосредственно из охоты. Взгляд этот связан со старинной, давно оставленной «теорией трех ступеней», по которой скотоводство якобы следовало за охотой и предшествовало земледелию. На самом деле охотник приручил и одомашнил только одно животное — собаку, которая оказывала ему существенную помощь в самой охоте и которая по своему нраву подходила в качестве спутника в его скитаниях. Но сколько-нибудь более широкое разведение домашних животных никак не вяжется с охотничьим состоянием. Охотник не мог таскать с собой одомашненную корову или свинью. Для разведения домашних животных необходима хотя бы относительная оседлость. Таковая могла существовать на основе интенсивного рыболовства, но и оно мало вяжется с разведением животных. Остается прийти к заключению, что разведение домашних животных возникло примерно

на том же рубеже, на котором возникло и земледелие. Что же касается скотоводства в подлинном смысле, то оно относится к значительно более позднему времени.

Разведение домашних животных имело первоначально, очевидно, весьма ограниченные размеры, однако с течением времени сделалось новой важной отраслью хозяйственной деятельности. Одомашненные животные давали человеку ряд источников средств существования: мясо, шкуру, шерсть, жир, кости, тяговую силу для транспорта и для обработки земли, наконец, навоз. Использование молока домашних животных возникло сравнительно поздно.

Одомашнение различных видов животных было чрезвычайно длительным процессом, состоявшим в отборе и скрещивании, и далось первобытному человеку, очевидно, не легко. Достаточно сказать, что из примерно 140 тысяч существующих на земле различных видов животных, которые, вообще говоря, могли бы быть одомашнены, человек одомашнил только совершенно незначительное число, а именно 47.

Основные очаги происхождения наших домашних животных лежат в ряде областей Азии, а именно на Дальнем Востоке, в Северной Индии, Средней и Западной Азии, в Средней и Южной Европе, для некоторых животных также в Северной Африке. Происхождение отдельных домашних животных освещается следующим образом. Происхождение собаки, представляющей собой в сущности ряд разновидностей, полифилетично, и очаги ее одомашнения лежат в Азии, Европе, Африке и Америке. Австралийский динго переселился в Австралию вместе с человеком в полудиком состоянии и таким полудиком остался, поддерживая все же тесную дружбу с туземцами. Как было сказано, древнейшие следы домашней собаки относятся к Азии. На второе место после собаки по своей древности претендуют свинья и коза. Некоторые исследователи решают данный вопрос в пользу свиньи. В некоторых местностях свинья появляется в раннем неолите. В древнейших свайных поселениях Швейцарии свинья оказывается древнейшим домашним животным после собаки. Будучи в диком виде весьма широко распространена и отличаясь легкой приручаемостью, свинья — полифилетического происхождения. Очаги ее лежат в Восточной, Средней и Западной

Азии, в Индии, Средиземноморье, Западной и Восточной Европе. Точно так же полифилетично происхождение козы, которая широко распространена в ранних свайных поселениях Западной Европы. То же самое можно сказать об овце. Совершенно отчетливо устанавливается археологическими данными, что мелкие домашние животные были одомашнены раньше крупных.

Крупный рогатый скот, т. е. корова и бык, появляется в Европе в конце неолита, в свайных поселениях. Точно так же к концу неолита относятся древнейшие следы крупного рогатого скота в Южной Азии, а равно в области древнего Египта. Очагами происхождения коровы и быка являются Южная Азия и Европа. Родина осла — Восточная Африка и Западная Азия. В Европу он проник из этих стран и появился здесь лишь в конце бронзового века. Точно так же полифилетично происхождение верблюда, очаги которого относятся к трем районам: Центральной Азии, Средней Азии и Северной Африке с Аравией. Совершенно независимым образом в Южной Америке, в древнем Перу, была одомашнена малорослая безгорбая разновидность верблюда — лама и ее подвид — альпака. Это — единственное жвачное животное, одомашненное на материке обеих Америк.

Чрезвычайно сложен и спорен вопрос об одомашнении лошади. Происхождение ее, по видимому, полифилетично и родина ее лежит в Азии и Западной Европе. Но если азиатский очаг происхождения лошади — вне всякого спора, то самостоятельное существование западноевропейского очага далеко не доказано. Да и в Азии лошадь имела, вероятно, не один, а по крайней мере два очага: один на востоке, другой в Средней Азии, возможно в районе Туркменистана. Именно здесь родина наилучшей породы лошади — довольно крупной, высоконогой, стройной, сухой, быстроаллюрной и необыкновенно выносливой. Возникнув в Азии еще в первобытную эпоху, именно из Средней Азии, указанная порода лошади распространилась на запад, в Месопотамию, Малую Азию, Палестину, Египет, позднее в Аравию. В названных странах лошадь появилась только в эпоху существования там классовых обществ, причем сыграла здесь немаловажную историческую роль. Что касается вопроса о европейской лошади, то здесь кроется одно почти загадочное обстоятельство. Дикая лошадь, и

притом разных типов, была некогда широко распространена в Западной Европе. Об этом красноречиво говорят памятники палеолита, содержащие обильные костные остатки дикой лошади, и великолепные, с замечательным реализмом исполненные палеолитические изображения лошади. Но дальше следует глубокий перерыв. Лошадь появляется в археологических памятниках Западной Европы уже только в эпоху поздних свайных поселений, в бронзовом веке, в качестве лошади одомашненной. На протяжении же всего промежуточного времени, т. е. всего периода неолита, остатков ни дикой, ни домашней лошади не найдено.

При таких условиях, тогда как одни исследователи высказываются за то, что домашняя лошадь перешла в Западную Европу с востока, т. е. в конечном счете из Азии, ряд авторов стоит за местное происхождение этой европейской так называемой бронзовой лошади.

К отдаленной древности относится получение искусственных гибридов — мула, результата скрещивания осла и кобылы, и лошака, помеси жеребца и ослицы. Эта весьма нелегкая, требующая большого искусства гибридизация была осуществлена впервые, вероятно, в Западной Азии. В Европе мулы и лошаки появляются только в железном веке.

В итоге мы и здесь, как это было сказано относительно культурных растений, можем подчеркнуть, что все основные виды ныне существующих домашних животных были одомашнены уже в первобытную эпоху. Любопытное исключение, повидимому, составляет кошка. Она уроженка Нубии, была одомашнена в Египте, где впервые появляется около 2000 г. до н. э., т. е. уже в классовом обществе, в эпоху Среднего царства; греки узнали кошку только в V в. до н. э., позже — в I в. н. э. она появилась в Риме и еще позже — в VII в. — в Средней Европе.

Возвратимся теперь к истории земледелия. Мы остановились на том, что развитие земледелия уперлось в задачу более интенсивной обработки земли. Возможно, что человек попытался справиться с этой задачей собственными силами. Некоторые отсталые земледельцы прибегают в этих целях к такому, например, приему: несколько человек волочат по полю срубленный ствол дерева с оставленным на толстом конце одним заостренным суком, про-

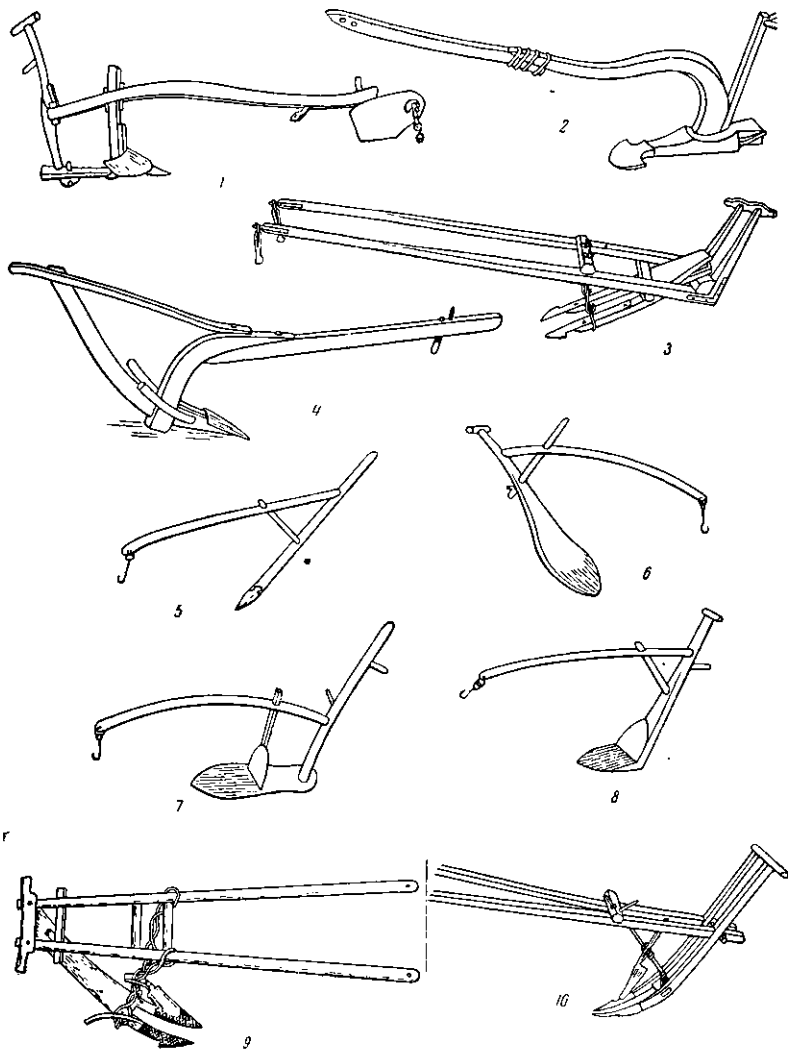

Рис. 20. Старинные плуги

1—старинный китайский плуг из Шантунга; 2—старинный плуг аварцев Дагестана—пуруц; 3—старинная эстонская соха; 4—старинный шведский плуг; 5, 6, 7, 8—старинные китайские плуги для обработки рисовых полей; 9—старинная белорусская соха; 10—старинная русская сибирская соха

водящим глубокую борозду. Мысль заменить человеческую силу силой прирученного животного, использовав его для вспашки, была немаловажным изобретением первобытного земледельца. Лишь только эта мысль явилась, оставалось использовать тот же обрубленный ствол или перевернуть мотыгу, придать ей один длинный конец и к этому концу привязать животное. Так, возможно, возник один из видов плуга.

Слово «плуг» употребляется в качестве общего обозначения земледельческого орудия разнообразных видов и различных исторических форм. История плуга хорошо иллюстрируется историей восточнославянского пахотного орудия. Его самым древним видом было орудие, которое землю только бороздило, или, по народному русскому выражению, «черкало». Таковы великорусская однозубая «черкуша» и украинское «рало». Несколько более поздним видом пахотного орудия является двузубая или многозубая соха, которую на лесных почвах использовали еще до недавнего времени. Более развитой формой было орудие, которое уже «пахало» землю, т. е. загребало ее вперед и отбрасывало в одну сторону, для чего имело приспособление — «отвал» или «полицу». Наиболее совершенная и исторически поздняя из этих все же примитивных форм плуга имела уже сложное устройство и продельвала сложную операцию: отрезала землю сбоку, подрезывала ее снизу, поднимала и переворачивала. В общем, различными племенами в разных странах и местностях было изобретено бесчисленное множество разновидностей плуга, что зависело, очевидно, от условий почвы, от возделываемых растений, от материала, изобретательности и пр. Усовершенствование плуга сводилось прежде всего к лучшей обработке земли, затем — к удобствам управления плугом. В качестве тяговой силы для плуга в Передней Азии стал использоваться осел, сделавшийся здесь первым тяговым и ездовым животным и оставшийся таковым надолго, даже после появления лошади. В других странах первой тяговой силой в земледелии стал бык.

Итак, совершился глубокий переворот в развитии земледелия. Возникла новая, высшая его форма — плужное, или пахотное, земледелие.

Определенно датировать возникновение плужного земледелия нет возможности. По археологическим данным

плуг появляется впервые в бронзовом веке. Однако начальные и примитивные виды деревянного плуга не могли сохраниться в археологических памятниках. Но не без основания считают, что плуг мог быть сделан скорее только металлическим орудием. Так или иначе, появление и распространение плуга совпадает с появлением бронзовых орудий. Плуг появляется в Месопотамии и Египте в 4 ты-

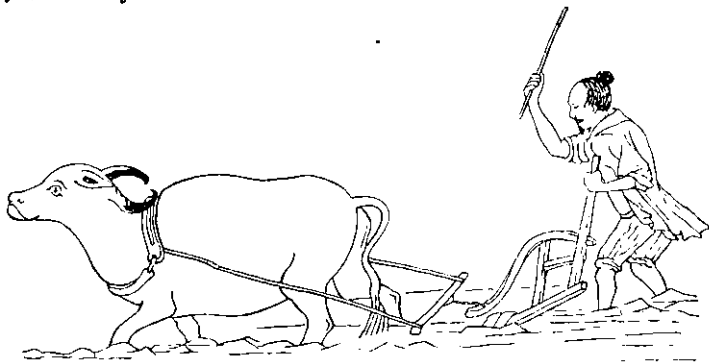

Рис. 21. Работа плугом в Китае (со старинного китайского рисунка)

сячелетии до н. э., в 3 тысячелетии до н. э. на Крите, около 1300 г. в Китае, в середине 1 тысячелетия в Южной Сибири.

Что касается этнографических показаний, то современные отсталые земледельцы, если плуг не является у них заимствованием, сохраняют с исключительной стойкостью мотыжное земледелие. Ряд таких народностей, не только уже обладающих подходящими для запряжки в плуг домашними животными, но и дошедших до развитого скотоводства, продолжают держаться мотыги. С другой стороны, вплоть до нового времени плужное земледелие имело довольно ограниченное географическое распространение, существуя лишь в некоторых местностях Азии, Европы и Северной Африки. И с переходом к плужному земледелию в местностях, обильных лесом, с редким населением, сохранялась подсечно-огневая система.

Использование скота в качестве тяговой силы дает возможность применять, помимо плуга, еще одно земледельческое орудие — борону. Впрочем, в своем начальном

виде она представляет собой ту же таскаемую руками суковатку или связку хвороста. Но скот дает и совершенно иное подспорье земледелию — навоз, применение которого возникает поздно, но остается надолго важнейшим средством удобрения земли.

Интенсивная обработка земли при помощи плуга, равно как и удобрение, дают возможность развития в больших масштабах культуры злаков. Кроме того, и самые злаки требуют большого земельного простора. С разви-

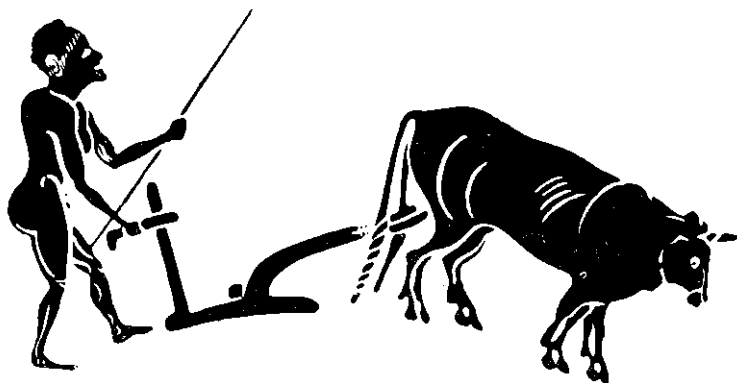

Рис. 22. Работа плугом в древней Греции (с рисунка на вазе VI в. до н. э.)

тием плужного земледелия связано возникновение постоянно используемых в этом направлении участков земли — пахотного поля. Плужное земледелие становится полевым.

Основными растениями, связанными с плужным земледелием, которые выращивались в первобытную эпоху, были хлебные злаки: ячмень, пшеница и полба, рожь и овес.

Плужное земледелие по своему производственному эффекту, по своим хозяйственным результатам неизмеримо выше мотыжного, гораздо более производительное. Плужное, пахотное, полевое, или, как мы можем его теперь назвать, хлебное земледелие дало человеку постоянный обильный источник пищи. Хлебное зерно хорошо сохраняется, давая возможность создавать запасы пищи. Отныне хлебная пища становится и надолго остается

основным видом питания значительной части человечества. Не забудем отдать вполне заслуженный культурно-исторический долг и побочному продукту зернового земледелия — скромной соломе, используемой в разных формах.

Отнюдь не теряя своего значения в питании человека, корнеплоды, клубневые и иные виды культурных растений, выращивавшихся при мотыжной обработке земли, все же отступают перед хлебом. Но совершается прогресс и в культуре этих растений. Поле для них также обрабатывается плугом, применяется навоз для удобрения почвы. Все это при одновременно совершающейся селекции дает значительное повышение урожайности и позволяет ограничиваться в культуре этих растений небольшими участками. Возникает огород. Прошлое сохраняется в огородном деле в виде мотыги.

Ко времени возникновения плужного земледелия существенным образом изменяется положение мужчины и женщины в хозяйстве. Это происходит в силу ряда сложных причин. Подсечно-огневая система приводит к уничтожению лесов (это не единственная причина уничтожения лесов, совершавшегося еще в первобытную эпоху), а тем самым к изживанию охоты. Наряду с тем разведение домашних животных создает обеспеченность мясной пищей и резко снижает значение охоты. Наконец, на данной стадии вырастает значение домашнего хозяйства, — о чем нам придется еще говорить, — которое становится преимущественной отраслью женского труда. При всех этих условиях мужчина, утратив свое значение охотника, все более втягивается в земледельческое производство. Преобладание женщины в мотыжном земледелии сменяется преобладанием мужского труда в плужном. Все-таки женщина остается активной и немаловажной участницей ряда процессов этой новой формы обработки земли. Наряду с развитием плужного земледелия развивается и разведение домашних животных. Возникает скотоводство.

Скотоводство имело целью первоначально в основном обеспечить человека мясной пищей. Как уже упоминалось, использование скота в молочном направлении возникло позднее. Для этого во всяком случае потребовался длительный процесс особого отбора. О позднем возникновении молочного скотоводства в некоторых местностях можно судить по тому, что существуют скотоводче-

ские племена, обладающие большими стадами рогатого скота, но не знающие употребления в пищу ни молока, ни молочных продуктов. Таковы, например, многие скотоводы Африки. Точно так же многие народности Китая, Индокитая и значительной части Индии, обладая рогатым скотом, молока в пищу не употребляют. Наблюдается, правда, и обратное явление: некоторые племена Африки, употребляя в пищу молоко, почти не едят мяса и, обладая иногда громадными стадами, ведут, как выражаются, «накопительное скотоводство».

Что касается разделения труда в скотоводстве, то этнографические данные говорят о следующем. У большинства тех скотоводческих племен Африки, которые употребляют в пищу молоко, мужчины доят коров и делают масло. Но у арабских народностей, тогда как мужчины доят верблюдиц, женщины доят коров, коз и овец. Точно так же у ряда тюркских и монгольских народностей Азии мужчины доят кобыл, женщины — коров, коз и овец.

Особое место в истории скотоводства занимает оленеводство, игравшее и играющее до сих пор громадную роль у северных народностей Европы и Азии. О происхождении оленеводства ведутся нескончаемые споры. Одни приписывают ему глубокую древность, относя чуть не ко времени мадленской культуры и считая, таким образом, оленя первым одомашненным животным, другие датируют возникновение оленеводства не более как 500 лет тому назад, утверждая, что олень — самое последнее из одомашненных животных. Столь же разноречивы мнения о месте, обстоятельствах и цели возникновения оленеводства. И в данном случае все эти вопросы скорей всего решаются в том смысле, что оленеводство возникало в разных местах, в различное время, у различных народностей, имея первоначально и сохраняя надолго различное направление, в одних случаях — ездовое, в других — мясное. В настоящее время олень используется и для мяса, шкуры и пр., и для езды, причем у одних народностей, например эвенков, олень служит верховым животным, у других, например ненцев, саамов и др., упряжным животным.

Раз возникнув, скотоводство имело много данных для своего иногда исключительно интенсивного развития. У многих скотоводческих народностей численность стад крупного рогатого скота достигала многих тысяч голов.

Но развитие скотоводства требует и ряда существенных условий. Оно возможно лишь в соответствующих географических условиях и районах, а равно требует и наличия надлежащих пастбищ. Естественно поэтому, что в больших масштабах скотоводство развивалось преимущественно в степных районах. Оно не развилось во всей доколумбовой Америке, за исключением древнего Перу, где разводилась лама и альпака, в западной части Центральной Африки и во всей Океании, не говоря об арктических районах и Австралии. Одомашнение различных видов птицы было сравнительно поздним явлением. Курица — монофилетического происхождения; ее родина — юг Азии, возможно, Индия, откуда она распространилась сперва на восток, до Китая, значительно позднее — на запад Азии и еще позже — в Африку и Европу. Древние евреи, как и древние египтяне, не знали курицы, в Месопотамии она появилась не раньше VII—VI вв. до н. э. Не знала курицы древняя Греция в гомеровскую эпоху, а в более позднее время в Греции она называлась «персидской птицей». Нет курицы в памятниках свайных поселений Европы. Для некоторых стран, например для Океании, курица — явление весьма позднее. Любопытно, что у туземцев Новой Гвинеи разведение кур совершенно не имеет хозяйственных целей: они не едят ни мяса, ни яиц, а держат эту птицу только из-за перьев, которые употребляют в качестве украшения. Поздно произошло одомашнение и других представителей птичьего двора: гуся, очагами которого были Европа и Африка и который отсутствует в свайных поселениях Западной Европы, утки, одомашненной еще позднее гуся; ее очаги — Европа и Азия; ее не знали древние греки. Особый вид утки был самостоятельно одомашнен в древнем Перу и в Центральной Америке. Центральная же Америка является родиной индейки, Африка — родиной цесарки и юг Азии — павлина. Возможно, что к более отдаленному прошлому относится одомашнение голубя, родиной которого является Западная Азия.

Особый и своеобразный комплекс представляет собой возникшая еще в первобытную эпоху горская культура.

Горы стали впервые заселяться и при благоприятных условиях сделались местом постоянного обитания людей большей частью в неолите. В иных местах заселение гор

могло произойти и позже, в эпоху бронзы или даже железа.

Горы в некоторых географических районах представляли ряд весьма благоприятных условий для скотоводства и земледелия: пологие горные склоны с великолепной травяной растительностью, в особенности высокогорные альпийские луга, были прекрасными пастбищами, те же склоны путем соответствующей обработки превращались в плодородную пахоть. Пока покрывавшие горы леса не были вырублены, широко применялась подсечно-огневая система. Долины горных рек в глубоких ущельях представляли отличные условия для развития и здесь орошаемого земледелия, а также садоводства. Сверх своего хозяйственного значения особую роль сыграло в известных условиях то, что горы и горные ущелья представляли отличные естественные условия для обороны.

Подняться в горы могли заставить человека разные обстоятельства: мысль об использовании горных пастбищ, причем в этом случае человек мог лишь последовать за своим скотом, который сам начал залезать на гору, земельная теснота, наконец, весьма вероятным мотивом могло быть стремление уйти и укрыться в горах от неприятеля.

Использование горных склонов для возделывания растений приняло особую, замечательную форму террасового земледелия. Эта форма свойственна тропическим и субтропическим горным районам, но встречается и в умеренном поясе. Она существует в настоящее время у некоторых народов Индонезии, например на Филиппинах, была развита в древнем Перу, в Южной Америке, существовала и отчасти сохранилась еще на Кавказе, в Дагестане. Сущность террасового земледелия состоит в следующем. Посев производится на горных склонах, но для того чтобы превратить эти склоны в плоскости, обеспечить поле влагой, избегая однако его размыва во время сильных ливней, склоны горы обращаются в искусственно созданную систему укрепленных, следующих одна за другой амфитеатром террас с каналами для стока воды. Такие сооружения достигают порой грандиозных размеров, создаваясь лишь в результате длительного труда ряда поколений. Насколько далеко это террасовое земледелие уходит в прошлое, сказать трудно. Ясно, что в своем ши-

роком проявлении оно возможно лишь в сравнительно развитом обществе.

Горное скотоводство с его развитием приняло форму отгонного скотоводства. В зимних условиях скот лишается подножного корма, заготовка же корма на зиму и стойловое содержание большого поголовья скота составляет в горах слишком трудоемкое дело. Поэтому горец с приближением зимнего времени гнал свой скот, преимущественно овец, на равнину — на плоскость, как выражаются на Кавказе,— используя свободные равнинные пастбища, причем нередко скот отгонялся на весьма далекие расстояния. В свою очередь, в некоторых местностях жители равнин, в особенности предгорий, с наступлением весны подымались вместе со своим скотом на горы, используя горные пастбища.

Горные условия создали некоторые особые формы культуры, выразившиеся, в частности, в орудиях обработки земли, в жилище, в одежде. Вместе с тем многие стороны горской культуры, например состояние путей и средств сообщения, связи, возможности усовершенствования земледелия, условия той же отгонной системы, связанной с громадной гибелью скота при перегонах,— все это сильно тормозило развитие горской культуры.

Заканчивая наш очерк развития в первобытную эпоху основных отраслей производительной деятельности, мы должны еще остановиться на вопросе о связанном с отдельными из этих отраслей образе жизни человека.

Очень часто говорилось, что человек первоначально или вообще в первобытную эпоху вел бродячий образ жизни. В такой общей форме это утверждение неправильно. Бродячий образ жизни можно, пожалуй, отнести только к самому раннему периоду, да и то в этот период люди, ведя по необходимости подвижный образ жизни, все же не всегда беспорядочно бродили с места на место. С развитием хозяйства, с возникновением родового строя человек оказывается уже более или менее привязанным к определенной территории, составляющей его привычную кормовую область. Такой образ жизни вели даже наиболее отсталые из современных племен. Нередко смена места кочеваний этих племен была обусловлена сменой сезонов.

Примитивная охота по необходимости связана с коче-

ванием, но и здесь передвижения отдельных групп ограничены определенной территорией и не лишены регулярности, завися от образа жизни зверя. Уже более или менее развитое рыболовство связано с началом относительной оседлости. Занятие охотой в соединении с рыболовством в свою очередь связано с регулярным перекочевыванием в зависимости от сезона. Подсечно-огневая система как при мотыжном, так даже и при плужном земледелии требует некоторой, в свою очередь ограниченной, смены места обитания. Подвижный образ жизни свойствен высоко-развитому скотоводству, причем и здесь кочевания имеют характер регулярных передвижений.

Наконец, лишь с развитым плужным земледелием человек окончательно порывает с кочевничеством, или номуадизмом (греч. *nomas* — «бродящий», «кочевник»), и переходит к прочной оседлости.

Глава пятая

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА

(Продолжение)

Развитие жилища. Отопление и освещение. Одежда, теории ее происхождения. Обувь и головной убор. Первобытная кухня. „Застольные“ обычаи. Посуда и утварь. Запасы и их хранение. Вкусовые вещества, напитки, наркотики, куренье. Домашние ремесла: обработка шкур и выделка кожи, изготовление войлока, плетение, прядение и ткачество, гончарство. Первобытные поселения. Свайные постройки. Пуэбло. Пути сообщения. Способы передвижения. Средства транспорта. Мосты

Мы ознакомились с развитием в первобытную эпоху основных отраслей производительной деятельности человека. Вся эта масса труда и изобретательности шла на обеспечение и удовлетворение в сущности одной основной потребности человека — потребности в пище.

Посмотрим теперь, как развивались другие стороны первобытного хозяйства, направленные на удовлетворение других, с течением времени возникавших и нараставших материальных потребностей человека.

Много раз ставился вопрос: что возникло раньше — жилище или одежда? Судя по тому, что ряд отсталых племен совершенно или почти совершенно не знал одежды, тогда как этнографии не известно ни одно хотя бы самое отсталое племя, которое не знало бы жилища, поставленный вопрос решается, повидимому, в пользу жилища.

Основное назначение жилища — защита человека от неблагоприятных климатических и атмосферных явлений:

холода, ветра, дождя, сырости воздуха и почвы. Поэтому первобытный человек при благоприятных обстоятельствах, в особенности днем, своим жилищем не пользуется, предпочитая оставаться под открытым небом. В отдельных случаях жилище служит также защитой как от хищных животных, так и от досадливых насекомых. Теснейшим образом связано жилище в своем возникновении с защитой не только человека, но и его постоянного в раннюю пору первобытности спутника — костра, в свою очередь нуждающегося в защите от ветра и дождя.

Мы уже упоминали о том, что первоначально жилищем могло служить дерево в виде своего рода гнезда из сплетенных ветвей. Такая форма укрытия продолжает существовать и у более развитых племен. Ныне почти совершенно вымершие бушмены обязаны своим наименованием тому, что имели обыкновение укрываться в сплетаемых ими ветвях больших кустарников (голландск. busch — «кустарник» и теп — «люди»). Жилище на деревьях гораздо более развитого типа — в виде довольно основательно сооруженных на ветвях больших деревьев хижин — встречается и по сие время у различных племен и народностей Западной Индии, Суматры, Новой Гвинеи, частичной Африки. Вряд ли, однако, это прямой пережиток отдаленной первобытности, скорей всего — новое изобретение лесных обитателей, имеющее главной целью защиту либо от зверей, либо от наводнений.

Много раз говорилось о том, что самым начальным жилищем человека были пещера и дупло дерева. Указание на пещеру подкрепляется ссылкой на знакомые нам археологические памятники палеолита. Мы знаем также об использовании древесного дупла тасманийцами. Но как пещера, так и дупло представляют собой естественные, природой данные убежища, и их использование не составляет еще прогрессивного явления в истории культуры. К тому же пещеры встречаются не везде и не всегда могут оказаться там, где первобытному человеку приходится кочевать и устраиваться на стоянку. При всем том пещера действительно остается надолго убежищем человека. Существует ряд археологических памятников — пещер, в которых сохранились последовательные культурные слои от палеолита до бронзового века. Наконец, во многих странах и по сей час встречаются не только отдельные

пещеры-жилища, но и целые своеобразные «пещерные города», например в Ливии, в Тунисе. Ко всему в придачу пещера служила, вероятно, лишь зимним убежищем, в благоприятное же время года наряду с ней могло существовать и иное, уже нарочито сооруженное жилище.

Существующее у современных отсталых племен и народностей жилище бесконечно разнообразно, как по ти-

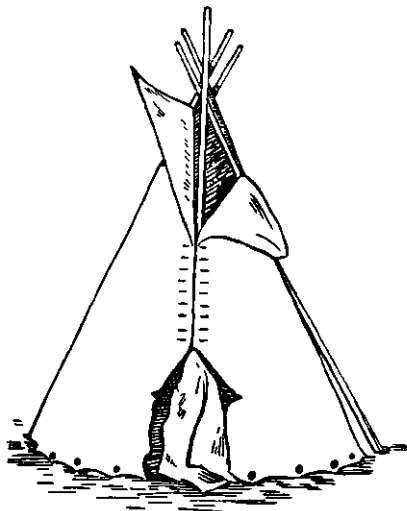

Рис. 23. Типи — палатка американских индейцев

пам и формам, так и по своему совершенству. В большой мере это зависит от местных климатических условий, от местного материала, от того, какая отрасль производительной деятельности у данной народности господствует. Во всем этом разнообразии можно наметить три стадии в развитии первобытного жилища.

Наиболее раннее и примитивное искусственно сооруженное жилище человека представлено так называемым ветровым заслоном, или щитом, и вырытой в земле ямой. Заслон — обычное убежище наиболее отсталых представителей человечества — тасманийцев, австралийцев, кубу, ведда и др. Это — временное укрытие как для человека, так и для его костра, которое довольно легко сооружает-

ся на месте стоянки из жердей и веток или из коры и беззаботно покидается при переходе на другое место. Тогда как подобный заслон служит убежищем в теплом климате или в летнее время, примитивным убежищем в холодном климате или в зимнее время является яма, покрываемая ветвями и землей. Такая яма бывает довольно глубока и для спуска в нее служит бревно с зарубками.

Из этих двух наиболее примитивных форм развились две формы следующей стадии развития жилища — наземного и подземного. Первая представлена шалашом или палаткой, вторая — землянкой.

Шалаш или палатка в свою очередь весьма разнообразны по форме и совершенству и столь же разнообразны по материалу. Таковы более или менее прочные шалашы или хижинны из жердей, веток, листьев, земли, коры, соломы и т. д., преимущественно круглые, конический чум кочевников Севера из жердей, крытых берестой или оленьими шкурами, и пр. Таковы же характерные жилища, бытовавшие у североамериканских индейцев: типичная коническая палатка из жердей, крытая шкурами или кожей, послужившая, как говорят, прототипом для военной палатки, и вигвам — куполообразный или конический шалаш из дерева, коры или тростника, название которого вошло в литературу в качестве общего обозначения жилища индейцев. К этому же типу относится общеизвестная войлочная юрта скотоводческих народностей.

Другая форма, относящаяся к той же стадии в развитии жилища, — землянка — при всей своей примитивности встречается в самых разнообразных видах. Различна степень ее углубленности в землю — от землянки не возвышающейся над уровнем земли до наземной, сооруженной из насыпанной земли. Различны и внешний вид, материал, поддерживающий ее с боков и покрывающий сверху, каковыми служат жерди, ветви, дерн, кора, шкуры, ребра животных, камень и т. д. К этому типу относится уже упоминавшееся нами жилище позднепалеолитических памятников, т. е. первое известное нам по археологическим данным. Своего рода «землянкой» — здесь это слово приходится взять в кавычки — является иглу, хижина эскимосов, сооружаемая из нарезываемых для этой цели кусков снега правильной формы. Она отапливается каменной жировой лампой, и посещавшие эскимосов путеше-

стенники рассказывают, что в ней бывает очень тепло и уютно. Хотя шалаш или палатка относятся скорее к теплomu климату, а землянка — к холодному, обе формы встречаются и одновременно, одна — в качестве летнего, другая — зимнего жилища. Шалаш остается сначала вре-

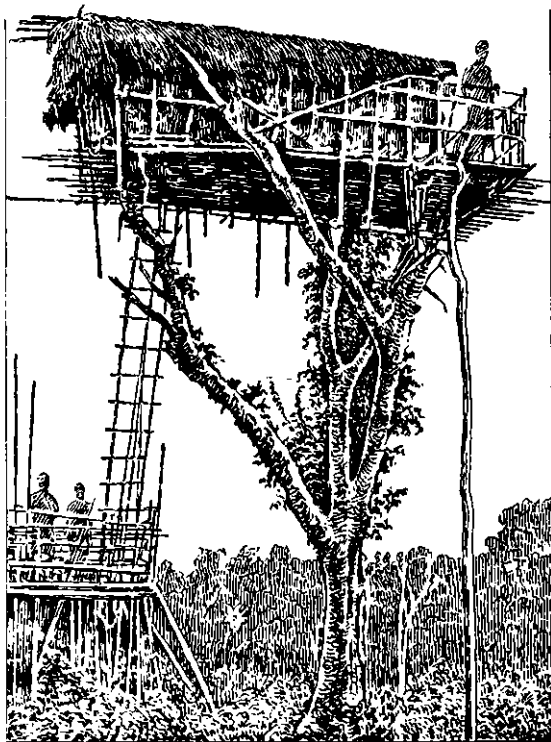

Рис. 24. Хижина на дереве в Ассаме

менным убежищем, покидаемым с переходом на другое место, но как шалаш, так и палатка превращаются в постоянное жилище, которое при перекочевках переносится в разобранном виде.

Наконец, третья стадия в развитии жилища знаменуется весьма существенным его преобразованием. Возникают стены и крыша в качестве двух различных и самостоятель-

ных частей жилищного сооружения. Одновременно это жилище становится уже постоянным. Формы жилища данного типа бесконечно разнообразны, причем в развитии этого типа круглая форма остается присущей более примитивному жилищу, прямоугольная — более прогрессивна. Столь же разнообразен материал, из которого сооружается это жилище, но, поскольку оно является всегда постоянным и непереносным, легкий материал сменяется прочным и тяжелым: деревом, глиной, камнем, кирпичом, сначала лишь высушенным на солнце, затем обожженным. Сооружение данного типа служит иногда только зимним жилищем; наряду с ним сохраняется и жилище второй из намеченных нами стадий в качестве летнего.

К данному типу относится так называемый «длинный дом» — классическое жилище ирокезов, сооружавшееся из коры или из дерева и служившее убежищем для родственной группы числом до 100 человек. Аналогичны типы жилища, встречаемые в Индонезии, Меланезии и пр., укрывающие иногда целое селение. Сюда же относятся и упоминавшиеся нами свайные постройки. Вбитые в дно или болотистую почву сваи поддерживают платформу, на которой сооружается хижина, причем концы свай служат одновременно стропилами для стен и поддерживают крышу. Обычно вдоль всего строения со всех его сторон идет веранда. Сооружаемые на воде, на реках и озерах, на морских заливах, а также на затопляемых местах, эти жилища связаны, как мы говорили, с «болотным» земледелием, равно как и с рыболовством, служа одновременно и защитой от диких животных, а может быть, и от врагов.

Ранние формы первобытного жилища обычно не знают какого-либо разделения внутреннего помещения. В более поздних формах появляется деление на две стороны: мужскую и женскую, разделяемые центральным столбом; возникают, далее, перегородки, дающие начало внутренним стенам и комнатам.

Весьма примитивен во всех описанных нами формах жилища вход. Иногда он крайне труднодоступен, так что обитателю жилища приходится проникать в него только ползком. Двери первобытное жилище по общему правилу не знает, в лучшем случае входное отверстие завешено куском коры или циновкой. Жилище ничем и никак не запирается, но зато уже первобытность создала знак, ука-

зывающий на то, что хозяев нет дома: это палка, приставленная к входу. В первобытную же эпоху был изобретен и род дверного звонка: в Полинезии к цыновке, закрывающей входное отверстие, привязывается погремушка из раковин. Окно появилось поздно, однако оно имелось уже в жилище Триполья. Пол — если не просто земляной, то глиняный, каменный, покрытый цыновками и пр.; деревянный настил — явление позднее.

Сооружение жилища на ранних ступенях развития первобытного общества — и это относится к первой и второй из намеченных нами стадий в истории жилища — составляет дело женщины. Она же и переносит жилище при перекочевках. На более поздних ступенях сооружение постоянного и прочного жилища становится делом преимущественно мужчин.

Несколько слов об отоплении и освещении жилища. Отопление появляется, насколько мы можем судить по жилищу ориньяко-солютрейской стадии, вместе с появлением постоянного прочного жилища. В его примитивных формах костер или очаг помещается в середине и дым выходит через отверстие вверху хижины. Впоследствии, когда очаг начинает служить скорее для приготовления пищи, он помещается у стены, а дымовое отверстие — над ним, в стене. Топливом служит дерево, в безлесных районах, у скотоводов — помет. Уже в первобытности — это засвидетельствовано для древнейшего Китая — стало известно и использование каменного угля. За отсутствием окон единственным источником естественного освещения в первобытном жилище было дымовое отверстие. Но уже рано возникли и искусственные формы освещения. В памятниках мадленской культуры обнаруживаются каменные жировые лампы, совершенно аналогичные тем, которые сохранялись у эскимосов в виде высверленной каменной чашки с растопленным жиром и фитилем. Этнография знает и иные светильники, использующие животные или растительные горючие вещества. Сюда относится и древняя, но необычайно стойко сохранявшаяся русская лучина. Хотя в первобытные времена не любили передвигаться по ночам, но на такой случай существовали факелы. Оригинальным изобретением первобытности была попытка использовать так называемый холодный свет: у индонезийцев и индейцев были в ходу сплетенные из

тонких прутьев фонарики, в которых на покрытом липким веществом древесном листе сидели светляки.

Имеет свою историю и то, как люди спали в первобытные времена. Наиболее отсталые племена спят прямо на земле вокруг своего костра, причем соблюдается определенный порядок — кому какое место следует занимать. Более развитые племена и народности предпочитают спать в своем жилище. И здесь спят прямо на земляном полу, на шкурах, на циновках. Лишь сравнительно поздно начинают спать на каком-либо возвышении в виде нар. Замечательным изобретением американских индейцев является гамак, на котором, однако, спят преимущественно в жилище, а не на воздухе. Первым одеялом была шкура, но с возникновением ткачества первобытность усвоила и шерстяное одеяло, игравшее роль одновременно и одежды. Такая же древность принадлежит подушке. Она представляла собой, однако, лишь деревянную подставку под голову. Такие подставки широко распространены в особенности в Африке и Полинезии, в Китае и Японии.

С момента своего возникновения жилище служит не только приютом для человека, но и помещением для его орудий, утвари и запасов пищи, а в холодном климате и для домашнего скота. В неолите, и в особенности с развитием земледелия и скотоводства, возникают сначала отгороженные места в самом жилище для скота и припасов, а затем и отдельные хозяйственные пристройки или помещения — амбар, хлев, сарай и пр., иногда весьма оригинальной формы.

Если вопрос о возникновении жилища не вызвал у нас особых затруднений, то вопрос о возникновении одежды несколько сложнее. Наиболее распространенное мнение выводит возникновение одежды из потребности защитить человеческое тело от холода, поэтому родиной одежды считается север или вообще страны с холодным климатом. При этом ссылаются на обильную и теплую одежду эскимосов и полное или почти полное отсутствие одежды у жителей тропиков. Однако огнеземельцы часами охотились в снежную бурю совершенно нагими, хотя уже употребляли шкуры в качестве одежды. Ряд данных, действительно, говорит за возникновение одежды для защиты тела, но не только от холода, а и от жары и от дождя.

Возникновение одежды связано и с защитой от насекомых. Впрочем, в этих целях многие племена и народности натирают тело жиром, маслом или глиной. О натирании тела охрой говорят, повидимому, и памятники палеолита.

Очень популярна «теория» происхождения одежды из чувства стыда. Доказательством служат прикрытия для половых органов, широко распространенные у отсталых племен, так называемые «пояса стыдливости», и пр. Однако эти вещи имеют целью скорей всего только защиту половых органов. Вообще же чувство половой стыдливости, весьма само по себе относительное и условное, появляется довольно поздно и во всяком случае позже возникновения одежды. Общего значения не имеет, хотя действительно кое-какую роль играет у отсталых племен, укрывание отдельных частей тела от «дурного глаза». Своего рода «теория» ведет происхождение всей одежды от якобы элементарной ее части — пояса, возникшего, мол, только для того, чтобы к нему привешивать необходимые вещи — сумку, нож и пр.

Весьма распространена теория, связывающая одежду с украшением, и многие историки культуры неизменно излагают обе темы совместно. Возникновение одежды выводит здесь из стремления человека украсить свое тело, причем украшение развивается в одежду. Указывают при этом и на то, что человеку якобы присуще стремление выделить себя из общей среды, что здесь играет роль половой момент, что одежда связана с общественными различиями, с рангом и пр. Связь одежды с украшением действительно существует, но прежде всего просто потому, что то и другое надевается на тело. Одежда действительно принимает элементы украшения, но не наоборот. Различия общественного положения влияют на одежду, но этот момент входит в историю одежды значительно позднее. Сюда же относится различие одежды девушки и замужней женщины. Тогда как у многих отсталых племен девушки ходят совершенно или почти совершенно нагими, замужние закрывают ту или иную часть своего тела. Такого происхождения обычай закрывать лицо у народов Востока, чадры или паранджи и пр. Совершенно исключительное явление представляет собой не получивший объяснения обычай туарегов в Северной Африке,

у которых лицо закрывают особой повязкой совершеннолетние мужчины, тогда как женщины никогда не закрывают своего лица. Выражение в одежде особых общественных отличий, ранга и пр. в виде, например, особой привилегии негрских вождей носить леопардовую шкуру, возникает еще позднее.

Общий вывод, который можно сделать из всех этих теорий, равно как и из фактического материала, сводится к следующему. Прежде всего, в теплом климате одежда возникает сравнительно поздно: многие достаточно развитые негрские народности так, в сущности, и не знали одежды до того, как она насильственно не была им навязана европейскими миссионерами-колонизаторами во имя «спасения души чернокожих». Элементарным источником возникновения одежды является, конечно, защита тела от атмосферных влияний и явлений, если в иных случаях человек в тех же целях не прибегает к другим средствам. Наконец, в ряде случаев одежда имеет и другие источники, приводящие и присоединяющиеся в процессе развития общества и развития самой одежды.

Материал, идущий на одежду, достаточно разнообразен и во многом зависит от местных условий. Поэтому вся Океания, не знающая крупных животных, не знала и одежды из шкур или кожи. Прimitивным материалом для одежды служат, помимо шкур, листья, солома, тростник, птичьи шкурки. Рыболовный костюм из рыбьих пузырей у арктических народов является, пожалуй, первой промысловой одеждой. Весьма широко распространено употребление для одежды так называемой тапы, материи из древесной коры. О выделке ее мы скажем ниже. Наконец, на позднейших этапах распространяется использование для одежды растительного волокна и шерсти.

Очень трудно свести одежду к ее основным и наиболее ранним элементам, но таковыми, очевидно, являются пояс, плащ, передник и юбка; последняя оказывается одеждой не только женщин, но и мужчин. Разновидностью плаща является так называемый пончо — четырехугольный кусок материи с дырой посередине, одеваемый через голову, типичный для южноамериканских индейцев, но распространенный и в Полинезии (из тапы) и Индонезии (из шкур). Иной разновидностью плаща является по своему происхождению кавказская бурка.

В своей простейшей форме она восходит к шкуре животного, которая накидывалась на плечи. Замечательным образом развившись, бурка стала нарядностью целесообразным одеянием всадника, укрывающим как человека, так и его коня. Аналогии бурки известны и у некоторых других народов. Рукава и штаны были начально самостоятельными видами одежды, а последние соединились довольно поздно, о чем говорит выражение «пара брюк». Наконец, повидимому весьма поздним элементом одежды является рубашка. Разделения на нижнюю и верхнюю одежду первобытность, пожалуй, вовсе не знала. Как указывают находки костяных иглол в памятниках позднего палеолита, шитье одежды составляет весьма древнее достижение человечества. Меньшее, чем одежда, распространение в первобытную эпоху имела обувь. Многие представители современного отсталого человечества ходили и ходят босиком. Обувь возникла скорее в особых местных условиях: в холодном климате, либо в условиях каменистой почвы. Материалом для обуви служит обычно шкура или кожа. Таковы знаменитые *мокасины* североамериканских индейцев, *торбасы* арктических народностей и пр. Реже и ограниченнее по своему географическому распространению использование для обуви дерева, лыка, войлока и шерсти.

Что действительно возникало в некоторых местностях первоначально именно как украшение, так это головной убор, о чем в известной мере свидетельствует само это выражение. Очень многие отсталые племена совершенно не знают никакого головного убора, хотя носят иные украшения на голове. Многие туземные жители тропиков нисколько не нуждаются в защите головы от солнца, и негры, например, с бритой головой остаются часами под палящим зноем полуденного солнцепека. Впрочем, в суровом климате головной убор составляет неотъемлемую часть одежды. У некоторых племен защитой от солнца и дождя служит обильная шевелюра. Особое развитие получает у некоторых народностей женский головной убор, своеобразный для каждого отдельного племени, даже каждого селения: таким образом, он может служить отчетливым племенным отличием. Развиваясь, головной убор сливается с украшением головы, чтобы впоследствии вновь приобрести некоторую самостоятельность.

Говоря об одежде, вспомним и о некоторых аксессуарах костюма, знакомых уже первобытности. Преобразование зонтика является большой древесный лист. Весьма архаичен и самый зонтик. Многие народности знают и нечто вроде козырька для защиты глаз от солнечного света. Столь же архаичен веер. Родина его вовсе не Китай, как это обыкновенно считается. Он широко распространен у многих племен и народностей Африки и Океании, во всем разнообразии форм и материала. Употребляется веер как для обвевания, так и для того, чтобы отгонять мух; такой веер распространен в особенности у негрских народностей. С той же целью в ходу у различных народностей хвосты животных и, наконец, куски материи. Здесь зародыш нашего носового платка, первоначальным назначением которого было вовсе не уход за носом, а именно борьба с мухами.

Перейдем теперь к первобытному домашнему хозяйству. Начнем с его основы — кухни в широком смысле этого слова.

Не приходится говорить, что и растительная пища, и мясо, и рыба употреблялись первобытным человеком в сыром виде, как это делают и сейчас многие племена: Высказывавшееся предположение, что первобытный человек не ел сырой рыбы потому, что рыба в сыром виде не усваивается, оказывается неверным. Сырую рыбу в свежем виде, не говоря о мороженой или вяленой, едят многие народности, в частности обитатели Севера.

Но с того момента, как человек овладел огнем, началось жаренье или печенье как животной, так и растительной пищи. Наиболее примитивно жаренье или печенье непосредственно на огне костра, на угольях, в горячей золе, либо на раскаленных в огне камнях. Очень архаично жаренье на вертеле. Примитивной печью была яма, обложенная камнями. Широко распространенный в этнографической кулинарии способ приготовления жаркого состоит в следующем. Из цельной туши животного вынимаются внутренности, она начиняется раскаленными камнями, кладется в вытопленную яму-печь и засыпается землей. Через один-два часа жаркое готово. Из испеченных корнеплодов или клубневых делается каша или пекутся лепешки. / Повидимому, зерна злаков первоначально употреблялись в пищу жареными и лишь впо-

следствии стали растираться в муку, из которой делалась каша и пеклись лепешки — первый печеный хлеб. Каша из растертых хлебных зерен надолго остается широко распространенным обычным блюдом. Квашеное тесто и кислый хлеб — значительно более позднее изобретение.

Гораздо позже, чем жаренье и печенье, возникла варка пищи. В отдельных местностях могла стать известной варка в природных горячих ключах. Так поступали, например, новозеландцы, опуская рыбу в сетке в кипящую воду ключа. Но это — чисто местное явление. Ряд отсталых племен, австралийцы, да и более развитые, не имели понятия не только о варке, но даже о кипящей воде. Вряд ли могла иметь большое распространение практиковавшаяся местами варка мяса в яме, обложенной шкурами, куда наливалась вода и бросались раскаленные камни. Гораздо более распространенной была и надолго сохранялась варка в непроницаемых плетеных либо деревянных сосудах, точно так же при помощи раскаленных камней. Настоящая варка с кипячением воды на огне возникает лишь с изобретением глиняной посуды. Варка пищи оказала большое влияние на развитие человеческого организма, значительно сократив и облегчив процесс пищеварения.

С возникновением варки первобытная кулинария делает значительный шаг вперед: возникают смешанные блюда. С этого момента кулинария быстро развивается, и поваренная книга первобытности могла бы составить весьма солидный том.

Довольно рано появляются различные способы консервирования скоропортящихся продуктов путем сушки, вяления, копчения, замораживания и пр. Большими специалистами по этой части являются народности Севера, которым здесь приходится на помощь холод. Широко распространено у многих народностей приготовление самых разнообразных колбас. Замечательным изобретением североамериканских индейцев является пеммикан — паста из мясного порошка, смешанного с растопленным жиром и сдобренного соком кислых ягод. Изготавливается пеммикан и из сушеной рыбы. Сохраняясь в прессованном виде в плетеных корзинках, пеммикан служил запасом пищи главным образом в длительных путешествиях и военных походах.

Готовят пищу в зависимости от климата и сезона либо в жилом помещении, либо на открытом воздухе, причем последнее предпочитается. В Меланезии иногда целое селение имеет одно место для приготовления пищи. На случай дождя такая «кухня» устраивается под навесом. У живущих совместно больших родственных групп пища готовится коллективно женщинами для всей группы на одном очаге. В «длинных домах» ирокезов в древние времена имелся один очаг на весь дом, позже — несколько очагов, расположенных в ряд посередине дома.

Уже у самых отсталых племен существует известная регулярность в приеме пищи. Австралийцы едят обычно два раза в день: утром и вечером — после сбора женщинами растительной пищи и возвращения мужчин с охоты. Более развитые племена и народности едят обычно три раза в день. То, что называется застольными обычаями, первоначально далеко не отличается утонченностью. Едят, конечно, руками. Берут большой кусок мяса в зубы и отрезают ножом у самого рта. Развитые племена и народности едят более культурным образом. Иные застольные обычаи крайне разнообразны и нередко своеобразны. Обычно каждый ест отдельно в своей посуде. Большой частью отдельно едят муж и жена. Ранней посудой служили соответствующие предметы, находимые в готовом виде: раковина, скорлупа кокосового ореха, ствол бамбука и пр. Далее возникает посуда, специально изготовленная, из разного материала, прежде всего из дерева, впоследствии глины и др. Основные виды первобытной столовой посуды: чашка или миска, ложка, нож, палочка. Вилка — изобретение позднее. Утварь и посуда для хранения и приготовления пищи отличаются бесконечным разнообразием. Широкое распространение на Севере имела посуда из бересты. Для жидкостей употреблялись у разных народов выдолбленный рог, бутылка из тыквы и пр. Весьма широко была распространена и большую роль играла плетеная посуда; она может быть настолько плотной, что совершенно непроницаема для жидкости. У скотоводческих народностей была в ходу кожаная посуда. К отдаленной древности, быть может еще более отдаленной, чем это относится к каменной зерноперке, восходит деревянная ступа для растирания корнеплодов или клубневых растений. Первобытная каменная

зернотерка, или «ручная мельница», представляет собой два камня — нижний, большой, плоский, с выемкой, и верхний, небольшой, овальный; последний приводится в движение просто руками, в более совершенной форме — вращается рукояткой.

Весьма преувеличено распространенное представление о «беззаботности» первобытного человека. «Беззаботным» он мог быть лишь в тех случаях или в таких условиях, когда пища была в изобилии. Но это бывало далеко не всегда. Приходилось переживать и голодовки, связанные в особенности с резкими сезонными изменениями. В наиболее отсталом своем состоянии человек не знал создания и хранения запасов, что все же объясняется не «беззаботностью», а условиями примитивного подвижного образа жизни. И все-таки забота о завтрашнем дне возникает довольно рано, и уже самые отсталые из современных племен, те же австралийцы, делают некоторые запасы растительной пищи.

Первобытный человек не ограничивался удовлетворением голода, не чужда ему была и потребность во вкусовых веществах, видимо столь же необходимых организму, как и пища. Широко распространена у многих отсталых племен привычка есть глину, каолин, мергель. С древнейших времен человек лакомился медом диких пчел, соком сахарного тростника и пр. Добывание меда диких пчел относится к примитивному собирательству и распространено уже у наиболее отсталых племен. Андаманцы имеют для этого даже специальное орудие — лопаточку, состоящую из деревянной палочки и раковины. О добычании дикого меда свидетельствует один любопытный позднепалеолитический рисунок. Более высокую ступень составляет форма, именовавшаяся у древних славян бортичеством (от слова «борть» — дыра, дупло): в лесу на деревьях расставлялись колоды для диких пчел и отсюда регулярно собирался мед и воск. Это «бортевое пчеловодство» распространено у многих племен и народностей. Наконец, в первобытности же возникло и пасечное пчеловодство, основанное на разведении прирученных пчел; такое развитое пчеловодство застали европейцы в Центральной Америке, в частности у племен майя.

Употребление соли в виде приправы необязательно для человека. Некоторые племена и народности, напри-

мер ведда, многие североамериканские индейцы и др., совершенно не употребляют соли, а эскимосы питают к ней даже отвращение. Большинство все же не может без нее обойтись, а для некоторых она является лакомством. Добывается соль из земли, из соленой воды и из золы растений. Издавна широкое распространение получили различные наркотики, употребляемые в виде напитка или жвачки. Список их достаточно велик. Это кустарник пичери у австралийцев,

Рис. 25. Добывание дикого меда. Капсийская культура. Восточная Испания

кава — у полинезийцев и отчасти индейцев, бетель — распространенная у многих народностей тропической зоны жвачка из ореха пальмы арека, смешанного с известью и завернутого в листья бетеля, и т. д. К первобытности же относится чай, пиво, квас, кумыс, мед, пальмовое вино и, вероятно, вино виноградное. К чести первобытного человека надо сказать, что напиваться допьяна не было в его обычае. То же самое относилось и к современным племенам и народностям до тех пор, пока они не подпали под развращающее влияние колонизации. Пьяный вызывал насмешки, а это в первобытном

обществе было вполне достаточной мерой предупреждения.

Далеко в первобытность уходит и куренье в различных видах и формах. Опиум из сока маковых коробочек, гашиш из конопли, равно как и другие менее распространенные курева, были известны в различных странах издревле. Табак, произраставший только в Америке, был в широком употреблении у ее туземцев с давних времен. В Северной Америке курили трубку, которая делалась из

различного материала, имела различные формы и размеры. Куренье играло здесь и церемониальную роль в междуродовых и междуплеменных отношениях. Выкурить «трубку мира» означало заключить союз мира и дружбы. Вошедшее во все языки мира слово «табак» происходит от индейского *tabago*, но это слово обозначает у индейцев вовсе не данное растение, а именно курительную трубку. В Центральной Америке курили свернутые листья табака — *zicál* или *zicag* на языке племен майя,— откуда опять-таки вошедшее во все языки слово «сигара». В Южной Америке было распространено главным образом нюханье табака. Наконец, в разных местах Америки практиковалось и жевание. Стоит отметить и подчеркнуть, что табак курили в древнейшей Америке только мужчины.

Общий подъем производительных сил и развитие основных отраслей производительной деятельности создают условия для развития домашнего ремесла. В значительной мере развитие того или иного ремесла зависит от местных условий и наличия соответствующего сырья. Наиболее ранними и наиболее универсальными домашними производствами являются, не говоря о различных видах обработки дерева, обработка шкур и выработка кожи, изготовление войлока, обработка древесной коры и плетение.

Наиболее примитивные способы обработки шкур — скобление, выколачивание, вымачивание и пр. Эти приемы известны всем современным наиболее отсталым племенам. К весьма ранним приемам принадлежит и натирание шкуры жиром. Значительно позднее возникает дубление; первым дубильным средством служит человеческая моча. Выработанная шкура и кожа дают материал для самых разнообразных изделий, приготовление которых в свою очередь развивается в особые отрасли домашнего производства.

Свойство шерсти животного сваливаться могло привести к изобретению производства войлока путем нарочитого валяния и прессования полос стриженной шерсти. Войлок мягок, прочен и сравнительно непроницаем для воздуха и влаги, почему стал материалом для разнообразных изделий, в частности для одежды, покрытия для жилища кочевника и пр. Войлок, или по-восточному «кошма», изготавливается из шерсти преимущественно овец и верблю-

дов. В качестве выдающихся мастеров войлока были издавна известны тибетцы, чьи войлочные изделия из шерсти яка достигают тонины вуали. Интересно, что народы, занимавшиеся изготовлением войлока, не знали, по крайней мере в прошлом, прядения и ткачества из шерсти.

Древесная кора служит материалом для выработки упомянутой выше тапы (слово это — таитянского). Производственный процесс состоит в очистке коры, вымачивании ее в воде и выколачивании куском дерева, превращающимся затем в специальный молоток. У некоторых племен и народностей, в особенности у полинезийцев и негров, производство тапы достигло замечательного совершенства: на ней выбиваются узоры, она окрашивается и пр.

Плетение было известно, как мы знаем, уже тасманийцам. (Материалом служат стебли, волос, волокно, гибкие прутья, полоски кожи и пр.) Плетеные изделия, известные этнографическому миру, крайне разнообразны. Это — веревки, сумки, корзины, сети, циновки, сосуды, пояса, плащи, обувь, головные уборы и т. д. Плетение из волокна дает начало возникновению прядения. Последнее производится первоначально вручную, но уже рано было изобретено веретено с надевавшимся на него для ускорения его вращения колечком — пряслицем из камня или глины, развившееся уже в первобытную эпоху в сложную прялку. Наконец, плетение и прядение дают начало ткачеству на примитивных вертикальном и горизонтальном станках. Материалами для прядения и ткачества служили лен, конопля, хлопок, шерсть и шелк. Возможно, что лен, конопля и хлопок разводились сначала только для добытия масла и лишь позже стали культивироваться в технических целях. Прядение из шерсти принадлежит к числу поздних для первобытности производств. Льняные, конопляные и хлопковые изделия у многих племен и народностей достигают весьма высокого совершенства. Наконец, уже в первобытности практиковались не только сплошное окрашивание пряжи и готового материала, но и разные способы набойки.

Возникновение гончарства, или керамики (греч. *keramos* — «глина»), имело крупное хозяйственное значение. Не следует все же преувеличивать его роль в истории первобытной культуры. Прежде всего, оно не

универсально и не могло ни возникнуть, ни развиться в тех районах, где не имелось глины, например во всей Полинезии, в Арктике. Таким образом, развитие культуры у некоторых народностей дошло до довольно высокого уровня и без гончарства. Не следует также относить возникновение гончарства к слишком позднему времени. Археологически оно датируется культурой «раковинных куч». Помимо названных районов, гончарство оставалось неизвестным из числа современных племен и народностей только самым отсталым: австралийцам, огнеземельцам, немногим индейцам Бразилии и др.

Выведенная в XVIII в. и до сих пор довольно прочно державшаяся догадка, что изготовление глиняных горшков возникло из обмазывания глиной плетеных сосудов, обобщает явление очевидно только местное и эпизодическое. Этнография знает и другие весьма примитивные способы изготовления гончарной посуды: в куске глины выдавливается углубление, кусок этот слегка формируется руками, обжигается — и сосуд готов. Андаманцы поступают несколько иначе, но не менее примитивно: из глиняного полушария раковиной вынимается внутренность. Не намного дальше ушла ручная внутренняя или внешняя формовка по какой-либо естественной модели. Весьма архаична и так называемая ленточная или жгутовая техника, называемая также способом налепа: изготавливаются из глины цилиндрические жгуты толщиной примерно в 3—4 см и длиной до 40—50 см, которые накладываются на форму по спирали и при наложении сдавливаются, так что превращаются в ленту; в результате получается грубый глиняный сосуд. Раз возникнув, гончарство прогрессирует в различных отношениях: со стороны и материала, и формовки, и обжига. Поздним изобретением является глазурь, преодолевающая пористость глины. Наконец, весьма поздно, видимо, только в классовом обществе, возник нехитрый прибор, именуемый гончарным кругом, придающий путем вращения рукой правильную форму сосуду.

Значение гончарства в основном состояло в том, что оно, как уже упоминалось, сделало возможным совершенную варку пищи и лучшее сохранение жидкостей. Развиваясь, гончарство, или керамика, получило и многообразное иное применение, сослужив немаловажную службу и в развитии изобразительного искусства.

Заканчивая обзор развития хозяйства в первобытном обществе, возвратимся еще раз к вопросу о разделении труда между полами. Мы уже говорили о разделении труда по отраслям производительной деятельности, о том, как разделялся труд мужчины и женщины в собирательстве, охоте, рыболовстве, земледелии и скотоводстве. Развитие домашнего хозяйства делает его отдельной, в известном смысле производной, но все же особой и самостоятельной отраслью производительной деятельности. Домашнее хозяйство стало уделом женщины. Но это — далеко не сразу. Целый ряд видов домашней деятельности — гончарство, ткачество, даже шитье одежды, даже готовка пищи — составляет у отдельных племен и народностей нередко дело как женщин, так и мужчин, а иногда только мужчин. Лишь в дальнейшем своем развитии домашнее хозяйство становится почти целиком делом женщины, женщина становится преимущественно домашней хозяйкой.

Остановимся теперь на другой теме — поселениях первобытного человека. О ранних формах поселений — сначала временных, а затем более длительных стоянках, о выборе мест для них преимущественно по берегам рек, озер или морей и предпочтении в таких случаях открытых мест — уже говорилось. Выбор места для стоянки у кочевых племен и народностей — весьма серьезное дело, и удобные места стоянок сохраняются из поколения в поколение.

Уже у наиболее отсталых племен самое расположение стоянки или лагеря имеет далеко не случайный характер. Стоянки австралийцев располагаются обычно полукругом, образуемым несколькими десятками поставленных с небольшими промежутками ветровых заслонов с кострами. Каждый член группы имеет свое обычное место. С возникновением постоянных поселений они, естественно, обосновываются на наиболее удобных, испытанных и ставших привычными местах стоянок. И здесь, какими бы хаотичными такие поселения нам иногда ни казались, они всегда обнаруживают известный порядок и организованность. С развитием между отдельными первобытными группами враждебных отношений и столкновений, о чем нам придется еще говорить, напряженную заботу человека вызывает устройство искусственной защиты селения. Этим

объясняется то, что селения очень часто имеют общие округлые очертания. Такой вид имели селения многих индейских племен. Характерным образцом такого типа селений является так называемый крааль (португ. *cigral* — «круг») — селение скотоводов Южной и Восточной Америки, в котором хижины образуют замкнутый круг, обнесенный еще и изгородью, внутреннее пространство которого предназначается для скота.

Поселения особого типа состоят из свайных построек, о которых нам уже приходилось говорить. Свайные поселки существуют и сейчас у туземцев Индонезии, Меланезии, на Новой Гвинее, в Венецуэле и Флориде. Первобытное свайное поселение в Альпенке на Цюрихском озере занимало площадь в 40 тыс. м². Такое же крупное свайное поселение застал Колумб на Караибском море, откуда и возникшее тогда название — Венецуэла — «маленькая Венеция». Оригинальной разновидностью данного типа являются древние поселки севера Италии — *терра мары* (итал. *terra* — «земля» и *mare* — «море») — свайные сооружения на суше с проведенными каналами.

Не менее оригинальны так называемые *пуэбло* (исп. *pueblo* — «селение») — древние поселения особой ветви североамериканских индейцев, сохранившиеся сейчас большей частью в развалинах на юго-западе США и на севере Мексики. Это — своеобразные комплексы помещений, сооруженных из камня и кирпича, составляющие как бы один дом-селение. Вход в отдельные помещения сверху — с крыши, к которой ведут приставные лестницы. Как мы уже говорили, в Индонезии, Меланезии и пр. встречаются селения, состоящие из одного длинного дома.

От первобытных селений перейдем к путям сообщения и транспорту первобытности. Мы знаем уже, что даже в самую раннюю эпоху перекочевкам человека была свойственна известная регулярность. При этом человек следовал определенными путями, нередко используя, как это делают и сейчас отсталые племена, тропинки, протоптанные дикими стадными животными. Это обстоятельство связано и с охотой на тех же животных. С развитием междугруппового общения создаются привычные пути сообщения между селениями. Издавна большую роль играют водные пути, если же путь идет посуху,

то предпочтительно вдоль водных путей. Продолжительное пользование такими путями приводит к изменениям в растительности, сохраняются и иные следы пребывания человека на этих путях, в том числе и нарочито сделанные знаки. Так уже первобытным человеком создавались по всему лицу земли наиболее удобные пути сообщения. Неудивительно, что при колонизации отсталых стран именно по этим первобытным путям прокладывались шоссейные и железные дороги.

На протяжении почти всей первобытной эпохи сам человек передвигался только пешком. Очевидно, чисто первобытной является та манера идти «цепочкой», которая свойственна и современным отсталым племенам. Это объясняется и условиями пути и возможностью нападения хищного зверя или врага. В начальные времена при перекочевках, как это принято у отсталых племен, мужчины шли впереди с оружием в руках, в любую минуту готовые к защите своих близких, женщины следовали за ними, неся на себе грудных детей и пожитки — свернутое жилище, нехитрую утварь и пр.

Наиболее простым средством переноски вещей была, весьма вероятно, палка. Так, положив палку на плечи и привязав к ней добычу, возвращаются попарно охотники у некоторых современных племен. Нехитрым средством транспорта является в о л о к у ш а, древнерусское в о з и л а — два расходящиеся шеста, соединенные перекладиной. Возможно, что изобретение волокуши было подсказано тасканием за собой шестов от палатки. На шесты накладывался свернутый верх палатки, а на него сажались маленькие дети; тут же помещался и домашний скарб. Волокуша была широко распространена у североамериканских индейцев, причем у некоторых племен тяговой силой служила собака. Собака и является по всем видимостям первым ездовым животным. О громадной роли, которую сыграла собака в истории народов Севера и в освоении ими арктических пустынь, говорить не приходится. Если не считать собаки, которая используется для транспорта сравнительно немногими народностями, использование в этих целях животного остается все же ограниченным: вся доколумбова Америка, за исключением древнего Перу, где для этой цели могла служить лама, вся туземная Экваториальная Африка, вся

Океания и значительная часть Азии, не говоря об Австралии, вьючных и упряжных животных не знали в первобытную эпоху или не знают и сейчас. У более развитых народностей под вьюк и в упряжку стали использоваться в различных странах бык, верблюд, олень, осел, коза, слон и лошадь. Верховая езда возникла очень поздно. К числу весьма поздних изобретений первобытности при-

Рис. 26. Мост из ллан во Французской Западной Африке

надлежит и колесная повозка. Колесо встречается лишь в позднем неолите, да и то в примитивном виде — в виде цельного деревянного круга. Оно осталось совершенно неизвестным всей доколумбовой Америке, как не знали его и очень многие отсталые племена и народности. Первоначально колеса неподвижно насаживались на вращающуюся ось и лишь затем сами колеса стали вращающимися. Колесо со спицами — еще более позднего происхождения. Для зимнего транспорта служили сани самой разнообразной конструкции. Особая форма их — тобоган канадских индейцев, основу которого составляет загнутая спереди доска. К глубокой древности относятся

и лыжи, также самых разнообразных типов. Наконец знала первобытность и коньки, изготовлявшиеся из кости. Такие коньки найдены в памятниках бронзового века, известны они были издавна эскимосам и некоторым североамериканским индейцам.

От сухопутного транспорта перейдем к водному. Предком лодки могло быть вырванное напором воды или силой ветра плывущее по воде дерево. Таким способом передвижения пользуются даже некоторые животные, в частности обезьяны. Два или несколько стволов, связанных вместе, образовали плот, ставший широко распространенным пловучим средством. Из древесного же ствола, но в качестве более позднего изобретения, развился челнок-однодеревка, распространенность которого стала почти универсальной. Очень архаична и лодка из коры, но до дощатой лодки не дошли ни американские индейцы, ни громадное большинство негров. Изобретением эскимосов является кожаная лодка — как мужчин и ум как женщин. Чисто местное изобретение составляет надутый мех в качестве пловучего средства. Только у народов Океании искусство изготовления лодок наряду с развитием мореплавания дошло до очень высокого уровня. Изобретением района Тихого океана является лодка с балансиром — бревном, прикрепленным на некотором расстоянии вдоль лодки для придания ей устойчивости. Возможно, что первоначально для этой цели соединялись две лодки, затем одна из них была заменена бревном. Первобытности же принадлежит изобретение паруса, изготовлявшегося сначала путем плетения из растительного материала, затем из ткани.

Сваленное ветром или подмытое водой дерево, лежащее на обоих берегах реки, послужило первым мостом. Чтобы создать такой мост искусственно, надо было подрубить растущее на берегу дерево так, чтобы оно упало верхушкой на другой берег. Этот прием и практикуется сейчас некоторыми племенами. В свою очередь цепкие лианы, протянувшиеся от одного берега реки до другого, могли дать мысль сделать из них висячий мост. Такие мосты из лиан, достигающие большого совершенства, встречаются сейчас у туземных обитателей тропических стран. Замечательные висячие мосты из бамбуковых стволов сооружают малайцы.

Глава шестая

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Вопрос о возникновении рода. Дуальная организация и фратрии. Экзогамия и групповой брак. Возникновение матриархата. Парный брак и пережитки группового брака. Заключение брака и развод. Материнская семья и материнский род. Патриархат. Переход от матриархата к патриархату. Возникновение моногамии. Похищение женщин. Свадьба. Большая патриархальная семья. Патронимия. Патриархальный род. Междуплеменные отношения. Гостеприимство. Возникновение обмена

Мощный подъем производительных сил, получивший столь яркое выражение на ориньяко-солотрейской стадии, ознаменовался и глубоким преобразованием первобытного общества. Развитие производительных сил обусловило и потребовало прочного и постоянного, тесно спаянного производственного коллектива, который одновременно обеспечивал бы непрерывность хозяйства, преемственность опыта и навыков. Наступившая теперь известная обеспеченность человека средствами существования создала и возможность возникновения такого постоянного коллектива. Форму и связь, объединившую этот коллектив, дало естественное родство. Возник род, или родовая община. Родственная связь на данной стадии развития общества являлась единственно возможной и вместе с тем исключительно прочной силой, крепко спаивающей как весь производственный коллектив в целом, так и отдельных его членов. Пока родовой строй существовал, нарушение родового единства, в частности выход

из рода, было невозможно. Это единство вело к глубокой родовой солидарности и дисциплине.

Вопрос о том, как возник род, не поддается приемлемому объяснению. Мы знаем только, что родовое общество уже в самом раннем своем состоянии имело особую структуру, представлявшую собой два рода, связанные между собой в различных отношениях и составлявшие вместе одно племя в его зародышевом виде. Классическим примером такой структуры является разделение одного австралийского племени на две «половины» или на два «брачных класса» — кроки и кумите. Эта структура раннего родового общества получила название *дуальной организации*. Она известна и у других племен Австралии. Более сложная структура, обнаруженная у многих племен разных стран, сводится к тому, что племя распадается тоже на две «половины», а каждая из них состоит из двух подразделений — родов. Еще более сложную структуру, представляющую собой, судя по ряду данных, следующую ступень развития этой дуальной организации, составляет деление племени на две «половины», каждая из которых состоит из четырех родов. Эти две последние формы раннеплеменной структуры получили название системы *фратрий* (греч. *fratria* — «братство»; так именовались архаические общественные деления, сохранявшиеся в древней Греции).

Классический образец развитой фратриальной организации дает индейское племя сенека-ирокезов: оно распадалось на две фратрии, каждая из которых состояла из четырех родов. Фратрии и роды носили особые названия, а именно:

	Фратрия Медведь	Фратрия Олень
Роды:	1. Медведь	1. Олень
	2. Волк	2. Кулик
	3. Бобр	3. Цапля
	4. Черепаша	4. Ястреб

Предание сенека-ирокезов говорит о том, что Медведь и Олень были двумя начальными родами, остальные же возникли в результате их разделения. Об этом говорит и наименование фратрий, совпадающее с названием первого рода каждой фратрии. Каково происхождение и значение этих названий,— будет объяснено ниже.

Таким же образом многочисленные другие примеры могут засвидетельствовать, что начальное деление на две половины, или два рода, развивается во фратриальную систему, в которой каждая фратрия состоит из двух, четырех и т. д., во всяком случае, четного числа родов. Конечно, у современных племен и народностей эта первобытная организация если и сохраняется, то уже утратила такую целостность и отчетливость. Отдельные роды вымерли или смешались с другими и потому одна или обе фратрии состоят уже из неодинакового и нечетного числа родов. С дальнейшим развитием родового строя это примитивное дуальное, или фратриальное, разделение отмирает, и тогда племя состоит просто из большего или меньшего числа родов. Но пережитки или следы этой начальной структуры замечательным образом сохраняются надолго, отражаясь в исторической традиции многих развитых народов. Таковы предания о разделении древнего Египта на две «страны» и сорок номов (родов), по двадцать в каждой «стране», о разделении древних евреев на двенадцать «колен» («коленом», или «поколением», часто именуется род), древних афинян — на четыре филы, состоявших каждая из четного числа родов, и т. д. Та же традиция отражена, повидимому, и в распространенных у многих народов легендарных генеалогиях, в которых происхождение данного народа ведется от двух или четырех братьев, брата и сестры, трех братьев и одной сестры и пр.

Возникновение родового строя в форме дуальной организации теснейшим образом связано с новым этапом в развитии брака. Если мы вспомним, брак уже в самом раннем периоде, развиваясь от начального промискуитета, испытал одно ограничение: из брачного общения были исключены восходящие и нисходящие поколения. Существеннейшую и важнейшую черту дуальной организации составляет порядок, по которому при ранней и простейшей ее форме люди данной «половины» не могут вступать в брак между собой, а могут и даже должны вступать в брак не иначе, как с членами другой, противоположной «половины», иначе говоря, муж и жена должны всегда принадлежать к разным «половинам» племени. Так именно обстояло дело у вышеупомянутого австралийского племени, у которого «кроки» и «кумите» являлись постоянными взаимобрачующимися группами. При более раз-

витой, фратриальной форме дуальной организации описанный брачный порядок сохраняется и выражается в том, что люди одной фратрии или данного рода этой фратрии не могут вступать в брак между собой, а могут или даже должны вступать в брак не иначе как с членами другой, противоположной фратрии, иначе говоря, и здесь муж и жена должны принадлежать к разным фратриям, в частности к одному из родов этих противоположных фратрий. Итак, одна фратрия (или один из родов этой фратрии) была, как это выражается терминологией некоторых племен, по отношению к другой фратрии (или другому роду этой фратрии) «фратрией (или родом) матерей», а другая — «фратрией (или родом) отцов».

Весь описанный брачный порядок получил название *экзогамии* (греч. *éxo* — «вне» и *gamos* — «брак»), а та черта данного порядка, по которой брак заключается всегда между двумя половинами племени, фратриями или двумя родами этих двух фратрий, дала основание назвать этот порядок *дуальной экзогамией*. С другой стороны, как можно видеть, при описанном порядке брак всегда заключается не иначе, как внутри или в пределах данного племени. Это начало именуется *эндогамией* (греч. *éndon* — «внутри»).

То экзогамное начало, по которому в брак не могут вступать члены одной «половины» или одного рода, исключает возможность брака между братьями и сестрами как родными, так и боковыми (по материнской линии), — новое и важнейшее ограничение брака, присоединяющееся к уже существующему, а именно: исключению из брачного общения старших и младших поколений.

Сам по себе брак на данной стадии, очевидно, представлял собой еще лишь случайное, эпизодическое соединение мужчины и женщины. Поскольку здесь целая группа мужчин, т. е. все мужчины одной половины (фратрии, рода), могла быть эпизодически мужьями целой группы женщин, т. е. всех женщин другой половины (фратрии, рода), эта историческая форма брака была названа *групповым браком*. Указанный характер брака данной стадии, в частности характер группового брака, предопределяет то, что отец остается совершенно неизвестным, а известна только мать. Надо сказать к тому же, что первобытный человек данной эпохи не мог еще иметь

понятия о связи между половым общением и рождением ребенка. Некоторые австралийские и меланезийские племена обнаруживали полное неведение в этом вопросе и как зачатие, так и рождение объясняли иным, фантастическим образом.

При таких условиях, при том, что отец всегда принадлежит к другой, чем мать, группе, т. е. к другому хозяйственному коллективу, что во всяком случае отцовство в общественном смысле не осознается и никакой в этом отношении роли не играет,— вся дуальная система, т. е. половины или фратрии и роды, группируется вокруг женщин-матерей, каждая такая группа состоит из потомков женщины и родство идет по женской, а не по мужской линии. Таким образом род возник как материнский род и вместе с тем возникла та фаза в развитии родового общества, которая именуется *м а т р и а р х а т о м* (греч. *máter* или *méter* — «мать» и *arché* — «начало», «власть»).

То обстоятельство, что родовое общество первоначально строилось по материнской, а не по отцовской линии и что начально возник матриархат, определяется не только указанными причинами, т. е. неизвестностью отца и пр., но имеет и гораздо более глубокие корни и основания. Таковы характер общественного разделения труда между полами и та хозяйственная роль, которую играет женщина на данной стадии развития общества.

Буржуазная наука создала вымышленную конструкцию, по которой развитие первобытного человечества шло двумя путями: одни племена и народности, притом только земледельческие, прошли через фазу матриархата и остались отсталыми, другие, скотоводческие, к которым обязательно относят так называемые «арийские» народы, никогда этой фазы не проходили, матриархата не знали, пошли по пути патриархального строя, возвысились до создания государства и пр. Эта нелепая теория «неарийского матриархата», как и проводимое здесь деление на исконно земледельческие и скотоводческие народы, грубо противоречит всем фактическим данным.

В действительности матриархат является универсально-исторической стадией развития всего человечества. Но матриархат обладает громадной хронологической протяженностью: он соответствует археологическим периодам позднего палеолита и раннего, а равно развитого неолита.

С другой стороны, с географической точки зрения, матриархат относится ко всей ныне обитаемой поверхности земного шара во всем ее разнообразии. Все это обуславливает то обстоятельство, что развитие матриархата в различные эпохи в различных конкретных обществах было неодинаковым и весьма неравномерным. Это одновременно относится и к развитию самого родового строя в целом. Поэтому одни матриархально-родовые общества могли и должны были остаться лишь весьма малоразвитыми, другие — дойти до высокоразвитых форм. В основе того или иного развития матриархата лежало развитие производительных сил и развитие хозяйства. Особое, но отнюдь не единственное значение имели здесь те или иные, отсталые или более развитые, отрасли производительной деятельности.

В результате, различные известные истории и этнографии матриархальные общества представляют картину большого разнообразия их хозяйственного и общественного развития. Это дает основание и делает необходимым различать во всяком случае ранний и развитый матриархат.

Ранний матриархат археологически соответствует позднему палеолиту и раннему неолиту. Он характеризуется в области хозяйства собирательством, охотой и примитивным рыболовством, причем труд разделен между полами так, что собирательство принадлежит преимущественно женщине, охота — преимущественно мужчине, рыболовство же в его различных видах разделено между обоими полами. В области общественной ранний матриархат характеризуется в особенности равноправным положением женщины и мужчины. Наши представления об этой ранней стадии матриархата весьма недостаточны, поскольку археологические показания, сюда относящиеся, весьма ограничены, а живых образцов такого неприкосновенно сохранившегося строя уже не существовало в том прошлом, которое было доступно этнографии. Если же такие общества в то время сохранялись, то они испытали разрушающее влияние других, более развитых обществ. Таким образом, лишь весьма условно этнографический пример раннего матриархата можно видеть в австралийцах в том их прошлом, когда их общественный строй не был совершенно искажен европейской колонизацией. Другими

примерами раннего матриархата могут служить в их прошлом негрские племена Конго, некоторые индейские племена Южной Америки и др.

Развитый матриархат археологически соответствует развитому неолиту, заходя и в поздний неолит. В области хозяйства он характеризуется в одних обществах мотыжным земледелием, в других — высокоразвитым рыболовством или морской охотой, в тех и других — разведением домашних животных (однако не всегда и не обязательно). Мотыжное земледелие является особо благоприятным условием для развития матриархата, давая женщине значительное место в общественном производстве; однако неправилен тот взгляд, по которому развитый матриархат связан якобы только с мотыжным земледелием.

Существовало повидимому немало народов, достигших высокоразвитого матриархального строя. Так, культура Египта архаического периода обнаруживает весьма яркие пережиточные следы матриархальных форм и отношений. Матриархальные пережитки сказываются и позже, в период Древнего и даже Среднего царства. Как самое наличие и стойкая сохранность этих пережитков, так и их характер говорят о существовании когда-то в долине Нила высокоразвитого матриархального общества. Со своей стороны этнография насчитывает длинный ряд обществ, сохранявших еще в сравнительно недавнем прошлом развитый матриархальный строй. Таковы, например, ирокезы и гуроны в Северной Америке, наяры в Индии, минангкабау на Суматре, ашанти в Африке и многие другие. Наконец, пережитки матриархата в том или ином их виде и состоянии представляют собой чрезвычайно широко распространенное явление, свойственное прошлому, иногда и настоящему, всех народов всего мира. Имеющийся, таким образом, обширный материал дает возможность представить общественный строй развитого матриархата более подробным образом.

Основную ячейку такого общества составляет выделенная в составе рода материнская семья. Это — довольно большая группа ближайших родственников по женской линии, состоящая из женщин и мужчин с потомством первых, в четырех-пяти поколениях. Численность такой семьи могла доходить до 200 и даже

300 человек. Развитый матриархат знаменуется переходом к новой форме брака: от группового к так называемому парному. Здесь в браке соединяется уже одна определенная пара, однако соединение это остается сравнительно недолговременным, непрочным и легко расторгимым. Более того, этот брак сначала не ведет к совместному поселению супругов, каждый из них остается жить в своей материнской семье (так называемое дислокальное поселение), и брачные отношения имеют форму визитов обычно мужа к жене, редко — наоборот. С развитием и упрочением парного брака муж переходит на жительство в семью жены (так называемое матрилокальное поселение). Однако, поскольку самый брак остается все же временным и поскольку супруги не образуют вместе особой хозяйственной ячейки, парный брак не имеет хозяйственного характера. Вместе с тем отец остается в значительной мере чужим своим детям, дети часто даже не знают, кто их отец.

Наряду с парным браком сохраняются порядки, обусловленные экзогамией, и пережитки группового брака. Это имеет различные формы, причем некоторые из них сохраняются надолго и оказываются широко распространенными. Начало дуально-экзогамного группового брака выражается, например, в том, что браки заключаются обычно между членами двух определенных родов и даже двух материнских семей. При таких условиях муж и жена оказываются двоюродными братом и сестрой, если считать по отцовской линии. Этот так называемый кросс-кузенный брак — самая распространенная, традиционная и обычная форма брака многих племен и народностей. Например, из 2000 обследованных браков индийского племени муриа оказалось 1799 кросс-кузенных. И у некоторых развитых народов считается, что кузены как бы предназначены друг другу в супруги. Другим пережитком группового брака и экзогамии является полиандрия (греч. *polūs* — «много» и *andres* — «мужья»), или многомужество, форма, правда, весьма редко встречающаяся. Таким же пережитком считается сорорат (лат. *sorog* — «сестра»), порядок, по которому один мужчина женится на двух или нескольких родных или двоюродных сестрах; в дальнейшем превращении сорорат выражается в том, что вдовец должен или может жениться

на сестре умершей жены, причем эта сестра может, а иногда и должна, если свободна, выйти за него замуж. Обратный порядок называется левиратом (лат. levir — «деверь», брат мужа): здесь вдова обязана или имеет право выйти за брата своего умершего мужа, а этот брат, если свободен, либо имеет право, либо обязан в таком случае жениться на ней. Оба эти порядка остаются широко распространенными пережитками.

Замечательной чертой брака при матриархате является то, что заключается он преимущественно по инициативе женщины, а не мужчины. Девушки при матриархате свободно сами выбирают себе мужа. «Лидийские женщины сами выбирают себе мужей», — сообщал Геродот. У одного из племен алгонкинов в старину девушка сама начинала свататься к понравившемуся ей молодому человеку через какое-либо третье лицо. Если результат был благоприятным, она начинала ежедневно приносить своему жениху пищу, делая это в течение примерно одного месяца. Затем, после несложных церемоний, мать невесты сооружала для нее отдельную хижину рядом со своей и муж переселялся к жене. Вообще заключение брака при матриархате бывает обставлено самой несложной обрядностью. Вместе с тем эта примитивная свадьба весьма оригинальна и выразительна. Так, у североамериканского племени чокта свадебный обряд состоял в следующем. Жениха и невесту помещали в двух отдельных смежных хижинах. Отмеривали расстояние в 200—300 м, в конце которого укреплялся шест. По данному сигналу выпускалась невеста, которая бежала во всю прыть по направлению к шесту. Немного спустя, когда невеста уже успевала пробежать часть пути, выпускался жених, который должен был догнать невесту до того, как она добежит до шеста. И от невесты зависело, дать или не дать жениху эту возможность. Хотя брак заключался с обязательного предварительного согласия девушки, ей все же предоставлялась тут возможность, добежав первой до места и не дав жениху догнать ее, выразить этим свой отказ от вступления в брак. Еще проще заключение брака у одного из меланезийских племен на острове Добу. Молодой человек начинает посещать девушку. Если они хотят закрепить эти отношения, то утром выходят и садятся вместе на цыновке

перед входом в хижину в присутствии матери девушки. Собирается народ и молча смотрит. К этим молчаливым «смотрим» и сводится вся церемония. Публика расходится и молодые начинают жить вместе.

Подобные примитивные формы «свадьбы», повидимому, являются выражением перехода к индивидуальному браку и вместе с тем дают место свободному волеизъявлению со стороны невесты.

Столь же несложен при парном браке и развод, который может произойти по желанию как мужа, так и жены. Если брак матрилокален, т. е. муж живет в семье жены, то в случае неудовольствия жены или ее родни мужу просто дают понять, чтобы он забрал свои личные пожитки и удалился, и ему остается только покорно это исполнить. При дислокальном браке дело еще проще: жена заявляет мужу, чтобы он прекратил свои посещения. Все же и развод получает некоторое публичное оформление. Так, у племени кхаси в северо-восточной Индии о состоявшемся разводе объявляет по селению особый глашатай. Он идет и кричит: «Слушайте, такие-то развелись. Эй, ты, молодой человек, ты можешь пойти и любить такую-то, а ты, девушка, можешь любить такого-то. Теперь нет помех!»

Материнская семья представляет собой тесно сплоченную хозяйственную ячейку, маленькую крепкую общинно-коммуну, живущую отдельным домом или целой усадьбой. Все имущество семьи, за исключением предметов чисто личных, — коллективно. На таких же строго коллективных началах основано производство и потребление. Во главе материнской семьи стоит старшая женщина. Она руководит всей трудовой деятельностью всех членов семьи. Под ее руководством готовится пища на всю семью на одном общем очаге, а если их несколько, то на очаге старшей. С развитием матриархата старшая приобретает и некоторую власть, оказывая влияние и на личную жизнь членов семьи, как женщин, так и мужчин, в частности, например, играет немаловажную роль при заключении брака. Отношения между супругами скорее товарищеские и, конечно, о каком-либо дурном обращении мужа со своей женой при матриархате и говорить не приходится, ибо достаточно мужу позволить себе что-либо подобное, чтобы брак был немедленно расторгнут, да еще мужу грозила месть со стороны родственников обиженной жены.

В развитом матриархате сказывается ряд черт его перерастания в такой строй, в котором господство принадлежит женщине за счет некоторого приниженного положения мужчины. Это сказывается и в хозяйственной, и в общественной области, получая яркое выражение в области идеологической. Так, если при дислокальном поселении женатый работает только на свою материнскую семью, то при матрилокальном ему приходится иногда работать «на два дома». Если в раннем матриархате рождение мальчиков и девочек встречается одинаково, то в развитом начинают предпочитаться девочки. Вообще как в семье, так и в общественных отношениях в развитом матриархате сказывается явное преобладание женщины.

Совокупность большего или меньшего числа материнских семей образует материнский род или материнскую родовую общину. И этот коллектив в ряде отношений представляет хозяйственное единство, которое здесь ограничивается преимущественно стороной производственной. В основе материнской родовой общины лежит совместное коллективное владение и пользование родовой общинной землей. Наиболее интенсивно эксплуатируемая земля, в частности пахотная, если род велик, наделена по семьям, в зависимости от численности каждой. Род образует отдельное селение или, если он велик, несколько смежных селений, либо поселков. Крупные работы, требующие соединения многих сил, например расчистка нового участка земли, выполняются всем родом коллективно. В отдельных случаях и иные земледельческие работы, вплоть до уборки урожая, производятся также коллективно, всем родом, а собранное делится по семьям, опять-таки в соответствии с их численностью. При этом часть урожая идет в общеродовой запас, служащий фондом на случай какого-либо бедствия или для помощи отдельным семьям, впадшим в нужду.

Во главе материнского рода стоит старшая женщина старшей в роде семьи. В своей деятельности она всегда считается с мнением других старших женщин рода, которые образуют некий родовой совет. Наконец, совокупность материнских родов, сохраняя деление на фратрии, образует племя. Последнее при развитом матриархате иногда также возглавляется женщиной.

Дальнейшее развитие производительных сил предопределяет переход к новой организации родового общества — патриархату (лат. pater — «отец»). Матриархат и патриархат составляют две последовательные универсально-исторические формы организации родового общества, два последовательные периода первобытной истории.

В основе перехода от матриархата к патриархату лежит, как сказано, рост производительных сил. Этот рост определил в первую очередь развитие хозяйства, что выразилось в переходе от мотыжного земледелия к плужному и от разведения домашних животных к скотоводству. Как мы видели, еще с развитием земледелия в его подсечно-огневой и мотыжной форме хозяйственное значение охоты стало падать, и мужчина, бывший преимущественно охотником, начал втягиваться в земледельческое производство. Это сделалось решающим фактом с переходом к плужному земледелию и скотоводству. Мужчина, которому в скотоводстве принадлежала господствующая роль, занял со своим скотом, используемым в качестве тяговой силы, такое же господствующее место и в земледелии. То же развитие производительных сил, в частности развитие земледелия и скотоводства, а также обмена, привело к тому, что выделилось в качестве особой отрасли производства домашнее хозяйство, которое стало преимущественной отраслью труда женщины. Так произошло глубокое изменение и в экономике семьи, новое разделение труда между полами.

Перестановка места мужчины и женщины в общественном производстве и в хозяйстве семьи, то обстоятельство, что женщина, игравшая прежде главную роль в земледелии, пока оно сохраняло мотыжную форму, оказалась преимущественно занятой в домашнем хозяйстве, а мужчина, занятой прежде охотой, сделал областями своей деятельности земледелие и скотоводство, составляет важнейший момент перехода от матриархата к патриархату. Диалектическая сущность этой перемены была выразительным образом подчеркнута Энгельсом. «Та самая причина, — писал Энгельс, — которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысло-

вым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком»¹.

Переход к плужному земледелию и скотоводству составляет широко распространенное и важнейшее основание перехода от матриархата к патриархату. Не следует, однако, считать, что этот переход происходил только на этих основаниях. В основе лежало развитие производительных сил вообще, независимо от тех или иных отраслей производительной деятельности. Этот переход происходил и в тех обществах, которые не знали ни земледелия, ни скотоводства. Он происходил и в обществах, у которых развилось и сделалось ведущей отраслью производительной деятельности рыболовство. Когда при особых обстоятельствах специфически развивалась охота, мужчина становился здесь главным производителем, и развитые охотничьи племена давали место развитию патриархата. Во всяком случае, переход от матриархата к патриархату отнюдь не был связан только со скотоводством, как это утверждают некоторые авторы. Матриархат и патриархат — две универсально-исторические стадии истории первобытного общества. Переход от одной стадии к другой совершался тогда, когда вслед за развитием техники и хозяйства менялось соотношение полов в производстве и преобладающее значение в нем приобретал мужчина. Можно только сказать, что скотоводство действительно особо благоприятствует развитию патриархата, однако только потому, что развитое скотоводство и само является по отношению к другим отраслям производительной деятельности первобытности более высокой формой, что переход к нему совпадает с мощным подъемом производительных сил, новым общественным разделением труда и рядом иных общественно-экономических явлений.

Как было сказано, матриархат в различных обществах, в конкретных исторических условиях, достигает большего или меньшего развития. В зависимости от тех же конкретных условий раньше или позже происходит переход от матриархата к патриархату. Мы, таким образом, вновь наблюдаем неравномерность и своеобразие развития отдельных обществ. Но, сверх того, большую роль в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 137—138.

истории первобытных обществ играли внешние воздействия, а именно, связанные с указанной неравномерностью развития влияния более развитых обществ на менее развитые. Такие влияния неминуемо ускоряли переход от матриархата к патриархату. При этом в малоразвитых обществах, например находящихся на стадии собирательства и охоты, с малоразвитым, нестойким родовым строем, переход этот, соединяясь с общим распадом, выливался в специфические формы, и вновь слагавшиеся здесь патриархальные формы и отношения имели особый, с самого начала распадный характер. Если говорить о современных отсталых племенах и народностях, то не приходится напоминать о том, какое разрушающее влияние имела в указанных отношениях европейская колонизация. Вот почему мы имеем крайне отсталые общества, например австралийцев, у которых матриархат, остававшийся малоразвитым, подвергся полному или почти полному разрушению и господствуют, в весьма специфической форме, патриархальные отношения.

Переход от матриархата к патриархату сопровождается появлением новых форм брака и семьи. Свойственное матриархату матрилокальное поселение вступает в непримиримое противоречие с тем хозяйственным и общественным положением, которое теперь начинает занимать мужчина. Тесно связанный ныне со своим семейным и родовым хозяйством, опираясь на свое новое общественное значение, мужчина ломает этот брачный порядок и берет жену к себе, в свою семью. Так совершается переход к патрилокальному поселению. Одновременно и самый брак переходит в новую, более высокую форму. Парный брак, недолговечный и непрочный, оказывается прямо противоречащим экономическому строю патриархата. В частности, развитие домашнего хозяйства требует прочного соединения супругов и прочного прикрепления жены к семье мужа. Возникает моногамия (греч. *monos* — «один» и *gamos* — «брак») — прочное соединение мужчины и женщины, вместе с их потомством. Наконец, глубокое превращение испытывает и самая семья, преобразующаяся в новую общественную ячейку — большую патриархальную семью.

Переход от матриархата к патриархату и, в частности, это превращение материнской семьи в патриархальную

представляют собой, однако, весьма сложный и длительный процесс, в котором стойко сохраняются пережитки матриархата и создаются особые переходные формы.

Прежде всего, материнский род и вместе с ним матрилинейный счет сохраняются с большой прочностью. Когда женщины с замужеством уходят в другую семью, в материнской семье остаются мужчины данного материнского рода. Более того, дети также принадлежат еще к своему материнскому роду, вследствие чего они, родившись в семье своего отца, по особому порядку раньше или позже уходят в семью и род своей матери, т. е. к своим дядям. При таких условиях семья этого переходного времени имеет оригинальный состав: она состоит из мужчин и их жен, но не детей, уходящих, как сказано, к своим дядям, но зато из возвращающихся в эту семью детей замужних женщин — племянников и племянниц. Естественным образом возглавляет такую семью старший мужчина. Но и выходящая замуж женщина далеко не сразу и не вполне отрывается от своей семьи и своего рода, наоборот, сохраняет с ним довольно тесную связь, в особенности в первые годы. Это выражается в частности в том, что замужняя женщина время от времени возвращается на некоторый срок в свою семью; нередко роды должны обязательно происходить в родной семье женщины, и она именно в этой связи возвращается домой, причем и после родов остается на некоторое время дома. Да и во время пребывания в семье мужа замужняя женщина сохраняет здесь известную самостоятельность и изолированность, имеет отдельное помещение и пр.

Но наступает решающий момент, и отец, ломая эти переживающиеся матриархальные порядки, удерживает у себя как свою жену, так и своих детей, и семья окончательно превращается в патриархальную, счет происхождения и родства переходит в отцовскую линию, превращая и род в патриархальный. И все же надолго сохраняется ряд пережиточных форм, выражающих матриархальное начало. Таков, например, так называемый *авункулат* (лат. *avunculus* — «дядя по матери») — комплекс особых отношений между дядями и племянниками, состоящих в том, что дядя является ближайшим защитником своих племянников, а племянники — помощниками своего дяди; племянник имеет право на имущество своего дяди или

наследует ему, дядя играет важную роль в браке своих племянников и племянниц и т. д.

И все же переход от матриархата к патриархату совершился, и это в особенности сказывается на положении женщины. Окончательно оторвавшись вместе со своими детьми от своей семьи и своего рода, утратив с ними с течением времени всякую связь, женщина становится подневольной трудовой силой в домашнем хозяйстве патриархальной семьи, жена и дети оказываются под властью главы этой семьи.

Переход к моногамии и прочной патрилокальности сопровождается характерными переменами в формах заключения брака. Женщина — трудовая сила; отпуская ее, семья требует известной компенсации. Первоначально это выражается в подарках, которые жених при содействии своей семьи приносит семье невесты, в первую очередь и в особенности ее матери, затем братьям, материнскому дяде и пр. С другой стороны, выходящая замуж женщина, покидая свое хозяйство, получает некоторый выдел из коллективного имущества семьи. Этот выдел, или приданое, образует личное имущество замужней женщины, отдельное от имущества мужа, имущество, которым замужняя свободно распоряжается и которое в известной мере составляет основу ее личной независимости.

Другой формой, связанной с заключением брака, является похищение женщин. Согласно старому, ставшему весьма распространенным взгляду, похищение якобы было самой ранней и вместе с тем первоначально, так сказать, «нормальной» формой заключения брака. Это, как и вообще распространенный взгляд на место и значение похищения в истории брака, оказывается совершенно неверным. Похищение женщин могло, конечно, существовать эпизодически в самые отдаленные времена, в частности — похищение женщин других племен. Но похищение внутри племени являлось всегда деянием противоправным, вызывало соответствующую реакцию и, следовательно, не могло быть в какой-либо мере общественным порядком. О похищении женщин при патрилокальном поселении говорить не приходится. С переходом к патрилокальности похищение могло иметь место тогда, когда родственники женщины или она сама не желали нарушить традиционную матрилокальность. Однако и в этих случаях

похищение происходило скорей с согласия самой похищаемой. Во всяком случае, этнографические данные убеждают в том, что этот способ заключения брака представлял собой лишь исключение и вовсе не был так широко распространен, как это обычно изображалось.

С переходом к моногамии и прочной патрилокальности развивается обрядовое оформление брака, вырастающее в сложную церемонию с в а д ь б ы. У некоторых народов свадьба остается все же довольно простой, сводясь в основном к двум актам: формальному заключению брака и переходу — обычно перевезению — невесты в дом жениха. Акты эти сопровождаются обменом подарками, внесением вена, свадебным пиром, празднеством и пр. В развита патриархальном строе свадьба развивается в длительный, иногда растягивающийся на ряд лет цикл многообразных обрядов и церемоний, имеющих и актовое и символическое содержание, отражающих различные моменты из истории брака, имеющих форму своеобразного драматического действия, в которое входят инсценировки, игры, танцы, музыка, пение и т. д., с участием определенных действующих лиц и всей близкой родни жениха и невесты. Центральным актом свадьбы остается перевезение невесты в дом жениха, а основным мотивом — переход к прочному патрилокальному поселению в другой семье, другом роде. Этот именно мотив отражает длинный ряд обрядов и церемоний свадебного цикла, реально или символически выражающих отрыв женщины от своей родни и своего дома, утрату своей девичьей свободы, переход ее к «чужим», под власть мужа и его родни.

Ряд сюда относящихся церемоний и обрядов имеет форму инсценируемого насилия над невестой и ее родней со стороны жениха и его «дружины». Форма эта дала повод для весьма распространенного, однако совершенно произвольного и неверного толкования этих обрядов, как и ряда других моментов свадьбы, в качестве «пережитков похищения», тогда как на деле все они отражают исполненное для женщины драматизма нарушение матриархальной традиции и переход в другую семью, к «чужим». Наконец, в значительной своей части свадьба имеет характер праздника, знаменующего союз двух семей и родов, что и выражают некоторые термины: древнерусское «радость», украинское «весілле» и др.

В общем свадьба представляет собой яркое и красочное произведение народного творчества, и свадьбе каждого народа присущи своеобразные и самобытные черты.

Остается упомянуть, что с переходом к моногамии значительно затрудняется расторжение брака.

Большая патриархальная семья имеет в литературе и иные названия: семейная община, домовая община, патриархальная домашняя община. Это — хозяйственная группа, состоящая из трех-четырех поколений ближайших родственников, потомков одного отца, с их женами и детьми, иногда с зятьями и иными принятыми в семью родными. Численность ее достигает ста и более человек. Классическим образцом патриархальной семьи является югославянская *з а д р у г а*. В России такая группа именовалась в различные эпохи и в разных местностях — «огнище», «печище», «дым», «дом» и пр.

В основе хозяйства патриархальной семьи лежит коллективное владение землей и основными орудиями производства. В индивидуальном обладании находятся лишь предметы личного пользования. Как производство, так и потребление ведется коллективно.

Большая семейная община дифференцируется в составе рода, становится основной производящей и потребляющей ячейкой развитого патриархального общества, в значительной мере замкнутым натуральным хозяйством, вырастает в самостоятельную, прочную экономическую силу, приобретает все растущее общественное значение. Управление патриархальной семьей строится первоначально на демократических основаниях. Глава ее — «старший» мужчина, старший по возрасту, иногда и помоложе — выборный. Но он лишь организатор и руководитель хозяйства. Во всей своей деятельности «старший» строго считается с мнением всех взрослых членов семьи. Наряду со «старшим» мужчиной патриархальная семья возглавляется и «старшей» женщиной, обычно женой «старшего». Она ведает всеми женскими работами семейного хозяйства. Довольно стойко переживаются матриархальные порядки, и «старшая» обладает значительной властью не только над женщинами, но и над молодыми мужчинами дома. Женщина все-таки надолго остается «хозяйкой дома». Когда патриархальная семья разрастается, ведение единого домашнего хозяйства оказывается затрудни-

тельным или невозможным. Это в особенности сказывается в области потребления. Подготовка пищи, например, на очень большую семью становится все более затруднительной. Это хорошо выражает старинная осетинская формула: «огня не хватает на всех». Семья разделяется на несколько частей, причем раздел совершается между старшим поколением.

Однако на данном этапе раздел семейной общины бывает не полный. Каждая выделившаяся семья получает отдельное жилое помещение, расположенное смежно с главным домом, и живет в известных отношениях отдельным хозяйством. Но из имущества делится только движимость, земля же остается общей. Такая группа родственников, происшедших от разделения одной семейной общины, семей, в свою очередь разрастающихся в большие семьи, образует в ряде отношений все же единый хозяйственный и общественный коллектив, получивший название п а т р о н и м и и.

В основе хозяйственного единства патронимии лежит и важнейшую ее сущность составляет коллективное землевладение и землепользование. Каждая патронимия получает известную часть общеродовой земли, причем время от времени земля переделяется между патронимиями. Полученная патронимией земля обрабатывается вся сообща, и лишь урожай делится по семьям. С течением времени из земли патронимии пахотная земля подвергается разделу по семьям, в свою очередь время от времени переделяясь. Остальные виды земли: пастбища, покосы и пр.— используются всеми семьями по-прежнему сообща. В коллективном же владении патронимии находится первоначально и скот, впоследствии каждая семья владеет и пользуется своим скотом.

Общественное единство патронимии выражается прежде всего в том, что она образует отдельное поселение. В древности, действительно, селения были невелики и состояли именно из одной патронимии. Со временем возникают большие селения, состоящие из нескольких патронимий, живущих, однако, более или менее изолированно, образующих каждая отдельный квартал, «конец», «аул», «улицу». Патронимия имеет свое самоуправление, свой сход, своего главу. Все члены патронимии связаны солидарностью, взаимной поддержкой и защитой. Патронимия

составляет отдельную военную единицу — наименьшее воинское подразделение общеплеменного ополчения. У закавказских курдов смежные дома патронимии («бар») отделялись стеной, в которой имелось большое отверстие, где хранилось общее оружие двух или трех домов. Наконец, все люди патронимии связаны и идеологическим единством: они осознают свое близкое родство как потомки одного предка, как «от одного огня разошедшиеся», «разделившие один огонь», как одно «семья» (иранск. «тохум»). Характерное внешнее отличие патронимии составляет общее имя. Это — распространенное во многих языках наименование, состоящее из собственного имени предка и так называемой патронимической приставки, означающей не что иное, как «дети», «потомство», «сыновья». Таковы «ичи» или «овичи» славянских языков, греческое *ides*, латинское *apī*, англо-германское *ing*, *ung*, переходящее в *ingen*, *ungen*, скандинавское *son*, *søn* или *sen*, грузинское «швили», «дзе», «ани» и др., армянское «ьянц», тюркское «оглу», «оглы», абхазское «ипа» и т. д. То же значение имеет шотландская приставка «мак». Патронимия становится и названием селения, занятого данной родственной группой, — топонимией. От патронимических имен ведут свое происхождение многие современные фамилии.

Совокупность патриархальных семей и патронимий образует патриархальный род, или патриархальную родовую общину, образующую несколько смежных селений. В основе родовой общины лежит коллективное владение землей, получаемой родом из общей земли племени. Сохраняя свое коллективистическое, общинное начало, землевладение и землепользование рода организовано так, что менее интенсивно используемая часть родового земельного фонда — лес, водные угодья, пастбища — остается в пользовании всего рода, другие земли, в особенности годные для пахоты, делятся по патронимиям. Время от времени родовая земля переделывается с учетом происшедших изменений в численном составе патронимий. Наряду с тем патриархальная родовая община в известной мере сохраняет производственное единство, выражающееся в общих работах, где требуется соединение труда большого коллектива (древнерусская *толок*а).

Управление патриархальной родовой общиной носит первоначально демократический характер. Ее возглавляет по общему правилу глава старшей в роде патронимии или семьи, а главы остальных патронимий или семей образуют совет рода. Однако и все взрослые члены рода имеют влияние на общественные дела, особо важные вопросы решаются на общих собраниях всего рода. Пережитки матриархата выражаются в том, что известное влияние сохраняют и женщины. С развитием патриархального строя голос мужчин приобретает исключительное значение. Внутри рода действуют веками складывающиеся обычаи и правила и царит строгий порядок. Мерами воздействия по отношению к нарушителям этого порядка служат насмешка, увещание, внушение, а для непокорных и более суровые меры — изгнание из рода или убийство. Наиболее знаменательную черту первобытно-общинного строя составляет то, что власть в этом строе представлена авторитетом и влиянием старших, опытных, отличившихся в какой-либо области, но нет в нем места для господства и угнетения, нет никаких оснований или возможностей для эксплуатации человека человеком. Интерес коллектива стоит выше, чем интересы индивида, но личность человеческая свободна и в общественном отношении ничем не ограничена в своих творческих возможностях.

Совокупность родов составляет племя, владеющее общеплеменной землей и управляемое советом, состоящим из глав всех родов. Старейший из этих глав является главой племени. Какой-либо иной власти, стоящей над племенами, в первобытном обществе, конечно, не существует.

Взаимоотношения между отдельными племенами классовая наука истари изображала в виде звериного состояния вечной войны. Наиболее решительное свое выражение этот тезис получил у английского философа XVII в. Томаса Гоббса, определившего начальное состояние человечества как *bellum omnium contra omnes* — «войну всех против всех». Этнографический материал убеждает в полной вымышленности этого знаменитого тезиса феодально-буржуазной мысли.

Среди отсталых племен, если только они не натравливаются одно на другое в условиях европейской колониза-

ции, бывают, конечно, столкновения, но они сравнительно очень редки, ибо при наличии земельного простора для таких столкновений нет и не может быть постоянных поводов и оснований. Наиболее древней причиной междуплеменных столкновений является нарушение племенных границ. Принцип неприкосновенности племенной земли и защита ее границ — древнейшие начала человеческого общества. Защита племенной границы — самый священный долг первобытного человека, подымающий всех членов племени как одного. С развитием междуплеменных отношений возникают, конечно, и иные, уже мелкие поводы столкновений. Нарушение неприкосновенности границ, а иногда и иные посягательства на достоинство племени влекут за собой не только самозащиту, но и нападение на противника. Организуется поход добровольцев. В таких случаях женщины, хотя и не принимают прямого участия в походе, нередко являются зачинщицами. Воины тщательно готовятся к походу, готовят оружие и пр., причем немаловажная роль приписывается различным устрашающим противника средствам, окраске тела, маскам и пр. Возбуждение воинов и их предварительная тренировка выливаются в военную пляску.

Первобытный человек, конечно, не ангел, и если мстит за оскорбление, и если ему удастся взять верх над противником, то тут уже не до нежностей. Врагу нет пощады, при возможности избиваются все, в плен берут только женщин. Впрочем, развивается и пленение мужчин, но в таком случае пленный, в особенности по настоянию женщин, — иногда для того, чтобы заместить убитого члена семьи, — усыновляется и тогда становится равноправным членом усыновившего его племени. Возникают и развиваются понятия и идеалы храбрости, доблести и в качестве вещественных их свидетельств — военные трофеи, принимавшие иногда весьма суровые формы, например пресловутого скальпирования у индейцев, известного, впрочем, и ряду других народов, например скифам. Погоня за военной славой и трофеями принимала у индонезийских и океанийских племен форму «охоты за черепами».

Если данное племя ожидает нападения, то прибегает ко всем «дикарским» способам самозащиты; особо широко практикуется засада. Когда сходятся два отряда

противников и если силы примерно равны, то до настоящего сражения у отсталых племен дело почти никогда не доходит. Все наблюдатели единогласно подчеркивают крайне малую кровопролитность таких столкновений. Дело преимущественно сводится к взаимной брани, оскорблениям, потрясанию оружием. Пускается несколько стрел, но лишь только на какой-либо стороне оказывается один-два раненых или убитых, противники расходятся,— правда, чтобы рано или поздно прежние обиды вспомнились вновь. Уже очень рано возникает особый способ разрешения конфликта — единоборство или поединок одной или нескольких пар противников. Весьма рано развиваются и разные формы мирных, «дипломатических» способов улаживания конфликтов, причем особую роль играют и в таких случаях женщины. Возможно, что женщина и была первым в истории дипломатом.

Если исключить такого рода конфликты, то междуплеменные отношения первобытности надо себе представлять по общему правилу вполне мирными и дружественными. Таковыми оставались эти отношения у многих отсталых племен. Известные английские исследователи австралийцев, Спенсер и Гиллен, говорят, что по общему правилу туземные племена находятся во взаимных дружественных отношениях и если бывают столкновения, то все же нет такого положения, чтобы одно племя было в постоянной вражде с другим.

У всех отсталых племен и народностей широко распространен обычай взаимного посещения различных групп, принадлежащих к одному или разным племенам, своего рода дружеских визитов. Такие визиты — постоянное и обычное явление у тех же австралийцев. Эскимосы, при всех трудностях сообщения в арктических условиях, постоянно совершают очень далекие путешествия, чтобы посетить своих друзей. Эти взаимные посещения и гощения сыграли крупнейшую роль в развитии культуры в первобытные времена, служа путями и средствами культурного обмена. Визиты нередко приурочиваются к тому времени, когда у данной группы имеется в изобилии пища, к сезону созревания плодов, ко времени улова рыбы, урожая и пр. Постоянную черту этого первобытного гостеприимства составляет то, что если визитеры получают «угощение», то и они являются не с пустыми ру-

ками, принося с собой либо продукты своей местности либо свои изделия. У австралийцев, например, бывало что на территорию племени, на которой имелись месторождения кремня, являлось, с разрешения хозяев, другое племя для добычи материала, но обязательно приносил с собой какие-либо продукты или свои изделия. Угощения и приношения имеют чисто добровольный характер, однако уже рано этот обычай проникается принципом взаимности и обязательности. Отсюда ведет свое происхождение правило, по которому, побывав в гостях, необходимо пригласить хозяев и к себе, получив подарок, необходимо ответить на него отдарком. «Дают подарки, глядят отдарков», «Дар дара ждет» — так формулируют пословицы эти старинные принципы. Дарение и отдаривание составляют бытовое явление, широко присущее всем племенам и народностям. Это многократно описывалось путешественниками. Дарвин, посетивший во время своего путешествия на корабле «Бигль» огнеземельцев, рассказывает, что когда он подарил одному туземцу большой гвоздь, ничего не прося взамен, тот сейчас же выбрал две рыбы и подал их Дарвину на конце своего копья.

Дружеская связь заключается и устанавливается не только в коллективной форме, между группами, но и индивидуальным порядком между отдельными лицами, людьми разных племен. И эти дружеские союзы и взаимные посещения сыграли крупную роль в истории культуры. И здесь существенной чертой является обмен подарками. Эта форма общения имеет дальнейшую историю, к которой нам еще придется вернуться. Отметим только, что одной из позднейших форм этих дружеских отношений является славянское побратимство и посещение дружбы, приравняемой к кровному родству, что символизируется взаимным питьем крови и пр. Долг побратимства — помощь и защита во всех случаях жизни, в известной мере общность имущества.

Первобытные дружественные связи и обмен подарками дают форму для возникновения хозяйственного обмена. Здесь уже продукты и изделия заготавливаются специально для обмена и тем самым для получения необходимых хозяйству чужих благ. Объектами такого обмена

служат как местные продукты природы, так и местные изделия. Поэтому обмен особо интенсивно развивается между обитателями различных местностей, например между прибрежными жителями и жителями внутренних районов. Раз возникнув, обмен быстро и широко распространяется и интенсивно поддерживается. Благодаря обмену отдельные предметы получают исключительное распространение и, переходя от группы к группе, попадают в самые отдаленные места. О том, с какой быстротой совершается такая циркуляция новых предметов, можно судить по следующему факту. Один из путешественников по Новой Гвинее, придя в новое селение, в котором никогда еще не бывали европейцы, нашел здесь медные пуговицы, которые в одном из прежде посещенных им селений были срезаны туземцами с мундиров сопровождавшего этого путешественника военного конвоя. Пуговицы прошли свой путь быстрее, чем европеец-путешественник. Помимо описанных коллективных и индивидуальных форм обмена, уже у весьма отсталых племен возникают и особые места для встреч, куда в известное время собираются различные группы специально для обмена. Так возникают б а з а р ы.

В начальном хозяйственном обмене действует только возникший уже при обмене подарками принцип взаимности и обязательности. Это значит, что за каждую вещь должно быть отдано в обмен что-либо требуемое другой стороной. Но в этом первоначальном обмене совершенно отсутствует понятие стоимости и соответствия стоимости обмениваемых благ.

Вытекая из чисто материальных оснований — хозяйственных потребностей человека, обмен в своем возникновении, как мы видим, теснейшим образом связан с бытовыми общественными отношениями. С течением времени обмен становится самостоятельным и чисто хозяйственным явлением, все еще сохраняя свой примитивный, выражающийся в особенности в отсутствии понятия стоимости, характер. Лишь в дальнейшем своем развитии обмен приобретает новый, торговый характер.

Глава седьмая

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Мышление и язык. „Язык сигналов“. Опыт и знания. Природоведение. Токсикология. Анатомия. Медицина. Счет и число. Воспитание и „школа“. Первобытная религия. Анимизм. Магия. Колдуны и шаманы. Тотемизм. Культ природы. Фетишизм. Духи. Культ предков. Изобразительное искусство. Музыка, танец, драма. Церемонии и празднества. Украшения. Фольклор. Пиктография

Французский психолог Леви-Брюль, нагромоздив кучи неразборчиво набранного этнографического материала, выставил «теорию», по которой мышление первобытного человека, как и современных отсталых племен, якобы насквозь фантастично и мистично, а потому «дологично». «Теория» эта антинаучна.

Как нам пришлось уже говорить, мышление, вместе с языком, возникает и развивается в непосредственной связи с ведущимся в коллективе трудом. Оно является продуктом наблюдения и опыта, как бы ограничены они первоначально ни были, выражением определенных выводов, представлений и понятий. Таким образом, мышление в основе своей совершенно конкретно и логично. Без такого логического мышления не могло быть создано уже шелльское каменное рубило, ибо оно возникло не в результате какой-либо случайности и вряд ли на основе какой-либо «дологической» фантазии или мистики. Без логического мышления не могла развиться та богатая и разнообразная первобытная материальная культура и то общественное устройство, с которыми мы теперь знакомы. Труд в

коллективе, наблюдение, опыт, сознание, мысль, понятия, язык, знания — все это в неразрывной взаимосвязи и обусловленности составляет звенья единой цепи, все это — черты, отличающие человека от животного, сделавшие человека победителем природы. Все это явилось основой победоносного прогресса культуры.

Первобытного человека, или «дикаря», называют «невежественным», но в такой абсолютной форме это утверждение в достаточной мере само невежественно. Не приходится говорить, что и мышление, и язык, и понятия, и знания первобытного человека остаются ограниченными. Но все это обусловлено характером производительных сил и уровнем их развития.

С накоплением в процессе труда наблюдения и опыта, создающих все новые и новые представления и понятия, развивается мышление, развивается и язык. Возникают новые слова, обогащается их смысловое содержание, развиваются их грамматические формы.

Непосредственная связь мышления и языка с наблюдением и опытом наглядно демонстрируется характерной особенностью примитивных языков — их конкретностью. Это выражается в относительном богатстве языка конкретными определениями и названиями и крайней бедности обобщающими понятиями. Такая конкретность мышления и языка свойственна всем современным отсталым племенам. В языке какого-либо племени могут существовать особые названия для всех различных пород деревьев, растущих в данной местности, наряду с тем не имеется слова «деревья». Точно так же имеются названия различных видов животных, но не существует слова «животное». Само собой разумеется, что набор слов и весь словарный запас языка данного племени всецело определяются его производительной деятельностью. Поэтому, например, в языке эскимосов существует до двадцати различных слов для обозначения льда в разных состояниях его образования и таяния; у земледельческих племен североамериканских индейцев, у которых такое крупное хозяйственное значение имеет разведение манса, существует до десяти слов, обозначающих это растение в различных стадиях его созревания. Другая характерная черта примитивных языков выражается в том, что фразы состоят из очень небольшого числа слов. С развитием языка раз-

вивается и эта его сторона, развиваются формы связной речи — синтаксис.

Существует еще один примитивный способ передачи мысли. Это — «язык сигналов», передача какого-нибудь сообщения при помощи конкретных знаков. Австралийцы, когда покидают стоянку, делают ногой черту в песке и в конце черты втыкают веточку. Направление черты и ее длина указывают, в каком направлении и на какое расстояние ушла данная группа. Делается это для запоздавших членов своей группы, а также для гостей. «Язык сигналов» был распространен у всех современных племен и народностей, в особенности у североамериканских индейцев и негров. Трудно исчерпать все разнообразие его форм и случаев применения. Сюда относятся различные способы обозначения пути — загнутые или сломанные ветки, особо положенные камни, — указания на охотничью добычу, предупреждения о появлении врагов или об иной опасности и пр. Замечательной выразительности достигают сигналы, передаваемые на расстояние. Сигналы эти состоят иногда из определенного числа выкриков, чаще всего из искусственных звуков, например ударов барабана, делаются они и при помощи огня или дыма костра и т. д. В степных местностях развиваются видимые огневые или дымовые сигналы, в лесистых — слышимые, звуковые. Дымовые сигналы, практикуемые, например, неграми, передают иногда на очень большие расстояния, путем прерывающегося пускания разных количеств дыма, довольно сложные сообщения. У степных индейцев были хорошо разработаны способы сигнализации различными движениями одиночных людей или целых групп, к чему присоединялось размахивание одеялами.

К «языку знаков» или сигналов можно отнести и «язык символов» — передачу определенных предметов в качестве какого-либо сообщения или знака выражения мыслей или чувств, — прием, широко распространенный, в частности, в любовных делах, принимающий форму символического подарка. Особую категорию составляют посылочные сигналы — извещения. У североамериканских индейцев символическим знаком объявления войны была посылка томагаука. Томагаук посылался противнику через особого посла, который клал томагаук на землю. Если противная сторона поднимала томагаук с земли, это

значило, что она принимает вызов. Выражение «похоронить томагаук» означало «заклечь мир». Такого рода символическое послание отправили когда-то, по рассказу Геродота, скифы напавшим на них персам. Скифы послали им птицу, мышь, лягушку и пять стрел, что должно было означать: «Если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или не скроетесь как мыши в землю, или не ускачете как лягушки в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами наших стрел». Посылка веревочки с одним или несколькими узелками означает на языке сигналов приглашение прийти, причем число узелков обозначает, насколько это приглашение срочно. Широко распространены траурные сигналы — сообщения в форме, например, посылки родным пряди волос умершего, заверченной на тонкую палочку и завернутой в древесный лист. «Язык сигналов» сыграл немаловажную культурно-историческую роль, имел в частности большое оборонное и военное значение.

Вооружившись мышлением и речью, равно как и иными способами обмена мыслью в коллективе, накапливая наблюдения и опыт, научаясь разграничивать и связывать причины и следствия, делать выводы, развивая логические способности своего ума, не чуждый в дальнейшем и прямого эксперимента, человек создает себе все умножающийся запас знаний.

Показать, как развиваются знания первобытного человека, было бы заманчивой и благодарной задачей. К сожалению, тема эта остается мало исследованной, и мы можем дать на основе этнографических данных только небольшой обзор некоторых знаний, создавшихся в первобытном обществе. Мы увидим при этом, что знания эти, будучи целиком обусловлены уровнем развития производительных сил, находясь в непосредственной зависимости от характера трудовой деятельности человека, от его трудового опыта, являясь в значительной мере выражением потребностей человека на данной стадии и в данных условиях его развития, — конечно, ограничены, но все же далеко не бедны, а иногда по-своему весьма богаты. Трудно, даже по имеющемуся материалу, исчерпать перечень тех знаний, которые были накоплены первобытным человеком во всех отраслях его деятельности. Изготовление орудий и оружия, собирательство, охота, рыболов-

ство, земледелие и скотоводство — все это развивалось на основе громадного накопления знаний.

Условия жизни первобытного человека повелительным образом приводят его раньше всего к основательному знакомству со своей родиной, своей кормовой областью и окружающей природой. Это примитивное родиноведение стоит у всех современных племен и народностей весьма высоко. Каждое маленькое местечко, каждый ручеек, холм, особенности каждой местности, какая-нибудь скала — все имеет особое название. Географические познания выходят иногда и очень далеко за пределы племенной территории. Замечательной иллюстрацией этого может служить способность быстро набрасывать то, что можно назвать маршрутной картой. При случае такие карты рисуются на песке, но нередко создаются и более постоянные карты, нанесенные на кору или кожу. Своего рода произведения картографического искусства представляют собой рельефные карты из дерева у эскимосов. Благодаря большой точности, соблюдению масштаба, обозначению отличительных признаков местности и пр., эта примитивная картография не раз служила большую службу путешественникам, проникавшим в те места, которые оставались еще белыми пятнами на европейских картах. Яркое свидетельство географических способностей «людей природы» дает известный русский исследователь Уссурийского края В. К. Арсеньев. «К нам на бивак,— рассказывает Арсеньев,— приходили удэгейцы с реки Самарги. Я расспрашивал их о прибрежном районе к северу от мыса Сосунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокаверстную карту, он быстро ориентировался и сам стал указывать на ней реки, горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разбирается так свободно, как будто всю свою жизнь только этим и занимался. Я объясняю это тем,— замечает Арсеньев,— что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли в проекции. Вместе с тем у них развивается и чутье масштаба».

Превосходны познания даже самых отсталых племен в области окружающей их флоры и фауны. Уже австралийцы обладают основательными знаниями ботаники и зоологии своей страны: каждый вид растения и животного имеет в их языке особое название. Довольно основательны познания и по анатомии, преимущественно по костяку, и столь же широко, но своеобразно знакомство с внутренними органами, для которых, например у меланезийцев, имеется полный набор названий. Зато знания по физиологии более чем бедны и представления в этой области обычно совершенно фантастичны. О начальном непонимании связи между половым актом и рождением ребенка уже говорилось.

Широко развилась в первобытную эпоху своеобразная примитивная медицина. Отсюда ведет свое происхождение так называемая народная медицина и здесь в конце концов лежат корни современной фармакологии и терапии. Конечно, первобытная диагностика представляет собой нечто весьма наивное, чтобы не сказать более. Все же, при всей фантастичности представлений первобытного человека о болезни, мы у самых отсталых племен встречаемся уже с различением разных болезней и применением определенных средств от определенного недуга.

Не приходится говорить, что первобытная медицина остается в плену чисто знахарских, колдовских или магических приемов лечения. Но уже в отдаленном прошлом были открыты лечебные свойства различных растений, а также веществ животного и минерального происхождения. Так, уже издавна туземцы древнего Перу употребляли с лечебными целями кору дикорастущего в этой стране дерева кина (на языке аймара), откуда современный хинин. Южная Америка является родиной еще одного важнейшего медицинского средства — кокаина. Именно древние перуанцы впервые стали разводить местный дикий кустарник к о к а, листья которого употреблялись ими в качестве наркотика и анестезирующего средства. Между прочим, и куренье табака считалось у индейцев лечебным средством. Наряду с употреблением естественных лечебных средств в натуральном виде, уже первобытный человек, насколько можно судить по этнографическим данным, применял и специально приготовленные, в частности составные, лекарства: настойки,

декокт, мази, порошки. Практикуется и применение рвотного и слабительного, а некоторые индейцы и негры знают и клистирные приборы собственного изобретения. Применяется и массаж, хорошо известна холодная и горячая гидротерапия, известно и значение диеты. Наконец, далеко не чужда первобытность малой и большой хирургии: умело останавливается кровотечение, известно кровопускание, искусно удаляются посторонние тела, залечиваются переломы, известна, наконец, и ампутация. Не обходится, конечно, в области этой примитивной хирургии и без подлинно диких приемов лечения. Так, некоторые племена «лечат» упорную головную боль трепанацией черепа.

К далекой первобытности относится и возникновение врачебного сословия. Не следует думать, что так называемые знахари у отсталых племен и народностей применяют только колдовские приемы, заговоры и пр. Помимо этих способов «лечения» знахари пользуются всем арсеналом примитивной конкретной медицины, и некоторые их предписания не лишены целесообразности.

Не чужды отсталые народы и некоторых разумных и целесообразных правил в области санитарии и личной гигиены. Правда, существуют некоторые весьма отсталые племена, например кубу, которые страдают необъяснимой водобоязнью и никогда не моются. Но если только имеется к тому возможность, все отсталые племена, по общему правилу, очень часто купаются, иногда по несколько раз в день. К первобытности относится и изобретение бани. Особенно распространена была баня у североамериканских индейцев. Баня имелась в каждом селении, и у некоторых племен было принято посещать ее почти ежедневно. Она представляла собой либо небольшую пещеру, вырытую в склоне холма, либо маленькую хижину из прутьев, крытую шкурами. Это была паровая баня: сюда накладывались раскаленные камни, вход закрывался и камни обливались холодной водой. Выйдя из такой бани, индеец часто прямо бросался в реку, а затем, сидя нагишом, с наслаждением покуривал трубку. Описанная паровая баня вмещала двух-трех человек. Но нередко индейское селение имело и более обширную прочную баню-землянку, отапливаемую печью. Столь же архаичны, как баня и купанье, веник и мочалка из травы.

Вряд ли что-либо хорошее можно сказать об уходе у отсталых племен и народностей за роженицей и новорожденным. Здесь — главная причина очень большой детской смертности.

Естественно-исторические познания дали возможность первобытному человеку использовать природу в самых разнообразных направлениях, сделать громадное количество замечательнейших открытий и изобретений, чему наиболее внушительным свидетельством служит развитие земледелия и скотоводства.

Одним из примеров использования растительного царства может служить открытие и применение американскими индейцами каучука. Использование каучука было распространено ещё в доколумбову эпоху в широком районе Центральной и Южной Америки. Уже спутники Колумба обратили внимание на отлично прыгающие, «лучше, чем кастильские», мячи «из смолы», которыми индейцы играли. Индейцы, действительно, и являются изобретателями резинового мяча. Но этим применение каучука не ограничивалось. Добывая его из некоторых видов каучуконосов, преимущественно из дерева, которое индейцы Бразилии называли *cau-uchu* — «плачущее дерево» (*Hevea brasiliensis*), индейцы делали из каучука, помимо мячей, непромокаемую обувь, бутылки и даже грушевидной формы спринцовки или клизмы. Именно от индейцев, притом со значительным опозданием, только с 40-х годов XVIII века, каучук, вместе с самым его названием; был заимствован в Европе.

Замечательной иллюстрацией первобытного накопления знаний может служить знакомство многих племен и народностей с ядами. Яды употреблялись иногда для усыпления рыбы, преимущественно же для отравления стрел.

Как известно, существующие в природе минеральные и органические яды чрезвычайно многочисленны по видам и крайне разнообразны по своему действию. И вот специальными исследованиями установлено, что для отравления стрел употреблялось лишь очень немного видов яда, причем именно те, которые обладают наиболее сильным токсическим свойством и действуют преимущественно на сердце. Какое, следовательно, колоссальное накопление опыта потребовалось для того, чтобы создать

этот замечательный отбор, чтобы выработать эту первобытную токсикологию. Изучение ядов сыграло известную роль и в первобытной кулинарии. Произрастающая в Южной Америке тапиока сама по себе ядовита. Но женщины отсталых южноамериканских племен научились ее обезвреживать и сделали своей обычной пищей.

Свойственное первобытному человеку глубокое знакомство с природой, вместе с исключительной наблюдательностью, возвышается у него до подлинного особого искусства чтения книги природы даже в ее весьма сокровенных страницах. Отсюда замечательное знание всевозможных примет, умение предсказать погоду и пр. Отсюда и то умение толковать различные следы, оставленные зверем или человеком, которое свойственно всем «людям природы», но у некоторых, видимо особо одаренных личностей, доходит до виртуозности. Таковы воспетые Фенимором Купером индейцы-следопыты, таков незабываемый гольд Дерсу Узала, спутник и друг В. К. Арсеньева. Таковы же замечательные туркменские «изчи» (*из* — «след»); если «изчи» знает след отца или матери, то всегда по следам, оставленным мальчиком или девочкой, определит, чьи это дети прошли; стоит ему познакомиться со следами верблюдицы, чтобы он потом мог всегда узнать след ее детенышей и сказать, от какой матки прошел верблюжонок.

Более чем ограниченным остается математическое развитие отсталых племен, неизменно приводимое в качестве свидетельства их «дикости». Но здесь мы еще раз встречаемся с прямой зависимостью знаний от уровня развития производительных сил и от потребности. Поэтому у наиболее отсталых племен, которым попросту нечего, да и незачем считать, счет и число, естественно, находятся в самом зачаточном состоянии. Эти племена часто умеют считать только до трех, все выше этого обозначается словом «много». Если счет несколько больше развит, то «четыре» выражается так: два и два, «пять» — два и два и один. Андаманцы и ряд других отсталых племен умеют считать до десяти, все свыше того обозначается словами «много» и «очень много». При этом операция счета всегда составляет для них очень утомительное занятие. Если сложение бывает доступно, то вычитание, умножение и деление составляют уже высокие формы счета. Характерную

черту примитивных чисел составляет то, что они заимствованы от тех данных природой конкретных множественностей, которые наиболее привычны первобытному человеку. Так, число «два» на языках многих отсталых означает не что иное, как две половины одного целого. Таково происхождение и латинского duo от глагола divido, «разделяю». В других языках число «два» выражается тем же словом, которое обозначает «руки» или «ноги». «Пять» в очень многих языках означает не что иное, как «рука». Ведь тот же смысл звучит и в русском «пять», столь близком словам «пядь», «запястье». При таких условиях выражение «рука и ноги» означает «семь» (пять + два).

Числа представляют еще одно свидетельство первобытной конкретности понятий и мышлений. Конкретный характер имеет и самая операция счета: счет не отделяется от сосчитываемых предметов и ведется путем дотрагивания до них или их перекладывания. Андаманцы считают, дотрагиваясь до своего носа и произнося: «еще этот». Более высокой формой, хорошо знакомой и нам, является счет по пальцам, палочкам и т. д. Уже очень рано возникают и различные примитивные способы изображения числа в виде зарубок, бирок, узелков и пр. . . .

Для нас, культурных людей, накопление и распространение знаний непосредственно связано с воспитанием и школой. В весьма своеобразном, конечно, виде то и другое существует и у отсталых племен и народностей. Примитивное воспитание характеризуется двумя основными чертами. Оно имеет общественный характер и вместе с тем оставляет весьма значительное место самостоятельности ребенка. Первой воспитательницей детей в их раннем возрасте является, естественно, мать. Наряду с ней старшие сестры ребенка и все старшие женщины следят за детьми, при случае маленьким дают грудь. Если ребенок проголодался, он обращается как к матери, так и к любой женщине из своей родни. Когда ребенок подрастает, воспитателями девочек являются женщины, мальчиков — мужчины, при матриархате — братья матери, при патриархате — отец и его братья. Воспитание, с одной стороны, имеет очень мягкий характер, и отсталые племена и народности почти никогда детей не бьют, с другой стороны, как сейчас увидим, оно принимает и очень суровые формы.

С необычайно раннего возраста дети, в особенности мальчики, становятся в значительной мере самостоятельными. Уже с трех-четырех лет мальчики большую часть времени проводят со своими сверстниками, начинают по-своему охотиться, ставят западни на птиц, умеют уже управлять лодкой и т. п. В шесть-восемь лет они часто живут почти совершенно самостоятельно, нередко в отдельной хижине, ведут более сложную охоту, ловят рыбу и пр. В охоте дети проявляют замечательную выдержку и изобретательность. Вот два примера охоты маленьких негров Конго. Лежа на спине, они держат на ладони вытянутой руки немного зерен и часами терпеливо ждут, пока птица не прилетит поклевать, чтобы в тот же момент зажать ее в руке. Другой пример. К ветке дерева, на котором имеют обыкновение резвиться обезьяны, привязывается веревка, конец ее держит один из притаившихся внизу мальчиков. Уловив момент, когда обезьяна соберется прыгнуть на привязанную ветку, мальчик отдергивает ее вниз, и обезьяна плашмя падает на землю, где ее добивают юные охотники.

Как и у нас, большое воспитательное значение имеют детские игры, причем старшие дети обучают младших. Мальчики играют в охоту, в войну, устраивают состязания. Девочки играют в куклы, в кухню. Игры взрослых юношей и молодых людей имеют более серьезный, преимущественно военный характер. Широко распространены различные виды спорта. В свою очередь все виды спорта имеют главным образом охотничий или военный характер.

Уже самые отсталые племена знают и то, что можно назвать «школой». Это так называемая инициация (лат. *initiatio* — «посвящение», вернее — «приобщение»). С наступлением половой зрелости и на протяжении иногда нескольких лет мальчики и девочки проходят целый цикл обучения и испытаний, выражающийся в различных процедурах и церемониях, имеющих целью, с одной стороны, преподать молодым людям все те знания, которые им необходимы при переходе в число взрослых членов племени, с другой стороны, испытать их в трудовых навыках, умении бороться с опасностями и пр. Ряд мер направлен к тому, чтобы закалить испытуемых и научить их стойко переносить не только неудачи, но и страдания. Сюда относится нанесение испытуемым различного рода

увечий — выбивание зубов, нанесение рубцов на тело и пр. Сюда же относится и распространенное у отсталых племен обрезание. Инициации подвергаются как мальчики, так и девочки, но более развиты они в отношении мальчиков. Играя значительную роль у более отсталых племен, инициации в дальнейшем развитии общества сменяются другими формами коллективного воспитания — союзами молодежи, так называемыми мужскими домами или «клубами холостяков» и пр.

Общими условиями первобытного воспитания и той самостоятельностью, под знаком которой преимущественно протекает детство, следует объяснить замечательную способность к быстрому развитию и особую одаренность, которые проявляют дети отсталых племен и народностей при обучении в колониальных школах. Скачок из первобытности в цивилизацию оказывается для них очень легким. Дети быстро осваиваются со школой и делают замечательные успехи. Так, дети крайне отсталого племени индейцев Южной Америки, бакаири, отцы которых не умеют считать дальше трех, да и то обязательно осязая сосчитываемые предметы, попав в колониальную школу, учатся по всем предметам, в том числе и по арифметике, не хуже своих товарищей-европейцев. За отдельными исключениями, не ниже европейцев шли в школе и маленькие тасманийцы.

Говоря о бакаири и тасманийцах, мы не думаем их отождествлять с первобытным человечеством. Разум и умственные способности человека развиваются с развитием производительных сил. Таким образом, бакаири и тасманийцы, имеющие за собой тысячелетия своей истории, стоят в этом отношении все же выше находившихся на соответствующей ступени первобытных людей. Приведенные факты, однако, говорят о том, что умственным способностям человека присуща, вообще говоря, неограниченная возможность развития, и говорить об идущей еще из первобытности и связанной с расовыми различиями якобы «органической» отсталости и умственной неспособности отдельных человеческих групп может только реакционная лженаука. Отсталость и прогресс не обусловлены «органически», а всецело зависят от развития производительных сил в конкретных исторических условиях.

Мы далеко не исчерпали темы о тех знаниях, которые, как можно судить по этнографическим данным, должны были сложиться в первобытную эпоху. Но с древнейшей поры существования человека знанию сопутствует и с ним соперничает вера, религия.

Источником и основой религии является низкий уровень развития производительных сил, или, как это выразил Ленин, «бессилие дикаря в борьбе с природой»¹. Бессилие, т. е. недостаток как материальных сил, находящихся в распоряжении человека, так и сил самого человека, его духовных сил, его знаний. Знание — сила; знание дает возможность покорять природу. Незнание — бессилие; оно заставляет подчиняться природе.

Каковы бы ни были знания, накапливаемые первобытным человеком, наряду с ними для него оставалась, конечно, обширнейшая область незнания. Между тем явления из этой области незнания имели существенное значение для жизни человека, в свою очередь требовали знания. И вот, первобытный человек стремится заполнить этот пробел, восполнить здесь свое бессилие, пытается найти объяснение тем явлениям, которые выходят из круга его положительного опыта, создать и здесь какие-либо понятия и представления. Так создает он себе длинный ряд неправильных, превратных представлений, представлений, которые мы назовем фантастическими.

Эти неправильные, превратные, фантастические представления и составили область веры, область религии.

Маркс в одной из своих самых ранних работ с гениальной простотой дал исчерпывающее определение религии как *превратного мирознания*². Точно так же и Энгельс в ряде высказываний говорит о возникновении религии из самых темных, первобытных, неправильных, ложных представлений человека о своей собственной и внешней природе, о религии как фантастическом отражении в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни.

Итак, основываясь в конечном счете на низком уровне развития производительных сил, на малоразвитости труда, на бессилии человека, религия имеет своим источником, а вместе с тем своей сущностью — незнание, а от-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 399.

сюда — превратные представления. Религия есть незнание, есть бессилие человека. Чем больше развиты производительные силы, чем больше развит труд, чем больше развито знание, тем меньше остается места для человеческого бессилия, для религии.

Как нам уже известно, в начальном периоде своей истории человечество остается безрелигиозным. Религия возникает лишь на том этапе развития производительных сил и развития общества, который знаменуется возникновением родового строя. В эту эпоху складывается у первобытного человека какой-то примитивный комплекс представлений о неразгаданных им тайнах мира, представлений, которые, однако, оказываются ошибочными, превратными и фантастическими.

Основная ошибка или основное заблуждение первобытного человека в его представлениях о себе самом и окружающей его природе заключается в том, что человек не отделяет себя от природы, отождествляет себя с явлениями и силами природы. Отсюда, наблюдая ряд явлений, человек приписывает и себе возможность вызывать или производить те же явления, с другой стороны — приписывает силам природы и предметам, тем предметам, которые мы называем неодушевленными, способности и возможности, присущие только человеку, вообще наделяет природу такой же жизнью, какой живет он сам.

Этот комплекс первобытных представлений получил название *анимизма* (от лат. *anima* — «душа»). Термин этот, введенный в науку английским ученым Эдуардом Тейлором, не вполне удачен, и тот смысл, который Тейлор придавал данному термину, оказался в свете вновь собранного материала весьма ограниченным. Дело в том, что в начальной стадии развития религии особого представления о душе не существует и сущность раннего религиозного сознания сводится к общему, в значительной мере неотчетливому представлению о тождестве человека с природой и оживленности последней.

Одну из форм, в которых выражается это общее представление, и вместе с тем одну из самых ранних форм религии составляет сложное явление, получившее название *тотемизма* (от алгонкинского слова *totem* — «его род»). Тотемизм — это убеждение в существовании связи человека с каким-либо животным (это — преимущественно

но) или растением, иногда — неодушевленным предметом, либо даже явлением природы. Повидимому, начальным и наиболее распространенным элементом тотемизма является представление, по которому все члены данной родовой группы происходят от определенного животного, растения и пр. — их тотема. Тотемизм возникает вместе с возникновением родового общества, и тотем является необходимой принадлежностью рода. Мы имеем, таким образом, объяснение тех названий родов у сенека-ирокезов, которые были приведены выше. Из того представления, по которому род происходит от определенного тотема, вытекает другое представление — о родстве всех живущих членов рода со всеми существующими представителями данного тотема. Если австралиец принадлежит к тотему кенгуру, то он так и говорит о кенгуру: «это — мой брат» или «моя плоть». Когда колонисты в Австралии убивали тотемное животное, люди данного рода говорили: «Зачем вы убили этого человека, это — наш брат». Тотемизм определяет и ряд иных представлений: причиной рождения ребенка считается вселение в тело женщины тотема, смерть объясняется как обращение в своего родового тотема. В начальной фазе тотемизм предписывает не убивать и не употреблять в пищу животное или растение — тотем. В дальнейшем это предписание изживается, запрещенной в пищу остается, например, только часть животного — голова, печень. Убивая тотемное животное, просят у него прощения или стремятся снять с себя вину. Так, в эпоху колонизации Сибири эвенки (тунгусы), убив медведя, говорили ему: «Не сердись на нас, это убили тебя не мы, а русские». Когда запрещение употреблять тотем в пищу изживается, тотемизм связывается с особыми церемониями, имеющими целью содействовать размножению данного тотема.

Наряду с тотемизмом другой формой выражения первобытной религии является магия. Магия представляет собой превратное, ложное убеждение в существовании и возможности невидимых связей и влияний в природе вообще, в возможности невидимых влияний природы в ее отдельных проявлениях на людей, и обратно — людей на природу, наконец, таких же влияний одного человека на другого. Отсюда — самые разнообразные фантастические представления о связи отдельных предметов и явлений, о

причинах явлений, о сверхъестественных силах и т. д. Отсюда же и убеждение первобытного человека в возможности воздействовать на природу и на других людей по своей воле в желаемом направлении, лишь бы для этого были применены соответствующие приемы или средства. Так развивается магия в узком смысле, или колдовство. В поисках надлежащих средств человек идет преимущественно путем своеобразной аналогии. Чтобы вызвать дождь, разбрызгивают воду. Чтобы умножить урожай женщины распускают свои волосы. Хорошим магическим средством может служить и «настоящее» слово. Отсюда магия слов: заклинания, заговоры, впоследствии — молитва.

Магические, или колдовские, действия предпринимаются как для достижения собственной пользы или выгоды, так и для причинения кому-либо вреда. Магия может действовать и физически, и нефизически, на расстоянии. Но более действительным кажется воздействие на объект, так или иначе соприкасающийся с тем человеком, против которого данные действия предпринимаются, например, над его волосами, ногтями, одеждой. Поэтому, между прочим, отсталые племена никогда не бросают своих волос или ногтей, а либо сохраняют, делая, например, из волос браслеты, пояса и пр., либо тщательно прячут, закапывают. Достаточно вонзить копьё в след, оставленный недругом, чтобы причинить ему вред. Убеждение в магических силах дает первобытному человеку объяснение тех явлений, подлинные причины которых ему неизвестны. Таково объяснение болезней и смерти. Это всегда — результат козней врага. Особо развивается магия для охраны от опасностей. Если возможно магическое воздействие, то возможно и тем же путем достигаемое противодействие. Отсюда — приносящие удачу или охраняющие амулеты, талисманы и пр. Убеждение в магической связи вещей и явлений приводит к возникновению примет — хороших и дурных. Отдельные предметы или отдельные действия, вообще или при известных обстоятельствах, объявляются вредоносными или опасными, прикосновение к этим предметам, или совершение этих действий — запрещенным. Развивается и прочно входит в религию целая система запрещений — табу (полинезийское слово, означающее «нельзя»), вырастающее в развитой религии в сложное понятие «нечистого», «священного» и «греха».

Описанные формы религии не остаются, конечно, без движения в процессе развития первобытного общества. И тотемизм, и магия изменяются и своеобразно сочетаются с другими, вновь возникающими формами религии, оставаясь на всем протяжении истории религии существеннейшими ее элементами.

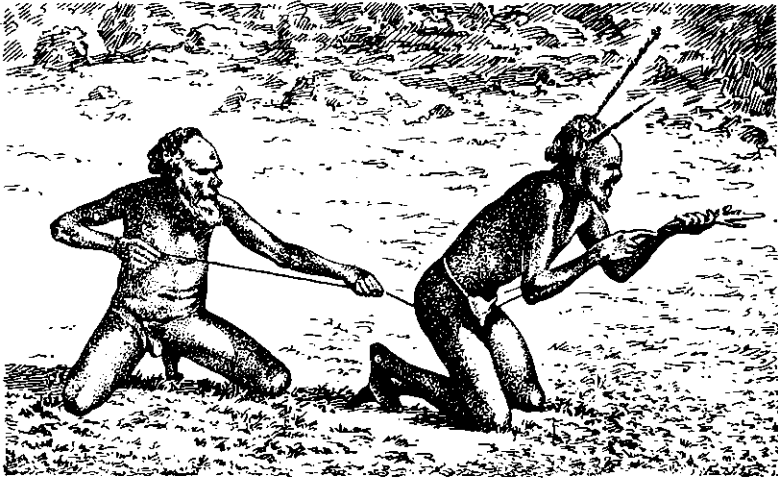

Рис. 27. Магический прием с примененнем кости. Австралийцы

Как можно было видеть, содержание религии уже в самых ранних ее формах, в особенности в магии, имеет две стороны: это, во-первых, тó или иное убеждение, во-вторых, соответствующее, из этого убеждения вытекающее действие. С развитием религии развиваются оба эти ее выражения: убеждение превращается в веру, действие принимает специальные сложные формы и превращается в культ.

Первобытный человек совершенно убежден в действительности магии и непоколебим в своем самоуверенном незнании. Все представляется ему ясным и объяснимым в этом магическом плане. Столь же непоколебимо верит он в действительность колдовских приемов, применяемых в тех или иных случаях и целях. Среди особо отсталых племен, бывали случаи, что человек, узнав о магических коз-

нях против него врага, доводил себя путем самовнушения до смерти. Но с течением времени, с развитием опыта, с расширением знаний первобытный человек накапливает немалое количество весьма наглядных и убедительных примеров того, что во многих случаях его колдовство не достигает цели, оказывается недействительным. Чем меньше развито знание, тем меньше человек сознает свое незнание. Ведь сознание своего незнания есть тоже знание. С накоплением и ростом соответствующего опыта и появляется это сознание своего незнания, к фактическому бессилию присоединяется сознание своего бессилия — важнейший момент в истории религии. Одновременно с тем возникает и складывается представление о том, что существуют какие-то особые, невидимые и неподчиняющиеся человеку силы. Продолжая все же оставаться во власти превратных, фантастических представлений, человек пытается подчинить себе и эти силы, пытается найти новые, более действительные средства и приемы той же магии. Отсюда — дальнейшее развитие колдовства.

Оставаясь уверенным в себе, в своих «знаниях» и возможностях, первобытный человек первоначально сам производит колдовские действия. Так, у австралийцев магические процедуры считаются доступными всем. Но с того момента, как человек начинает осознавать свои неудачи, ограниченность своих личных магических возможностей и наличие особых сил, ему неподчиняющихся, — параллельно с поисками новых, более «верных» магических путей и средств выделяются особые лица, якобы «знающие» эти средства и, более того, якобы находящиеся в той или иной связи, близости с соответствующими невидимыми силами. Возникают своего рода специалисты — колдуны. Колдуны играли громадную роль в развитии и практике первобытной религии и занимали важнейшее место в первобытном обществе. С течением времени они образуют особое сословие, вырастают в иерархию слабых и сильных, малых и больших и даже «великих», учеников и учителей. Профессия колдуна передается по наследству. Развитым видом колдунов являются шаманы, орудовавшие в прошлом у народов Сибири.

Не следует только представлять себе дело так, будто колдуны — это только обманщики или психически больные, одержимые и пр. Помимо того, что они проходят опреде-

ленную «школу», колдуны большей частью люди немолодые, обладающие жизненным опытом и знаниями, усвоившие немало наблюдений над природой, знающие приметы и т. д. Все это дает им известную реальную основу для своей практики. Так, колдуны североамериканского племени оджибве основательно изучают условия охоты в

Рис. 28. Африканский колдун

своей местности, поведение зверя и пр. и всегда собирают соответствующие сведения от возвращающихся охотников. Благодаря этому колдуны оджибве, облекая свою практику в соответствующую магическую форму, иногда дают обращающимся к ним охотникам и чисто практические указания. Характерно, что колдуны большей частью совмещают в своем лице и профессию знахарей, точно так же требующую известной доли положительных знаний. И все же, оставаясь ограниченными в своих возможностях, веря сами в силу магии, колдуны неизменно сопровождают свои действия не-

лепо магическими процедурами, играющими всегда преобладающую роль. Наконец все более входя в роль профессионалов, делая свою профессию источником доходов, колдуны все дальше идут по пути сознательного надувательства своей клиентуры и становятся паразитами своего общества.

Трудовая и хозяйственная практика первобытного человека в его зависимости от природы уже очень рано обуславливает то, что его общее представление о природе и ее силах приобретает дуалистический характер. У пер-

вобытного человека возникает представление о полезных и вредных, благоприятных и неблагоприятных, добрых и злых силах, а равно о том, что определенные силы могут быть и благотворными, и вредоносными. Эти представления развиваются в особенности в связи с появлением у первобытного человека сознания своего в известных случаях бессилия и в особенности по отношению к тем силам, которые имеют наиболее важное значение в жизни и хозяйственной деятельности человека. Человеку, как и всякому животному, биологически присущ страх, представляющий собой в основе чисто физиологический рефлекс на всякое явление, сигнализирующее человеку об опасности. Вновь возникшее сознание своего бессилия в борьбе с опасностями создает в человеке благодарную психофизическую почву для специального развития уже более стойкого страха, в особенности перед теми силами и явлениями природы, которые имеют для человека наибольшее хозяйственное значение, а вместе с тем наиболее неожиданным и бурным образом себя проявляют.

Отсюда, вместе с разграничением добрых и злых сил, доброго и злого действия этих сил и вместе с возникновением страха перед злыми силами, возникает стремление сохранить расположение к себе всех сил природы, «не рассердить», умиловить, привлечь на свою сторону. Возникает, таким образом, поклонение этим добрым и злым силам, их культ. Наиболее элементарным образом этот культ выражается в различных приношениях, в жертве. Первоначально жертва вполне реальна, с течением времени она становится почти только символической. Значительную роль в культе играет магия. Новое значение приобретает и тотемизм: родовой тотем становится особым покровителем и защитником рода. Вся дальнейшая история религии представляет собой в основном развитие магии как культа и тотемизма как олицетворения покровительствующих человеку сил. Магия сплетается с тотемизмом, тотем приобретает культ.

Развивается новая форма религии — культ природы. Безличного и общего поклонения природе однако не существует. Это — поклонение отдельным ее элементам и силам, которые человек считает наиболее влиятельными или наиболее к нему расположенными. Особое место, естественно, занимают в культе природы те ее элементы

и силы, которые имеют наибольшее производственное значение. Отсюда преимущественное развитие и распространение получают культы земли, солнца, воды, огня, деревьев, отдельных животных. Отсюда — особые охотничьи, земледельческие, скотоводческие культы. Довольно широко распространен культ больших камней, в свою очередь олицетворяющих какие-либо силы природы. Проявлением этого культа являются относящиеся к позднему неолиту и эпохе бронзы, встречающиеся и ныне у ряда племен и народностей культовые сооружения из больших каменных глыб или плит, общим образом именуемые мегалитами (греч. *megas* — «большой» и *litos* — «камень»). Различаются три вида мегалитов: *кромлехи* (бретонск. *stom* — «кривой» и *lech* — «камень») — сооружения в виде поставленных в круг камней; *менгиры* (бретонск. *таеп* — «камень» и *hig* — «длинный») — высокие, достигающие иногда огромной, до 20 м, величины камни, одиночные или образующие аллеи в количестве до 1 тыс. камней; *долмены* (бретонск. *dol* — «стол» и *таеп* — «камень») — сооружения в виде стола или домика из нескольких каменных плит. Все эти сооружения служили предметом и местом поклонения, а долмены — и местами погребения. Оригинальную разновидность мегалитов составляют *вишапы* — крупные каменные изображения рыбы, достигающие 5 м высоты. Вишапы известны преимущественно на Кавказе: в Армении, Грузии и на Северном Кавказе, встречаются и в других странах. Восходя к культу рыбы, в свою очередь имевшему широкое распространение на Кавказе, они в последующем приобретали и иное культовое значение.

Дальнейшее развитие первобытной религии в форме культа природы совершается на основе развития анимизма. Начальное недифференцированное представление об оживленности или одухотворенности человека и всей природы раздваивается. Возникает представление о душе и теле, их раздельности и возможности самостоятельного существования души. Первоначально душа мыслится физически, ей приписывается материальная форма, она отождествляется с дыханием, тенью и пр. Душа имеет определенное местопребывание в теле: это — печень, сердце, глаза. Душа считается вместилищем, воплощением жизни: прекратилось дыхание, ушла душа, прекратилась и жизнь.

Сон — это временное оставление душой тела. Человек видит во сне другого человека, находящегося далеко или умершего, — это являлась его душа. Развивается представление о переселении души, причем в связи с тотемизмом широкое распространение получает вера в переселение души умершего человека в тело животного.

Переплетая магию, тотемизм и культ природы, развивающаяся анимистическая религия наделяет душой все элементы, силы и явления природы, как физические, так и бесплотные. Вместе с тем развивается представление о самостоятельном образе «душ» этих сил и явлений. Эти души превращаются в бесплотных «духов». Возникает обширный сонм таких «духов», представляющих природу. Таковы «духи» земли, леса, воды, гор, дома и пр. Воображение придает им человекообразный, антропоморфный, обычно фантастический, облик. Стремясь приблизить к себе этих духов, человек создает для них материальную форму — вместилище — и верит, что в таких формах духи имеют свое пребывание. Таково происхождение идолов, или фетишей (от португ. *fetiko* — «сделанный»). Отсюда широко распространенная форма культа — поклонение и служение различным материальным вместилищам духов — фетишизм. Распространяется и культ отдельных мест, считающихся излюбленным местопребыванием определенных духов: рощ, полян, гор и пр.

Развитие анимистических представлений преобразует отношение к смерти и покойнику. Начально смерть принимается за непробудный сон (отсюда: «уснул вечным сном») и вызывает заботу живущих о своем близком, «уснувшем». Но разложение трупа ставит первобытного человека перед проблемой, которую он не может разрешить, и самые ранние формы отношения к покойнику обнаруживают известного рода растерянность перед фактом происходящего уничтожения «спящего» человека. Отсюда крайнее разнообразие и самых начальных и позднейших форм обращения с покойником: его оставляют с каким-либо запасом пищи и необходимых вещей и кое-как прикрывают, зарывают в землю, укладывают на ветвях дерева или на помосте (так называемое воздушное погребение), сжигают, прокалчивают, сохраняют и носят с собой весь костяк или его части и т. д. С возникновением представления о душе отношение к покойнику усложняет-

ся: если тело разлагается и исчезает, то душа — нетлена, живет и требует о себе соответствующей заботы. Развивается идея загробной жизни. Жизнь эта первоначально мыслится все же как реальная — и физически, и духовно. Отсюда целый ряд погребальных церемоний, в частности сооружение гроба в виде дома, прикрытие могилы камнем, чтобы покойник не вышел из могилы (также вместе с культом камней происхождение надмогильного памятника). Начальное снабжение умершего пищей обращается в погребальную трапезу, славянскую тризну.

В дальнейшем смерть считается окончательным прекращением физического существования, но продолжением существования души. Это в свою очередь порождает ряд идей, церемоний и обрядов: идею подземного мира духов, бессмертия души, идею воздаяния душе, «поминки души», дальнейшее развитие идеи переселения и воплощения души, убеждение, что душа продолжает обитать в оставленных покойным личных вещах, может поселиться в каком-либо его материальном изображении и пр. В развитии родовом строе из этих представлений складывается сложный культ тех умерших членов рода, которые сыграли известную общественную роль, родовых глав, воинов, — культ предков. Культ этот имеет разнообразные формы, сливаясь с тотемизмом и культом природы. Материальным объектом данного культа служит изображение предка — идол, славянский «чур» или «щур», откуда «пращур». Предок является преимущественно покровителем и охранителем своих живущих родичей.

При развитии матриархате религия развивается по линии культа природы, причем отдельные силы и элементы природы олицетворяются в женском облике и соответствующие духи носят женские имена. Особо выделяется на основе развития земледелия культ матери-земли, значительное место принадлежит культу луны. Наряду со своим хозяйственным и общественным положением женщина играет ведущую роль в культе. С переходом к патриархату женское начало в религии вытесняется мужским, женские духи превращаются в мужских. Женщины, перешедшие в семью мужа, сначала сохраняют свой культ, свои празднества, затем присоединяются к культу и религии своих мужей. С патриархатом наряду с культом природы развивается культ предков, а в связи с раз-

витиём семейной общины — культ домашнего очага.

Если мы от религии переходим к искусству, то отнюдь не потому, что обе эти отрасли духовной культуры были непосредственно связаны в своем происхождении или содержании. В буржуазной науке, однако, имеет весьма распространенное хождение «теория», выводящая происхождение искусства из религии, в частности из магии и тотемизма.

Вопрос о происхождении искусства в его различных формах и о сущности его ранних проявлений не лишен сложности. Однако указанную буржуазную «теорию» следует решительно откинуть. Достаточно вспомнить

что, как мы это знаем по археологическим данным, и религия и искусство, в частности изобразительное искусство, возникают одновременно на ориньяко-солютрейской стадии, или на этапе возникновения родового строя. Выводить искусство из религии значит предполагать предсуществование последней, значит относить религию к самому начальному периоду существования человека, причем в столь развитом уже виде, что она может вызвать новое сложное свое проявление на непосредственно следующем этапе. Не приходится говорить о том, что религия оказывает влияние на искусство, но это только потому, что вообще все формы идеологии тесно соприкасаются и влияют друг на друга, причем религия в особенности, обладая крайней активностью, ищет себе выражения и оказывает влияние как на иные формы идеологии, проникая в язык, мышление, науку и пр., так и на общественные отношения.

Еще одна теория, о которой стоит упомянуть, выводит искусство из якобы органически присущего человеку чувства красоты, эстетизма. На самом деле эстетическое чувство развивается в человеке в процессе его духовного раз-

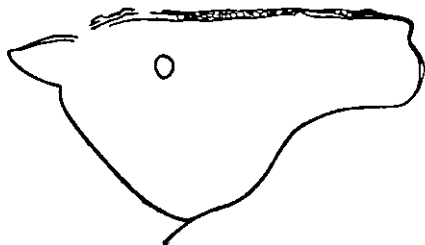

Рис. 29. Рисунок на камне.
Ориньякская культура

вития, на основе восприятия присущих природе совершенства, гармонии и красоты, лишь тогда, когда человек начинает воспроизводить эти качества природы в созданиях своего труда и в разнообразных формах выражения своих чувствований и своей мысли, т. е. в различных формах уже возникшего искусства. Таким образом, эстетизм не является источником искусства, а искусство, наряду с природой, само развивает в человеке эстетическое чувство.

Вообще, ни в коем случае не приходится выводить искусство из какого-либо другого идеологического явления, делать его надстройкой над надстройкой. Искусство имеет общий со всеми идеологическими явлениями источник.

Этим общим источником первобытного искусства во всех его видах является труд, трудовая деятельность человека. С развитием человека и человеческого общества, с усложнением идеологии этот начальный источник искусства, естественно, становится все более опосредствованным вновь возникающими формами деятельности и отношений человека. По своей сущности и своему содержанию первобытное искусство во всех его различных видах является не чем иным как формой выражения связанных с трудовой деятельностью человека восприятий, чувствований, настроения и мысли. Это искусство ни в коем случае не является самоцелью, искусством для искусства, а возникает в коллективе из присущей человеку потребности общения, передачи своих мыслей и чувствований.

Первоначальное содержание искусства, его сюжеты и мотивы в свою очередь целиком определяются трудовой деятельностью человека в коллективе. С развитием общества и общественных отношений сюда присоединяются во всем их многообразии и во всей их сложности восприятия, чувства, мысли и пр., связанные с личными переживаниями и общественными отношениями человека.

Естественно, что из различных видов искусства археологические памятники непосредственным образом сохранили следы только изобразительного искусства.

Памятники раннего палеолита (Шелль, Ашель, Мустье) не обнаруживают никаких признаков существования изобразительного искусства. Зато вместе с тем подъемом в развитии первобытного общества, который представлен ориньяко-солотрейской стадией, здесь сразу появляются все виды изобразительного искусства. Мы имеем здесь ри-

сунок, представляющий собой весьма примитивное контурное изображение, вырезанное или высеченное на камне, кости или роге. Столь же примитивна живопись, ограничивающаяся также контурным изображением на скале, в черную или красную краску, нанесенным, вероятно, пальцем. Сюжетом служит преимущественно животное — лошадь, лев, носорог, олень. Обычно дана только голова, редко — вся фигура. Стиль строго реалистичен, что в особенности относится к рисунку.

Условные изображения ориньяко-солютрейской эпохи представляют собой ряд точек или линий. Круглая скульптура представлена почти исключительно фигурками женщины, высеченными из мягкого камня, известняка, мергеля, реже — из мамонтовой кости. Редко попадаются мужские фигурки и единичны фигурки животных.

Женские фигурки исполнены в реалистической манере, однако туловище иногда вытянуто и сильно подчеркнуты признаки пола. Руки условны, лицо отсутствует. Изредка фигурка дана в сидячей позе. Обычная высота этих скульптур — пять-десять сантиметров, редко больше пятнадцати. Замечательный образец таких фигурок, найденный в Виллендорфе, в Австрии, был прозван «Виллендорфской Венерой». Сходный характер имеют большие рельефные изображения женщины на скалах.

Вслед за этими первыми, но уже достаточно уверенными шагами мадленская культура дает картину замечательного расцвета изобразительного искусства. Правда, скульптура встречается здесь гораздо реже, причем женские фигурки почти совершенно исчезают; попадают лишь изображения головы животного. Зато рисунок достигает поистине замечательного для своего времени совершенства. Встречаются, конечно, и менее удачные вещи. Сюжетом и здесь в подавляющем большинстве случаев являются крупные животные — главный объект охоты того времени: бизон, олень, лошадь, реже — мамонт, носорог и еще реже — хищники. И здесь животные изображаются

Рис. 30. Рисунок на стене пещеры. Ориньяко-солютрейская культура

обычно в одиночку, композиции очень немногочисленны, иногда группа животных дается путем повторения одной детали, например, стадо оленей изображается в виде ряда ветвящихся рогов. Встречаются изображения рыбы: лосося, щуки, карпа, головля и др., изредка — птицы. Весьма редки изображения человека, причем эти рисунки всегда

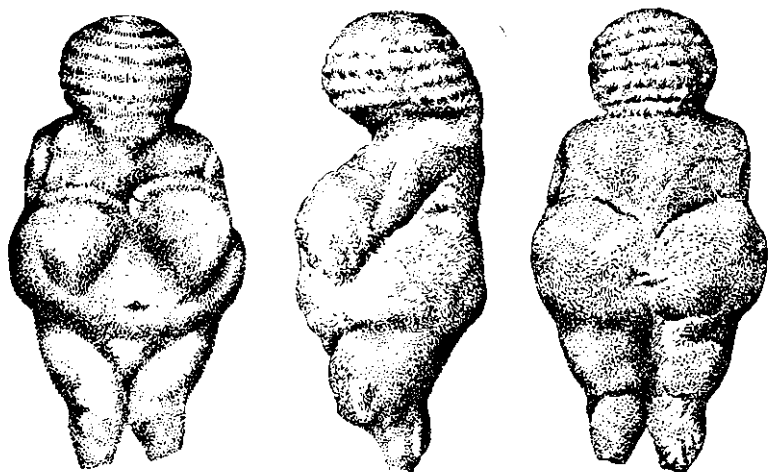

Рис. 31. «Виллендорфская Венера»

менее реалистичны и менее удачны. Столь же редки изображения растений. Особое место в мадленском рисунке занимают изображения, представляющие полулюдей-полуживотных, о толковании которых мы поговорим ниже.

Значительно выше по сравнению с ориньяко-солютрейским искусством стоит и живопись Мадлена. Это обычно высеченный на скале контур, расписанный красками, красной, черной, белой и желтой, причем красная преобладает. Краски эти, как показали исследования, минеральные, смешанные с жиром или костным мозгом. На мадленских стоянках нередко встречаются очевидно заготовленные краски в растертом и смешанном виде, найден даже флакон из кости с сохранившимся порошком красной охры. Сюжетом мадленской живописи служат почти исключительно крупные травоядные животные, в особенности бизон и олень, редко — хищники. Размеры изображе-

ний обычно довольно велики, доходя до 2½ м. Судя по тому, что мадленские изображения находятся преимущественно в глубине пещер, надо думать, что работа производилась при искусственном освещении теми жировыми лампами, которые находят на стоянках данной культуры. Некоторые пещеры представляют собой целые собрания палеолитической живописи. Рисунок и живопись Мадлена отличаются большим реализмом, обнаруживая нередко великолепное знание натуры. Оставаясь по большей части контурным и лишь иногда покрытый штриховкой, мадленский рисунок замечательно экспрессивен. В противоположность неподвижности ориньяко-солютрейских изображений, натура в мадленском рисунке полна движения, отлично переданы различные позы, особенно удачно — поворот головы. Не лишен мадленский рисунок и перспективы. Живопись неплохо передает объем, причем пластичность достигается путем распределения светлых и темных тонов; иногда дается красочный фон. На смену неполному изображению натуры в предшествующую смену в Мадлене как рисунок, так и живопись дают животное преимущественно всей фигурой. Наконец, гораздо выше стоит в Мадлене и условный рисунок. Мы встречаем здесь уже либо стилизованное изображение живот-

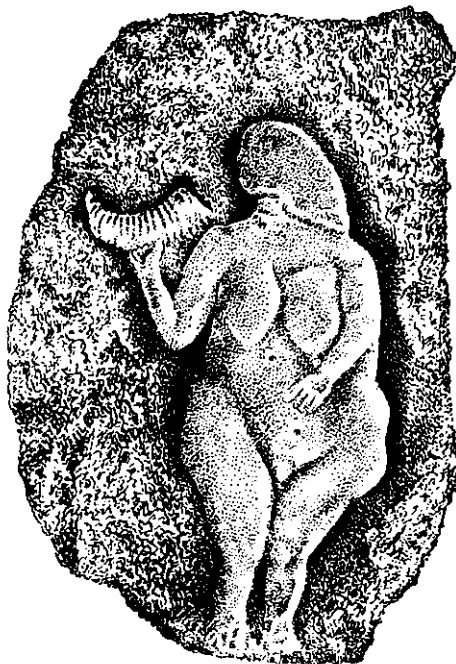

Рис. 32. Рельеф на каменной плите.
Ориньякская культура

ленно удачно — поворот головы. Не лишен мадленский рисунок и перспективы. Живопись неплохо передает объем, причем пластичность достигается путем распределения светлых и темных тонов; иногда дается красочный фон. На смену неполному изображению натуры в предшествующую смену в Мадлене как рисунок, так и живопись дают животное преимущественно всей фигурой. Наконец, гораздо выше стоит в Мадлене и условный рисунок. Мы встречаем здесь уже либо стилизованное изображение живот-

ного, либо свободный орнаментальный мотив, нанесенный на какое-нибудь орудие. На ряде образцов рисунка данной эпохи прослеживается переход от реалистического изображения к стилизации и орнаменту.

Не следует, конечно, преувеличивать художественных достоинств палеолитического искусства. Его культурно-

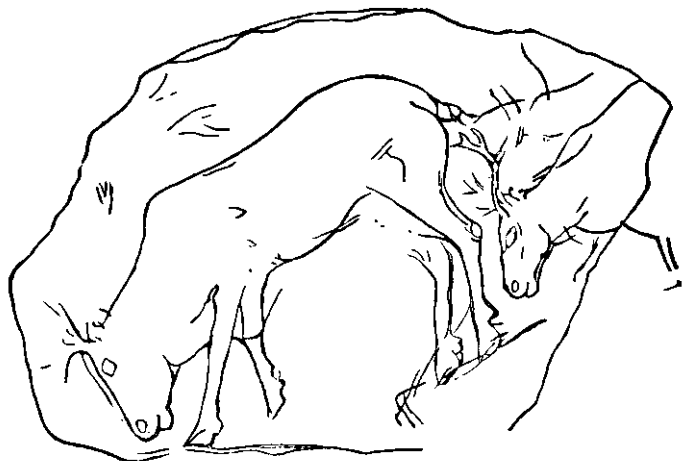

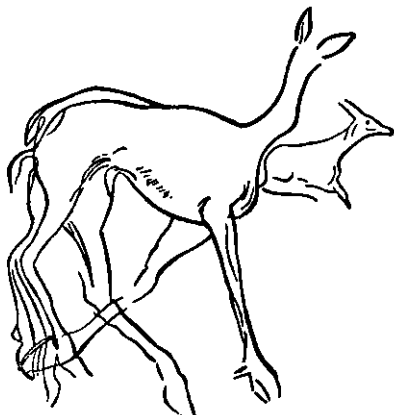
Рис. 33. Рисунок на камне. Мадлен

историческое значение состоит во всяком случае в том, что перед нами первые образцы изобразительного творчества человека.

Произведения ориньяко-солютрейского и мадленского изобразительного искусства встречаются везде, где мы находим памятники этих культур. Выдающимися памятниками палеолитической живописи являются пещеры: Альтамира в Испании и Фон-де-Гом во Франции. Прекрасные образцы скульптуры дали памятники, найденные на территории СССР: Гагарино, Костенки, Мальта́ и др.

Особое место по сюжету и манере занимает рисунок так называемой капсийской культуры (от названия оазиса и города Гафса — римское Капса — в Тунисе). Культура эта, соответствующая европейским культурам верхнего палеолита и раннего неолита, распространена в юго-восточной Испании, отчасти в Италии, в Северной Африке, Малой Азии, отчасти на Кавказе. Изображения

представляют собой здесь главным образом силуэтный — в черную и красную краску — рисунок на скалах, но не в пещерах, а на открытых местах. Размер обычно небольшой. Крупнейшее достижение капсийского искусства — переход от изображения одиночных фигур к композиции, иногда довольно сложной. Это бытовые картины, сцены охоты, военные эпизоды. Капсийский рисунок чрезвычайно экспрессивен, изображение в основе реалистично, но стремление передать движение ведет к крайней условности.

Зато изобразительное искусство европейского раннего неолита крайне бедно. Надо признать, что после замечательного, поистине блестящего взлета изобразительного искусства в позднем палеолите, налицо явный спад. Действительно, почти единственными образцами искусства Азилия являются раскрашенные гальки, на которых красной охрой нанесены условные, не поддающиеся приемлемому истолкованию рисунки или знаки.

В новом направлении развивается искусство последующих стадий неолита. Встре-

Рис. 34 и 35. Рисунки на стенах пещеры. Мадлен

чаются здесь прекрасные образцы круглой скульптуры из дерева, кости и камня. Некоторые петроглифы (наскальные изображения) дают реалистические, либо условные изображения животных и людей. В основном же неолитическое искусство идет по линии декоративной, давая здесь зато обилие разнообразных форм. Широким образом проявляется в эту эпоху стремление украшать все вещи, окружающие человека, служащие ему, даже самые обыденные и незатейливые предметы каждодневного употребления, в

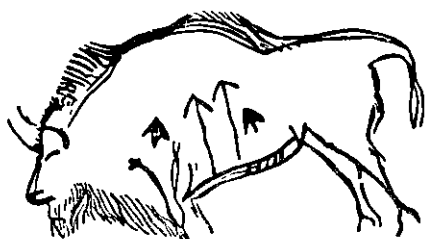

Рис. 36. Бизон со стрелами. Рисунок на скале. Мадлен

частности глиняную посуду. Такое украшение дает орнамент (лат. *ornamentum* — «украшение»), от самых простых его форм — ямочного, гребенчатого или примитивно-геометрического до весьма сложного и высокохудожественного, с различными мотивами и

сюжетами, разнообразной раскраски. Различным, иногда в свою очередь богатым орнаментом покрываются также оружие, утварь, одежда. Декоративный характер имеют в эпоху неолита скульптура и рельеф. Менгиры, принимая форму изображений человека, дают начало статуе. Особую форму менгиров представляют собой так называемые «каменные бабы» — крупные, высотой обычно до 2 м и больше, статуи с примитивно изваянным лицом и еще более примитивно намеченным туловищем. Статуи эти были распространены на территории СССР, на широком пространстве европейской и азиатской ее частей, в особенности на юге европейской части.

Если мы обратимся теперь к этнографическому материалу, то и здесь встретимся преимущественно с декоративным направлением в изобразительном искусстве, дающим крайнее разнообразие форм и достигающим нередко большой художественной высоты. Что касается рисунка и живописи, то хотя многие народности обнаруживают в этом отношении замечательные способности, за одним исключением мы все же не находим здесь ничего равного

или подобного искусству Мадлена и Капсы. Исключение это составляют замечательные контурные рисунки и живопись бушменов. Мы видим здесь изображения на скалах и в пещерах, сюжетом которых служат животные, птицы, люди, как в одиночку, так и группами. Natura дается в профиль, большей частью в движении. Нередки композиции — сцены охоты, военные эпизоды, культовые

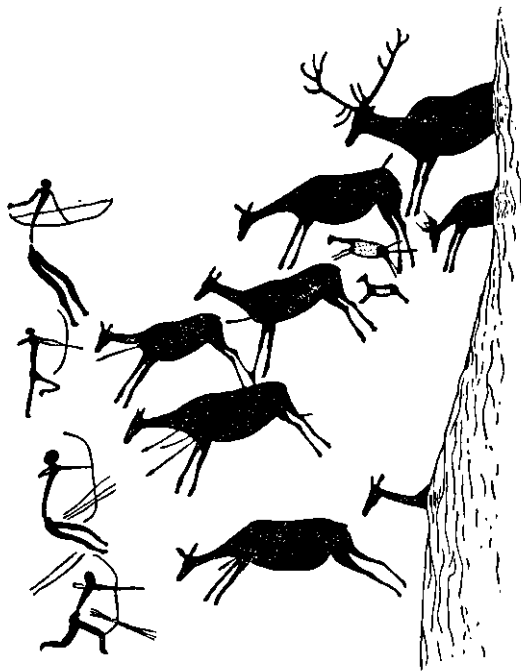

Рис. 37. Сцена охоты. Рисунок на скале. Капсйская культура. Восточная Испания

церемонии. Как в Мадлене, так и здесь встречаются изображения человека с головой животного. Бушменская живопись отличается от мадленской тем, что здесь контур раскрашен по поверхности преимущественно произвольно, в два-три цвета, красной, белой, желтой или черной краской. Для раскрашивания бушмены пользовались кистями и каменной палитрой. Изображения отличаются замеча-

тельным реализмом, точностью, прекрасной передачей пропорций, экспрессией. Конечно, и здесь не все вещи одинаковы по своему художественному уровню.

Широко распространена у многих племен и народностей скульптура, круглая и рельеф. Большой частью она тесно связана с религией и культом, преимущественно довольно примитивна. Но и здесь мы встречаемся с произведениями — и реалистическими, и сугубо стилизованными

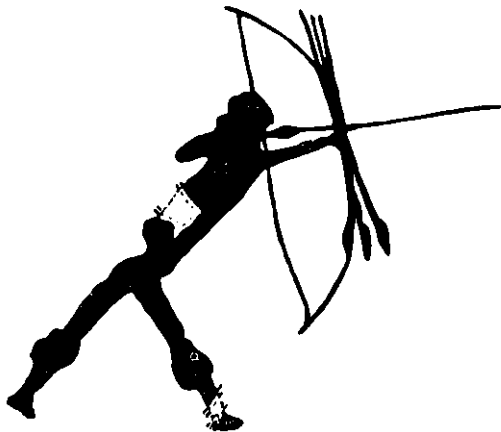

Рис. 38. Рисунок на скале. Капсйская культура.
Восточная Испания

или фантастическими, — при всем своем своеобразии, при всей своей «экзотичности», замечательными по художественному совершенству и вкусу. Такова в особенности круглая скульптура из дерева негров запада Африки и меланезийцев и декоративный рельеф полинезийцев и индейцев северо-запада Северной Америки, хайдов, тлинкитов и др.

Особой областью проявления изобразительного искусства являются м а с к и. Происхождение масок относится, повидимому, к весьма архаическому прошлому: их знают уже весьма отсталые племена. Вместе с тем маска имеет различные истоки: и маскирование под зверя как прием охоты, о чем мы говорили, и одна из форм тотемистических процедур, и способ устрашения врага. Маски многих племен и народностей представляют собой нередко замечательные произведения скульптуры и живописи и при

всей своей гротескности являются выдающимися образцами изобразительного искусства.

Археологический и этнографический материал, освещающий ранние проявления изобразительного искусства,

Рис. 39. Образцы орнамента на керамике эпохи энеолита и бронзы

оставляет немало пробелов и ставит ряд серьезнейших вопросов. Надо сказать прямо, что и неполнота материала, и неисследованность этих вопросов заставляют многие из них оставить открытыми. Мы лишь еще раз вернемся к вопросу о связи первобытного искусства с религией. Как уже было сказано, религия проникает и в область искусства. Нет поэтому ничего неожиданного в том, что отдельные

произведения первобытного искусства носят на себе печать религии, а иногда и всецело ею обусловлены. Влияние религии сказывается в особенности на более поздних этапах развития первобытного искусства, в частности в скульптуре и в орнаменте. Нельзя, однако, везде находить эту обусловленность искусства религией. В палеолитической живописи встречаются, кстати сказать, довольно редко, изображения животного с воткнувшимися в него стрелами. Эти изображения — излюбленный и ставший графаретным аргумент религиозной теории искусства. Говорят, что мы имеем здесь магический прием: путем такого изображения художник имел в виду обеспечить себе удачу в охоте. Но вряд ли можно оспорить и иное толкование данного рисунка, а именно — как вполне реалистическое изображение зверя с попавшими в него стрелами. Столь же часто приводится и другое доказательство. Изображения полуживотных-полулюдей, встречающиеся в палеолитических памятниках и в живописи бушменов, толкуются как изображения колдунов. Но и здесь можно видеть вполне реалистические изображения особого приема охоты с маскировкой под зверя, — приема, широко практикуемого многими племенами, в том числе теми же бушменами.

Обратимся теперь к другой обширной области искусства — музыке.

Музыка знает две формы: вокальную, или песенную, и инструментальную. Немецкий ученый конца прошлого века Карл Бюхер выступил с теорией происхождения музыки из процесса труда. Исходя из распространенного явления, по которому человек имеет обыкновение сопровождать свою работу песней, Бюхер утверждал, что песня возникает в тесной связи с ритмическими рабочими движениями человека и рабочими шумами. Отсюда же Бюхер вел происхождение и инструментальной музыки, причем даже самые музыкальные инструменты он выводил из рабочих орудий, например барабан — из ступки. Вся эта конструкция довольно искусственна и во всяком случае крайне одностороння. Вопрос о возникновении музыки решается так же, как и вопрос о происхождении искусства вообще, иначе говоря, источником музыки является в конечном счете труд, трудовая деятельность человека. Это однако не значит, что музыка возникает всецело из рабочих ритмов и шумов. Бюхер прав лишь в одном —

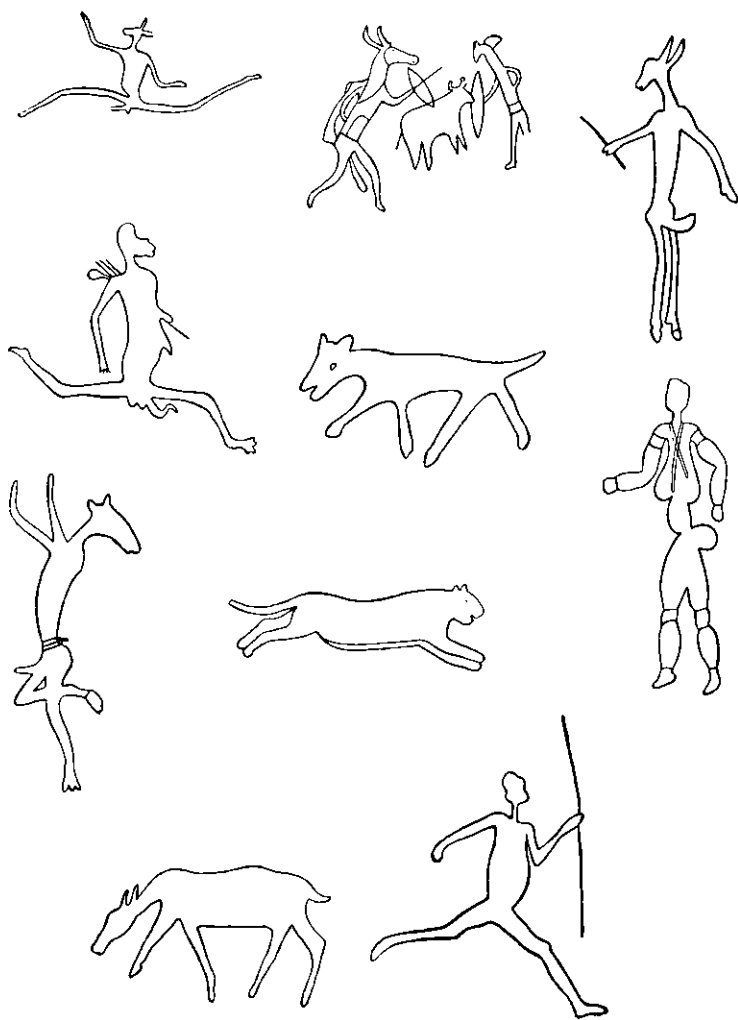

Рис. 40. Рисунки бушменов на скалах

в том, что отдельные виды ритма в музыке возникли из ритмов трудовых процессов.

Что касается песни, то она представляет собой первоначально не что иное, как ритмованную речь, и ее простейшей формой является речитатив. Действительно, основное в первобытной песне — ритм, поэтому текст в наиболее примитивной песне составляет нередко повторение одного и того же возгласа или слова. Вокальная музыка первобытной эпохи и ограничивается этой простейшей формой, состоящей из ритма и речитатива. Мелодия возникает значительно позднее.

Инструментальная музыка остается в первобытную эпоху сравнительно мало развитой. Это тесно связано, с одной стороны, с неразвитостью мелодии, с другой — с низким уровнем развития техники вообще, а отсюда и техники создания музыкальных инструментов. Но уже в первобытности возникли все основные виды музыкального инструмента: ударный, духовой, струнный (смычковый и щипковый). Все эти виды инструмента и множество их первобытных разновидностей остаются все же крайне примитивными. Было высказано предположение, что тетива лука явилась первым щипковым инструментом. Но им могли быть и до изобретения лука натянутое сухожилие или какой-нибудь сплетенный шнурок. Обыкновенный кусок сухого дерева, а тем более полый ствол, например ствол бамбука, явился первым ударным, а тот же бамбук или полый рог — первым духовым инструментом. Сравнительно рано возник барабан самых разнообразных типов. Большое место занимали различные трещотки. Отметим связь ударных инструментов с языком сигналов, о котором мы говорили выше.

Археологические памятники могут, естественно, очень мало сказать о первобытной музыке и музыкальных инструментах. В памятниках верхнего палеолита находят трубчатые кости с боковыми отверстиями, которые истолковываются как флейты и свистки. Впрочем, иные археологи считают эти предметы пеналами для иголок.

Различные взгляды и даже «теории» сопровождают нас и когда мы обращаемся к вопросу о происхождении танца. Но и здесь мы имеем все тот же источник искусства — трудовую деятельность человека. Вместе с тем уже самый ранний танец имеет различное содержание. Нет

сомнения, что примитивный танец имеет чисто гимнастический характер: вечером, отдохнув от утомления трудового дня, первобытный человек испытывает естественную физиологическую потребность размять свои члены, в пластических формах передать свои настроения и впечатления, дать пластическое выражение своему чувству сытости, довольства и своей первобытной радости бытия. Физкультурно-тренировочный или своего рода эмоционально-возбудительный характер имеют широко распространенные охотничьи и военные танцы, исполняемые перед отправлением на охоту или в поход. Наконец, вне сомнения связь первобытного танца с магией и тотемизмом. Танец тесно связан с музыкой, песенной и инструментальной. На языке многих племен танец и песня обозначаются одним и тем же словом. Мы имеем среди мадленских рисунков изображение человека в танцевальном костюме и танцевальной позе. Значит, человек танцевал уже в верхнем палеолите!

В примитивном танце — зарождение еще одного вида искусства: драмы. Действительно, танец отсталых племен имеет нередко чисто изобразительное содержание и пантомима является, видимо, самой ранней формой драматического искусства. Группе австралийцев довелось впервые увидеть поезд, и они в тот же вечер устроили «корробо́ри» с танцем, содержанием которого было изображение движущегося поезда. Кстати сказать, наблюдатели много раз отмечали замечательную способность отсталых племен к всевозможному подражанию. Параллельно с самостоятельным развитием отдельных из сейчас рассматриваемых видов искусства сохраняется и развивается тесная связь музыки, танца и драмы. Распространенные у многих народностей песни, описывающие весь земледельческий процесс, от сева до сбора урожая, сопровождаются инструментальной музыкой, причем одновременно танец представляет собой драматизированное изображение того же процесса.

Характерную черту первобытного человека составляет манера облекать свои более значительные акты особой внешней формой — своеобразный церемониализм. Отсюда церемонии приветствий, особые церемонии, соблюдаемые первобытным человеком, когда он подходит к чужому становищу или чужому дому, и пр. В церемониях, сопровождающих какие-либо особые акты, выражается стремление

запечатлеть данный акт в памяти. Во все эти церемонии необходимым элементом входит свойственная первобытному человеку склонность драматизировать свои действия, в свою очередь — форма выражения соответствующих чувств. Существенный элемент различных обрядов и церемоний составляет предмет-символ или символическое действие. Таковы совместное принятие пищи, совместное питье или куренье, пожатие руки, обмен подарками, платьем или оружием, смешение крови и пр., сопровождающие заключение дружеских связей. Разнообразные символические акты, обряды и церемонии сопровождают и различные иные отношения первобытного человека. Сюда, например, относятся различные формы траура, выражающегося в костюме, в некоторых правилах поведения. Символы тесно связаны и с языком сигналов. Такова, например, посылка определенных предметов чужому племени для объявления войны или предложения мира.

К глубокой первобытности относится и празднество. Как мы знаем, нечто вроде празднеств устраивали уже тасманийцы и очень широко практикуются такие «корробори» у австралийцев. Универсально распространены празднества по всему этнографическому миру, отличаясь бесконечным разнообразием формы и содержания. В оформлении этих празднеств мы находим соединение музыки и танца, проявление сказанного примитивного церемониализма и, наконец, своеобразное выражение примитивной драматургии. Празднества с входящими сюда обрядами и церемониями устраиваются по поводу самых различных обстоятельств, событий и актов: созревания плодов, урожая, рождения ребенка, удачного окончания какого-либо предприятия, охоты, военного похода и т. д. Таким же празднеством является и свадьба, о которой мы уже говорили.

Все эти обряды, церемонии и празднества имеют чисто, так сказать, светский характер, но, используя все возможные пути и формы своего утверждения, религия активно проникает во многие из них. Помимо того религия и сама особенно широко усваивает этот примитивный церемониализм.

Мы вновь встречаемся с разнообразными «теориями», когда обращаемся к вопросу о происхождении и существе у к р а щ е н и й. Вопрос, действительно, не лишен сложно-

сти. Многие виды украшений имеют различное происхождение, значение и содержание, часто переплетающиеся. Надо прежде всего различать украшение, которое наносится на самое тело человека, а именно раскраску и татуировку, причем сюда же относится и прическа, и украшение в виде какого-либо предмета, надеваемого, навешиваемого или привязываемого к телу, иногда вместе с некоторым увечьем тела. Возникают украшения очень рано. Существовали навесные украшения уже у гримальдийца, знали их, равно как и раскрашивание тела, тасманийцы. Возможно, что куски охры, находимые на стоянках верхнего палеолита, говорят о раскрашивании тела человеком той эпохи. У всех современных племен и народностей различные виды украшений распространены самым широким образом. Все виды украшений могут иметь сложное значение. Раскраска тела связана с защитой кожного покрова; связана она и с тотемизмом, представляя собой иногда подрисовку под тотемное животное. Входят сюда и элементы магии, а когда это делается в приготовлениях к военному походу — расчет на устрашающее впечатление. Столь же сложна по своему значению т а т у и р о в к а (от таитянского tatu — «знак»). Иногда прослеживается близость татуировки к тем рубцам, которые остаются на теле юношей после различных испытаний на выносливость во время инициаций. Но вне сомнения и иное содержание татуировки: тотемические родовые знаки, магические приемы, общественное положение и пр. Наконец, татуировка может попросту являться украшением тела.

Нам кажутся дикими и нелепыми такие украшения, как палочки, проткнутые через перегородку носа или через губу, либо дощечки, укрепленные под нижней губой, так называемые б о т о к и (откуда название южноамериканского племени — ботокуды). Но непосредственным пережитком подобных же украшений являются серьги, так прочно сохраняющиеся и в современном обществе.

Трудно описать все разнообразие навесных украшений, в которых в свою очередь отражаются различные моменты: и чисто эстетические, и религиозные, магические и тотемические, и общественное положение. Сюда же относится ношение охотничьих и военных трофеев — зуба убитого животного, скальпа или даже черепа врага. Различие общественного положения незамужней и замужней

женщины также находят свое выражение в соответствующих украшениях. Иногда украшения бывают необыкновенно обильны. Невеста у одного из негрских племен Западной Африки так нагружается железными украшениями,

Рис. 41. Австралиец с рубцами на теле

Рис. 42. Негритянка с татуированной спиной

что не может двигаться без посторонней помощи. Специфически развиваются и имеют особое значение украшения воинов и вождей. В своем развитии навесные украшения сами покрываются украшением — орнаментом, резьбой, инкрустацией — и становятся произведениями искусства.

Широко развивается в первобытности устное народное творчество, фольклор (англ. folk — «народ» и loge — «творчество»). Наиболее ранним его видом является де-

генда о прошлом, миф. Особо развивается сказка. Более поздними видами фольклора являются песня, эпос, загадка и пословица.

Уже очень рано человек задается мыслью о прошлом, о том, откуда и как произошло все существующее. В этом примитивном обращении к прошлому — некий зачаток истории. Содержание этих представлений о прошлом, конечно, до крайности фантастично. Начальный миф глубоко проникнут тотемизмом. Основная его тема — возникновение человека и неотделимых от него в первобытном сознании животных. Более поздней темой является происхождение земли и мира в целом. По крайней мере у австралийцев и индейцев Южной Америки имеются мифы о происхождении человека, но мифов о происхождении земли и вселенной не обнаружено.

Наиболее примитивный вариант мифа о происхождении человека сводится в чисто тотемистическом духе к тому, что люди данного племени тем или иным фантастически изображаемым путем произошли от того или иного животного, явления природы и пр. Более поздний элемент этого мифа — мотив сотворения человека каким-либо тотемическим существом из земли, глины и пр. по образу и подобию тотема. В оформлении, отражающем матриархат, тотемический создатель принимает образ «бабушки», «матери матерей»; такова, например, китайская богиня Нюйва, создательница мира и родоначальница человечества. Миф придает этой «бабушке» двоих детей — брата и сестру, являющихся одновременно мужем и женой. Они — первая человеческая пара. Отражая патриархальные отношения, последующая редакция этого мифа заменяет брата и сестру двумя братьями. Широко распространенное мифологическое истолкование этих двух

Рис. 43. Спиральная татуировка новозеландца

братьев — часто близнецов — наделяет их чертами «героев», создателей различных элементов культуры. В этой же начальной паре людей — брате и сестре или двух братьях — отражается знакомая нам древнейшая форма общественной структуры — дуальная организация. Первобытный миф оказывается не чуждым и примитивной идеи эволюции: не создания, а превращения одного животного в другое, в конечном счете — в человека.

Тема о возникновении земли и вселенной в мифологии многих племен и народностей содержит все хорошо знакомые черты библейского мифа: в качестве начальных элементов здесь фигурируют вода, небо, тьма, или хаос, человек возникает или создается из земли или глины. Широко распространен мотив «рая» и «древа жизни». Например, миф негрского племени бакоко в Камеруне рассказывает, что вначале люди были счастливы, не знали ни страданий, ни смерти. Когда они старились, то достаточно было им провести девять дней возле маленького дерева «синге», чтобы снова обрести юность и начать новую жизнь. Столь же широко распространен мотив о начальном несовершенстве человека, его «первородном грехе», «падении», причем человечество переделывается или исправляется путем какого-либо стихийного явления, потопа, пожара.

Становятся темой устного народного творчества и последующие эпохи или события первобытной истории, превращаясь в предание, легенду. Имея мифологический, часто в большой мере фантастический характер, эти легенды всегда все же содержат реальную историческую подоснову. Так, замечательной реминисценцией эпохи матриархата является широко распространенная по всему земному шару легенда об амазонках. В своем основном варианте это легенда о народе, состоящем исключительно из женщин. «Мужененавистницами» называется их древнегреческое предание. В различных других вариантах речь идет о господстве женщин у данного народа, об их особой воинственности и храбрости, о том, что они выжигают или засушивают себе правую грудь, чтобы удобнее стрелять из лука, о том, что они обладают великими богатствами, в частности об обилии в их стране золота, и т. д. Особую разработку получила легенда об амазонках в древней Греции, став излюбленным сюжетом античной художественной литературы и скульптуры. Этой же легенде обя-

зана своим названием река Амазонка в Южной Америке (первоначально — «Река амазонок»).

Другой широко распространенный вид фольклора — сказка — развивается как нравочительный рассказ об обычаях и повадках зверей, о различных фантастических существах и пр.

Текст первобытной песни остается весьма примитивным, имея разнообразное содержание: чисто трудовое,

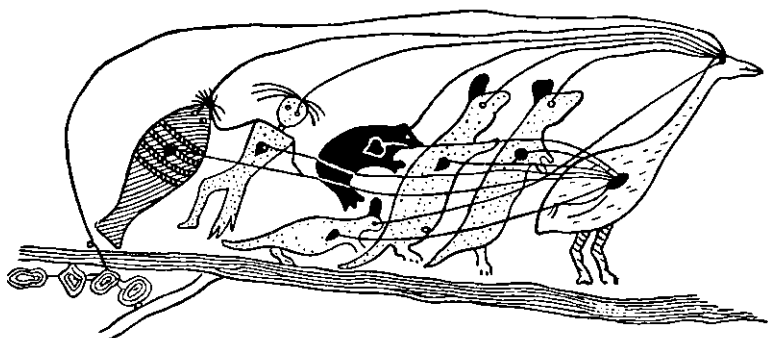

Рис. 44. Пиктография. Петиция, поданная индейцами-делаварами президенту США в 1849 г.

охотничье, военное, любовное. Первоначально простой и нехитрый, текст этот становится более содержательным, облекается более строгой формой, размером; связанный с музыкой, он приобретает и сам музыкальные черты. Отсюда — начало поэзии, происхождение которой, таким образом, прямо восходит к песне.

Наконец, пословица представляет собой сгусток народной мудрости, часто отличаюсь замечательной глубиной и выразительностью. Как хороши, например, следующие пословицы одного из негрских племен: «В старости согреваешься дровами, которые собраны в юности», «Из-под каждой крыши выходит дым», «Если ты ночью говоришь, что ты красив, помни, что тебя увидят днем».

Первобытность не знает письменности, но еще в самые отдаленные времена возникает первая форма письменного сообщения или записи. Это — п и к т о г р а ф и я (лат. *pictus* — «нарисованный» и греч. *graphéin* — «писать»),

образное или изобразительное письмо. Пиктография, таким образом, тесно связана с рисунком. Известные формы пиктографии можно видеть и в отдельных видах «языка сигналов». Пиктография развилась у многих племен и народностей, в особенности у меланезийцев, североамериканских индейцев, народностей Сибири. В развитом виде пиктографическое письмо состоит из отдельных рисунков или связной композиции, представляющих реалистически или условно предметы, действия и события. Пиктографические изображения имеют иногда сложное повествовательное содержание, дают хронику событий, рассказывают о героических подвигах предков. Наносится пиктография на кору, бересту, камень, кость, кожу. Примером пиктографии может служить рисунок-петиция, поданная индейцами-делаварами президенту США в 1849 г. Изображенная на куске бересты, петиция эта содержит просьбу семи родовых групп о разрешении им переселиться с Верхнего озера на другие соседние озера. Семь родов представлены здесь их тотемами: журавлем, тремя куницами, медведем, морским человеком и морским котом. Впереди — журавль как главенствующий род. Внизу обозначены те озера, куда просители желают переселиться. Единодушие просьбы обозначено тем, что глаза и сердца всех фигур соединены с глазами и сердцем журавля как выразителя их ходатайства.

Особой формой пиктографии можно считать индейский *а м п у м*. Это — полосы или пояса из разноцветного, образующего рисунок бисера, разной длины и ширины, представляющие собой мемориальные записи определенных событий, заключенных договоров и пр. Изготовление одного *вампума* требовало нескольких лет работы. *Вампу*мы хранились вождем племени и время от времени «прочитывались» и разъяснялись для того, чтобы сохранить их содержание в памяти и передать новому поколению.

Еще одну попытку создать средство записи и сообщения представляет собой так называемое «узелковое письмо». Шнурок с узелками, служащий элементарно для фиксации числа, развивается у некоторых народов, в частности у североамериканских индейцев, некоторых негрских племен, микронезийцев, в средство «записи» событий и передачи сообщений. До своего рода виртуозности было доведено это узелковое письмо, или *к и п у*, в древнем Перу.

Перуанское кипу представляет собой связку шнурков разной длины и разного цвета, носящих на себе ряд расположенных на различных расстояниях различной формы узелков, причем вся такая связка прикреплена к одному основному шнуру. Кипу служило для различных целей: хозяйственного учета, статистики населения и пр., вплоть до «записи» целых хроник.

Глава восьмая

КУЛЬТУРА РАННЕГО ВЕКА МЕТАЛЛОВ

Рост производительных сил. Возникновение металлургии. Использование самородных металлов. Вопрос о месте и времени возникновения обработки рудных металлов. Обработка меди. Бронзовый век. Железный век. Развитие земледелия и скотоводства. Развитие ремесла. Торговый обмен. Предметные деньги. Гость — купец

Перед нами прошла картина всестороннего развития производительных сил в эпоху родового строя. Но таков общий закон истории, что развитие производительных сил приводит в конечном счете к противоречию между этим развитием и существующими производственными отношениями, вступает в силу закон обязательного соотвествия производственных отношений характеру производительных сил. Создаются и с железной силой нарастают предпосылки глубокого общественного переворота. Но для того, чтобы этот переворот произошел, должен был иметь место новый решающий подъем производительных сил. В этом на данном этапе происшедшем подъеме крупнейшую роль сыграло развитие обработки металлов. Каменный век сменился веком металлическим. Отныне и надолго металл в значительной мере определяет развитие всей культуры.

Использование различных металлов имело место и раньше, оставаясь, однако, ограниченным. Оно могло явиться известным основанием, в числе других факторов, перехода от матриархата к патриархату. Подлинная металлургия и более или менее широкое применение металлов в общественном производстве явились основа-

нием, опять-таки в числе других факторов, для наступления нового этапа в развитии общества.

Остановимся, однако, более подробно на общем вопросе о возникновении металлургии.

Какой был первый металл, который человек стал обрабатывать? Уже очень рано во многих местах внимание человека должно было привлечь, хотя бы своим блеском, широко распространенное по всей земле и нередко легко находимое золото. Действительно, уже в неолите Западной Европы (Ирландия, Франция), Северной Америки, Египта встречаются мелкие золотые изделия. В Египте находки золотых изделий датируются шестым тысячелетием до н. э., и здесь золото оказывается несомненно первым использовавшимся металлом. Соответствующие показания дает и этнография. С великим изумлением обнаружили португальцы — первые завоеватели Южной Америки — у ее туземцев рыболовные крючки из чистого золота. Имеются данные о раннем использовании и самородного серебра. В природе встречается и чистая, самородная медь. Особо богатые ее залежи были известны на Урале, в Фергане, в Северной Америке — в районе Верхнего озера. Использование самородной меди засвидетельствовано для Передней Азии в шестом-пятом тысячелетии до н. э. и точно также для глубокой древности в Средней Азии. Обработка самородной меди была известна ряду племен североамериканских индейцев, эскимосам. Из нее выделялись украшения и орудия.

Наконец, в первобытную же эпоху использовалось самородное, а именно метеорное, железо. Все древнейшие находки железных изделий в странах древнейших цивилизаций, в Египте, Месопотамии, оказываются сделанными из метеорного, а не из рудного железа. О том же говорит древнешумерское название железа *an-bag* — «огонь с неба». Метеорное железо обрабатывалось издавна эскимосами и североамериканскими индейцами, изготовлявшими из него наконечники для стрел и пр.

Все эти самородные металлы обрабатывались исключительно холодным способом, при помощи каменного топора. Для первобытного человека этот материал был, видимо, не чем иным, как тем же камнем, но лишь мягким, поддающимся обработке путем ударов. Недаром ирокезы называли медь «красным камнем». Дойти до

плавки этих самородных металлов для первобытного человека было еще недоступно. Все эти материалы были все же редкостью, золото и серебро встречаются в слишком мелких количествах и слишком мягки, сравнительно мягка и самородная медь. Таким образом, это первобытное использование холодным способом самородных металлов могло иметь только весьма ограниченные масштабы и не оказало сколько-нибудь значительного влияния на развитие техники. Самородные металлы не могли, конечно, вытеснить камня как основы первобытной техники, но использование их сыграло все же крупную роль первого знакомства человека с металлом, было ранней зарей металлического века.

Начало подлинного века металлов следует вести не от обработки самородного металла холодным способом, а от возникновения выплавки рудного металла, его плавки и далее — горячейковки или литья. Вопрос о возникновении металлургии сводится в основном к установлению места и времени возникновения добычи и обработки отдельных металлов и путей распространения этого искусства в древнем мире. Мнения и утверждения по этому вопросу бесконечно разнообразны, разные авторы помещают родину обработки того или иного металла в различных странах, спорят о датировке сюда относящихся ранних следов металлургии, по-разному истолковывают отдельные археологические находки, много говорят о миграциях, заимствованиях и пр. Широко распространен в буржуазной науке тезис о едином центре возникновения металлургии вообще или обработки того или иного металла, об одном, том или ином, народе, создавшем это искусство, нередко изображаемом в качестве особо одаренного народа, облагодетельствовавшего таким образом все человечество. У расистов таким народом-металлургом окзывается, конечно, мифический «арийский» народ. Все это далеко не так просто и не так вульгарно решается. Возникновение обработки того или иного металла было, теоретически говоря, возможно во всех тех местах, где существовали залежи соответствующей руды, а это относится ко многим странам земного шара. При этом знакомство с самородным металлом, — как мы видели, достаточно широко распространенное, — должно было открыть путь к новому прогрессу в этой области. Остановимся на во-

просе о возникновении обработки двух основных металлов — меди и железа.

Самая ранняя археологическая дата выплавки и обработки рудной меди относится к пятому тысячелетию до н. э. в Передней Азии. Весьма древни также следы выработок на медь и в Средней Азии, в Индии и Китае. В Южной и Срединной Европе выплавка меди возникла в середине третьего тысячелетия до н. э. Самые ранние соответствующие памятники находят на Кипре, бывшем в древности одним и важнейших источников этого металла для Средиземноморья и Европы. Отсюда тождество названия этого острова с названиями меди: латинское *cyprium*, английское *correg*, немецкое *Kupfer*. В различные столь же отдаленные эпохи выработка меди возникла и в других странах. Замечательно, что выплавка рудной меди была знакома в далеком прошлом и некоторым отсталым народам. Такие данные мы имеем для негров Африки и индейцев нынешних штатов Аризона и Новая Мексика в доколумбовскую эпоху. Можно считать, таким образом, что выплавка и обработка меди возникли еще в первобытную эпоху, все раннеклассовые общества Востока уже во всяком случае знали это дело.

Но медь по своей мягкости допускала лишь ограниченное применение: судя по археологическим данным, из нее изготовлялись в ту эпоху ножи и кинжалы, изредка топоры, преимущественно же украшения — браслеты, перстни, шейные привески и пр. Таким образом, применение меди не составило особой эпохи, такой, скажем, как каменный век, почему лишь некоторые археологи говорят об особом «медном веке». Медь, конечно, начала побеждать камень, но вытеснить его все же не могла, так что камень и в эту эпоху продолжал занимать преобладающее место в технике. В силу всего этого данное время часто именуется энеолитом (лат. *aeneus* — «медный» и греч. *litos* — «камень»), иногда халколитом (греч. *chalkos* — «медь»). Решающую победу над камнем одержала бронза, и появление ее знаменует новый, важнейший этап в истории техники.

Бронза представляет собой сплав меди с оловом, причем примесь олова составляет от 3 до 12%. Сплав этот отличается существенными преимуществами перед медью. Бронза значительно тверже, между тем ее

температура плавления ниже меди (температура плавления меди 1050—1330°, бронзы 800—1000°), она отличается химической устойчивостью, хорошей ковкостью, отлично выполняет форму при отливке, дает острые края, наконец, обладает красивым внешним видом. Когда и кем было сделано это замечательное изобретение? Ответа на этот вопрос нет. Можно только заметить, что такая смесь меди и олова встречается в разных местах в самой природе в рудном виде, причем установлено и эпизодическое использование этой «природной бронзы». Древнейшие следы бронзы относятся в Месопотамии к четвертому тысячелетию до н. э., в Египте — тоже к этому времени. В Европе бронза появляется впервые около 3500 г. до н. э. в качестве привозного товара, шедшего через Испанию и Балканы. Редко какая-либо страна обладала счастливым сочетанием меди и олова, и последнее стало одним из важных предметов древнейшего обмена, как и одним из стимулов завоевательных походов.

Бронза стала широко распространенным и основным материалом для выделки орудий, оружия, посуды, украшений. Начался бронзовый век, составивший довольно продолжительную эпоху истории. Впрочем, в различных странах он длился не одинаковое время: на юге Европы до начала первого тысячелетия до н. э., в Скандинавии, где он достиг замечательного расцвета, — до половины первого тысячелетия н. э. В странах древнейших цивилизаций бронзовый век, начавшись в конце первобытной эпохи, заходит в эпоху классового строя на весьма продолжительное время. К бронзовому веку в Западной Европе относятся позднейшие свайные сооружения. Из длинного ряда бронзовых культур Западной Европы особо замечательна лужицкая (от имени древнего западнославянского племени лужичан); культура эта датируется 1300—500 гг. до н. э.; она была распространена на территории Силезии, Польши, Бранденбурга и Саксонии.

Широко представлен бронзовый век на территории СССР. Здесь обнаружено и вновь непрерывно открывается огромное количество памятников, как одиночных, так и группирующихся в особые культуры.

Таковы: ранняя культура этого века — ф а т ь я н о в с к а я (по сел. Фатьяново, близ Ярославля), представ-

ленная могильниками, в которых еще преобладает каменный инвентарь, а бронза редка; как таковая, именуемая так по характерной для этой культуры форме погребения, распространенная от Волги до Днепра; абашевская (по сел. Абашево, под г. Чебоксары), распространенная от Калуги до Уфы, представленная курганами, относящаяся к поздней поре бронзового века; срубная, названная так по характерным для нее деревянным срубам, в которых хоронили умерших.

Замечательная группа памятников бронзового века, открытая в Сибири, известна под названием минусинской культуры. Она делится на две подгруппы, представляющие две стадии бронзового века: андроновскую (по сел. Андронов, близ г. Ачинска), распространенную на обширной территории от Енисея до Яка, датируемую серединой второго тысячелетия до н. э., и карасукскую (по р. Карасук, близ Минусинска), датируемую концом второго — началом первого тысячелетия до н. э. Заслуга исследования этих памятников принадлежит советскому археологу С. В. Киселеву. К бронзовому веку и Средней Азии относятся некоторые слои холма в сел. Анау-Кала в Туркмении, в 8 км от Ашхабада, и ряд других памятников.

Богато представлен бронзовый век на Кавказе. В 1936—1940 гг. советский археолог Б. А. Куфтин открыл и исследовал замечательную цалкинскую культуру — на Цалкинском плоскогорье, в районе Триалетских гор, в 110 км от Тбилиси. Раскопанные здесь курганы содержали исключительные по своему богатству погребения с разнообразным инвентарем, в частности выдающимися по своим художественным достоинствам серебряными и золотыми изделиями. Цалкинская культура датируется первой половиной второго тысячелетия до н. э. Другая замечательная культура Кавказа — кобанская (по месту первых находок, сел. Кобань в Северной Осетии), распространенная в горной и предгорной полосах центральной части Северного Кавказа. Для этой культуры, относящейся к концу бронзового и началу железного века, характерны оригинальные бронзовые топоры, узкие, длинные и изогнутые, и бронзовые булавки, служившие очевидно застежками для бурок. Хронологически кобанская культура относится к рубежу первого и

второго тысячелетий до н. э. Значительный вклад в изучение бронзового века на Северном Кавказе сделали советские археологи А. А. Иессен и Е. И. Крупнов.

Наступление металлургического, в частности и в особенности бронзового, века, представляет мощный подъем в развитии техники и культуры вообще. Не приходится говорить о том, насколько бронзовые изделия, бронзовые орудия, оружие, утварь, украшения выше и совершеннее неолитических, каменных. Сопоставление того и другого наглядно показывает, какой колоссальный прогресс знаменует данный рубеж.

Новый этап в истории металлургии и новый мощный подъем в развитии техники и культуры составил возникновение выплавки и обработки железа. Начался железный век. Железо — наиболее распространенный в мире металл. По своим качествам, в частности по своей твердости, оно как материал для орудия и оружия значительно превосходит бронзу. Зато выплавка чистого железа гораздо труднее, чем выплавка всякого иного металла: его температура плавления — 1530° . Однако железо обладает той особенностью, что оно начинает восстанавливаться уже при температуре всего $700-800^{\circ}$. Правда, железо при этом не плавится, не дает жидкого и чистого металла, а обращается в тестообразную губчатую массу, смешанную со шлаком, так называемую крицу, материал, конечно, далеко не совершенный для обработки в изделия. Получение такой крицы возможно самым примитивным способом, начиная с простого костра. С этого человечество и начало выработку железа. На протяжении первобытной эпохи создались более усовершенствованные способы выработки железа, в более совершенных печах, дающих больший и более чистый выход металла. Все же это была не подлинная выплавка, дающая чистое железо в расплавленном, жидком состоянии, а скорее «варка» железа, как и выражались в древней Руси. Большое значение имело здесь дутье, производившееся при помощи ручных мехов (дутье — древнерусское «дмение», откуда *домница*, *домна*; отсюда же «надменный», т. е. «надутый»). Этот примитивный способ выплавки крицы с нагнетанием «сырого», а не подогретого, как стали делать впоследствии, воздуха получил название *сыродутного*.

Вопрос, где и когда впервые возникла выплавка железа, вызвал особое внимание и особенно много споров, причем вновь находимые археологические памятники заставляли переносить соответствующее место из страны

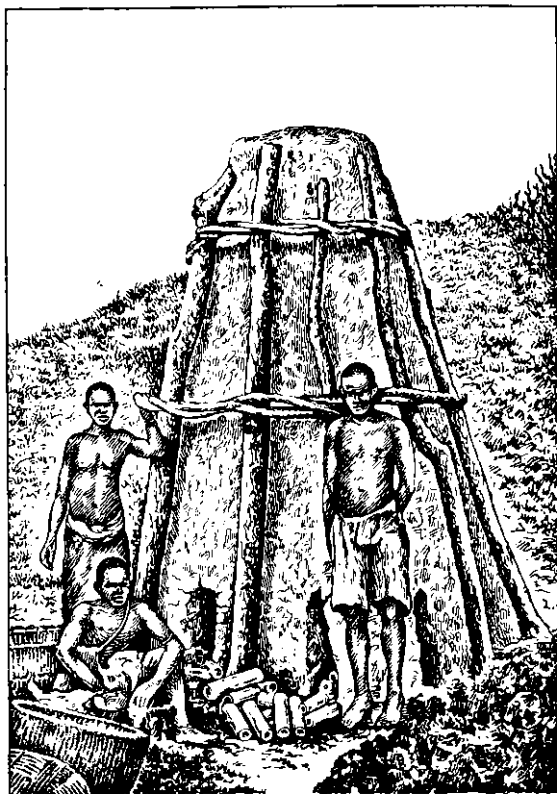

Рис. 45. Железоплавильная печь негров Танганьики

в страну и изменять дату. Так, «родина» металлургии железа помещалась в Египте, в различных местах Передней Азии, на Кавказе и в Закавказье, в Китае и пр.

В 1902 г. немецкий ученый Феликс Лушан выступил с утверждением, что первыми изобретателями выплавки

и горячей обработки железа были негры, от которых это искусство заимствовали другие народы, так что из Африки металлургия железа перешла и в Западную Европу. Этот взгляд вызвал горячие споры. Археологические раскопки, производимые в последнее время в Африке, дали большой новый материал, указывающий во всяком случае на то, что горячая обработка железа была широко распространена в Африке в весьма отдаленном прошлом. Замечательный в этом отношении археологический памятник представляет собой пещера Мумбва в Северной Родезии, где наряду с неолитическим инвентарем найдены остатки печи для выплавки железа и железные наконечники для стрел. Датируется этот памятник вторым тысячелетием до н. э., хотя такая датировка и представляется спорной. Этот и ряд других памятников говорят так или иначе о том, что в некоторых местностях негры переходили от неолита прямо к железу.

Существующие показания о возникновении металлургии железа в странах древнейших цивилизаций в конце концов сводятся к тому, что достоверные следы выплавки и обработки рудного железа в Передней Азии, в Египте и на Востоке вообще относятся ко времени не раньше 1300 г. до н. э. Если это так и если верна датировка вторым тысячелетием упомянутой пещеры Мумбва, то выходит, что первенство в изобретении металлургии железа, возможно, действительно принадлежит неграм.

В Западной Европе железный век начался около 1000 г. до н. э. Ранняя пора западноевропейского железного века наиболее выразительным образом представлена гальштатской культурой (от гор. Гальштат в Австрии), распространенной в Австрии и сопредельных землях. В этой культуре еще в значительной мере фигурируют бронзовые изделия. В более поздней, латенской культуре (от названия залива на Невшатальском озере в Швейцарии) бронза дает уже только украшения и предметы роскоши, орудия же и оружие сделаны из железа. Ранние памятники этой культуры датируются V в. до н. э., наиболее поздние относятся к началу н. э. Латенская культура представлена многочисленными памятниками, распространенными от запада Франции до Венгрии и от Испании до Скандинавского полуострова, — городищами, могильниками, кладами и пр. Вероят-

ным создателем этой культуры была одна из древнейших народностей, сложившихся в Европе,— кельты.

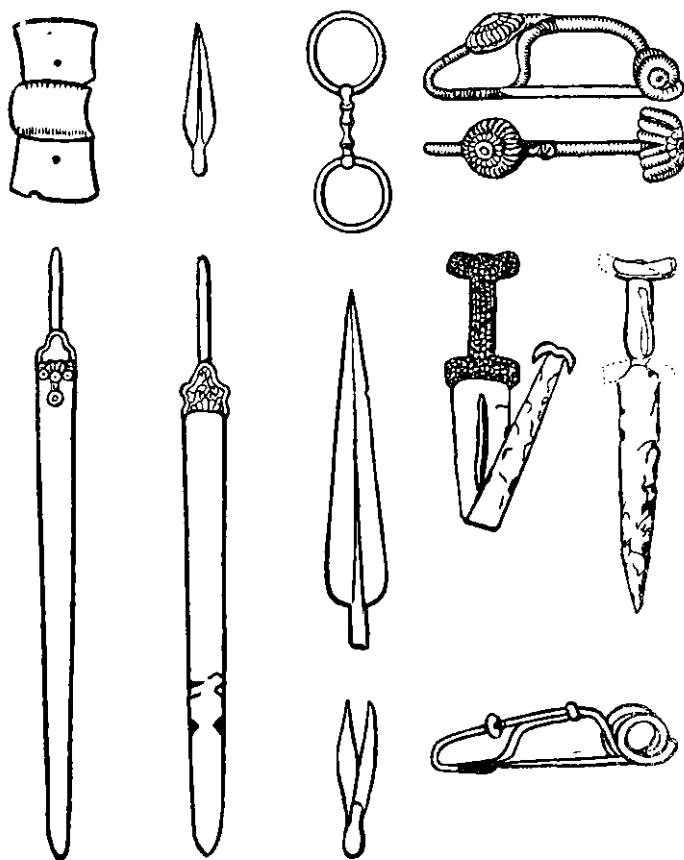

Рис. 46. Латенские изделия

Железный век на территории СССР начинается с IX в. до н. э. Одна из ранних культур этого века — дьяковская (от сел. Дьяково, на правом берегу Москвы-реки, в 10 км от Москвы) — представлена группой городищ, расположенных между Окой и Волгой.

Древнейшее из них — Каширское, близ г. Кашира, на Оке, датируется VII—V вв. до н. э. Одну из характерных черт этой культуры составляют находимые здесь в большом количестве кости лошади, что говорит о развитии коневодстве, возможно и об употреблении в пищу конины.

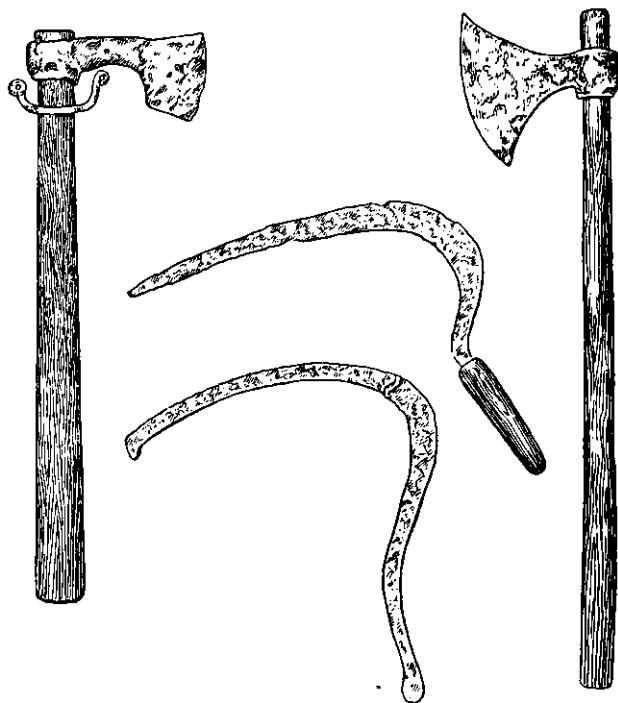

Рис. 47. Славянские и финские железные топоры и серпы

Ананьинская культура (по сел. Ананьино, на Каме, близ Елабуги, в Татарской АССР), исследованная советским археологом А. В. Збруевой, распространена по Каме, Вятке и Белой, представлена преимущественно могильниками, частично городищами, датируется VII—II вв. до н. э. Ананьинскую культуру сменила на Каме пьяноборская (от названия селения на Каме — Пьяный бор), исследуемая в последнее время советским археологом А. П. Смирновым, обнимающая период от

II в. до н. э. до V в. н. э., представленная в свою очередь могильниками, инвентарь которых свидетельствует, что в это время железо уже окончательно вытеснило здесь бронзу.

К железному веку относится, далее, богатейшая и разнообразнейшая скифская (скифо-сарматская) культура, представленная рядом памятников на юге европейской части СССР, распространенная и на более широкой арене, в частности в Сибири. Культура эта замечательна в особенности пышными курганными погребениями, отражающими глубокое общественное расслоение. В высочайшей мере интересна также относящаяся к железному веку, исследованная преимущественно советским археологом С. И. Руденко горно-алтайская культура, датируемая временем от VII до IV в. до н. э. Ряд памятников этой культуры сохранился исключительно хорошо благодаря вечной мерзлоте. Горно-алтайская культура характеризуется высокоразвитым пастушеским скотоводством, с разведением различных видов мелкого и крупного скота, и коневодством. И здесь обнаружены богатые курганные погребения знати, с инвентарем, содержащим драгоценные изделия иноземного происхождения.

В Южной Сибири железный век известен, в частности, по тагарской культуре (от озера Тагарского, близ Минусинска), датируемой периодом от VII до II в. до н. э., исследованной С. В. Киселевым. В этой культуре примечательны оросительные каналы протяжением в 15—20 км.

Возвратимся теперь к вопросу о месте и времени возникновения металлургии. Мы должны вновь решительным образом отвергнуть совершенно ненаучный и по сути дела реакционный домысел буржуазных авторов о якобы единой «родине» металлургии и якобы гениальном «народе-металлурге», «народе-изобретателе», «облагодетельствовавшем» человечество. При охарактеризованных выше географических и исторических условиях металлургия, и притом не металлургия вообще, а обра-

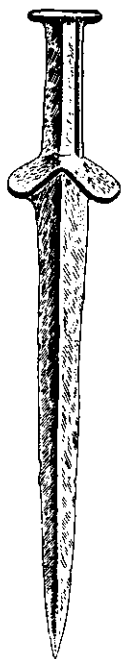

Рис. 48.
Скифский
железный
меч—акинак

ботка тех или иных определенных металлов, могла возникнуть и возникла в действительности не в одном только мифическом «центре», а в ряде мест, создаваясь независимо различными народами, делавшими каждый свой

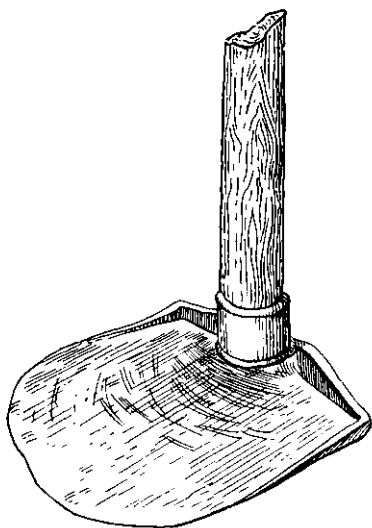

Рис. 49. Среднеазиатский кетмень

вклад в общий прогресс культуры. Очаги более раннего или более позднего возникновения обработки отдельных металлов лежат в ряде местностей и Малой Азии, и Передней Азии, и Закавказья, и Средней Азии, и Урала, и Дальнего Востока, и в ряде мест Западной Европы и, наконец, Африки. Даже в Восточной Европе, где не было горной железной руды, издревле добывалась и обрабатывалась широко распространенная здесь болотная, озерная и дерновая руда. Не знала железа доколумбовская Америка. Не следует

только, как это делают некоторые авторы, возглашать о наступления того или иного металлического века в той или иной стране, датируя это по какой-либо единичной находке, а лишь с того времени, когда данное производство сделало более или менее массовым и стало играть определенную хозяйственную роль.

Переход к металлическому веку был одним из могущественных факторов подъема производительных сил, но одновременно и само это событие было одним из выражений этого подъема, было возможно лишь на определенном уровне развития производительных сил и развития общества. Это положение объясняет тот на первый взгляд странный факт, что, используя самородные металлы, человек мог их обрабатывать только холодным способом, но не изобрел их плавки.

Возникновение выплавки и обработки железа было новым и завершающим этапом развития металлического века. Железо победило бронзу. В целом, наступление металлического века произвело глубокий, своего рода революционный переворот в истории первобытного общества. Это относится прежде всего к технике, а затем и ко всей культуре. Совершенно ясно, какое значение имела замена каменного орудия и оружия, либо их частей металлическими, сначала медными и бронзовыми, затем железными. Достаточно упомянуть о появлении металлического плуга. Одну из характерных черт бронзового века составляет исключительное развитие оружия. Здесь впервые появляются новое, дотоле неизвестное оружие — меч, появляются различные виды металлического защитного доспеха — шлем, латы, щит и пр. В ту же эпоху появляется впервые и боевая колесница с бронзовыми частями. Развитие оружия в бронзовом веке, с одной стороны, основывается на прогрессе техники, в частности именно металлургии, с другой стороны — неразрывно связано с развитием общественных отношений и в ту пору происходящим развитием войны.

Крупнейшее значение имели металлы для развития посуды и утвари, развития кухни и домашнего хозяйства. Металл усовершенствовал колесо, дав ему сначала бронзовый, затем железный обод.

Применение металлов вместе с общим подъемом техники естественным образом сказывается на всех отраслях производительной деятельности.

Это особенно сказывается на земледелии, получающем металлический плуг. Одновременно в ту пору повышаются и иные технические формы обработки земли: прогрессирует плодопереманная система, внедряется удобрение, происходит отбор наилучших участков земли и дифференциация их на пашню, пастбище и луга.

Новая техника проникает и в область огородного дела. С появлением металла прогрессирует и мотыга, давая такую, например, совершенную ее форму, как среднеазиатский «кетмень». Своего рода чудо первобытной огородной техники представляют собой «чинампа» — пловучие огороды древнего Мексико. Это были плоты, которые сооружались на озере из дерева и сплетенного тростника и прикреплялись веревками к вбитым в дно озера, либо к бе-

регу, сваям. На плоты наносился слой земли, смешанной с илом, и в него сеялись овощи: томаты, бобы, тыквы, сладкий картофель и пр. Большие любители цветов, древние мексиканцы разводили здесь и цветы. Замечательное преимущество этих пловучих огородов заключалось в том, что они не нуждались в искусственном орошении, ибо постоянное соприкосновение с водой давало им достаточно влаги и, вместе с плодородием искусственно созданной почвы, обеспечивало быстрые и обильные урожаи. Центр древнего Мексико, Теночтитлан, находившийся на небольшом острове, был окружен множеством таких огородов.

Развивается и скотоводство. В благоприятной географической среде скотоводство у отдельных племен становится ведущей отраслью хозяйства, вытесняя земледелие. Однако развитие скотоводства в специальную отрасль хозяйства требует особых условий, в первую очередь просторных естественных пастбищ. При таких условиях на данной стадии развитие полевого земледелия и скотоводства приводит к их дифференциации и разделению. Возникают два в известной мере расходящихся пути развития хозяйства и вместе с тем всей культуры, два исторических типа культуры — земледельческий и скотоводческий. Однако и наряду с тем скотоводство всегда в той или иной мере сочетается с земледелием, как и земледелию далеко не чуждо бывает разведение домашних животных.

Вопреки довольно распространенному, но неправильному мнению, скотоводство вовсе не обязательно связано с кочевничеством. Даже в своем высокоразвитом виде оно при благоприятных географических условиях, либо при благоприятном сочетании таких условий нередко вполне уживается и с прочной оседлостью. Несомненно позднюю форму составляет подлинное кочевое скотоводство, сопряженное с типично кочевым образом жизни самих скотоводов.

Специальную форму разведения животных составляет коневодство. Оно возникает, однако, очень поздно. Первоначально — так было в Месопотамии — лошадь использовалась только как ездовое животное, в особенности для упряжки в боевую колесницу. Применение лошади в земледелии было вообще крайне ограниченным. Наконец, у скотоводов лошадь и коневодство появились в результате сравнительно позднего заимствования.

Подъем производительных сил, развитие основных отраслей производительной деятельности и развитие обмена — все это оказывает решающее влияние на развитие ремесла в его различных видах. В среде общины все более выделяются отдельные личности в качестве специалистов в том или ином производстве. Обслуживая других членов общины, эти специалисты обменивают свои изделия на другие потребные им блага. Развивается обмен внутри общины. Знания и опыт в области какого-либо производства становятся принадлежностью целой семьи, передаются по наследству, и данная отрасль ремесла становится наследственным семейным занятием. Особое значение приобретает, конечно, обработка металлов, литейное и кузнечное дело. Кузнец становится одним из видных членов общины и пользуется особым почетом. У многих народов с личностью кузнеца соединяется представление о мудрости и чуть ли не священности. В древней Руси кузнец был одновременно знахарем, считался колдуном, человеком, который может определить судьбу, «сковать счастье» и пр.

Большой высоты достигает в эпоху бронзы и раннего железа керамика, дающая, в частности, разнообразные, изысканной формы сосуды, художественно орнаментированные.

Как ни примитивен и несложен снаряд, сообщающий гончарному изделию правильную округлую форму,— гончарный круг, стол или станок,— он появился, повидимому, только в классовом обществе. Усовершенствуется и состав гончарной смеси и обжиг изделий, но окончательно ликвидирующая пористость глины глазурь возникает, повидимому, опять-таки только в классовом строе.

Более благоприятную почву для своего развития имеет ремесло у оседлых земледельцев, чем у кочевников-скотоводов. Поэтому именно у первых специалисты-ремесленники начинают выделяться в особую общественную группу, кладя начало будущему ремесленному сословию. Так в конечном счете зарождается новое явление в развитии общества — отделение ремесла от земледелия. Одновременно углубляется и иной, уже раньше наметившийся путь ремесленной специализации: основываясь попрежнему на местном сырье, развиваются общинные или племенные ремесла.

Подъем производительной деятельности приводит к возникновению излишков. Труд человека дает теперь в отдельных отраслях большее количество продуктов, чем это необходимо для удовлетворения собственных потребностей человека. Излишки дают новую обильную пищу для развития обмена.

Говоря выше о начальных стадиях развития хозяйственного обмена, мы остановились на том его этапе, когда, с одной стороны, обе обменивающиеся стороны получают путем обмена блага, непосредственно им потребные, с другой стороны, в обмене отсутствует еще понятие стоимости. С ростом производительных сил, с развитием и специализацией производства такое положение, при котором обе стороны обладали бы тем, что каждой из них в данное время необходимо, становится редкостью, иногда даже лишь случайностью. Между тем в обменном обороте циркулируют и выделяются такие сравнительно редкие блага, которые оказываются в большей или меньшей мере всегда и всем нужными, — ряд предметов, пользующихся обычным и постоянным спросом. При таких условиях данная сторона готова принять в обмен не то, что ей сейчас непосредственно требуется, а такой другой предмет, который всегда находит себе спрос и сможет быть обменен на нужное. Так возникают орудия обмена, т. е. предметы, принимаемые в обмен не для непосредственного удовлетворения потребности, а для последующего обмена на нужное. Единый акт натурального обмена распадается отныне на два акта, две сделки: купли и продажи, и орудие обмена выступает здесь в новом качестве — в качестве товара-посредника и платежного средства.

С развитием труда возникает и входит в обмен новый влиятельный его элемент — понятие стоимости, глубоко преобразующий обмен. Теперь уже обменивающиеся стороны руководятся не только общим соображением о потребном, но учитывают и сравнивают обмениваемые ими блага с точки зрения их стоимости, учитывают вместе с тем количество и качество обмениваемых предметов. В обмен входит требование равной стоимости, или, как выражаются в политической экономии, эквивалентности обмениваемых предметов. Такой эквивалентности при натуральном обмене достигнуть, конечно, нелегко. Проще всего, если обмениваются непосредственно два по-

требных сторонам одиночных предмета примерно равной стоимости. В малоразвитом обмене и обращается обычно ряд вещей или предметов, всегда идущих в обмен один на другой. Например, копые обменивается на горшок, курица — на мешочек соли и т. д. Если одна сторона дает предмет большой стоимости, то либо число или количество вещей, предлагаемых другой стороной, увеличивается, либо в обмен идет целый набор различных вещей.

С дальнейшим развитием обмена в обороте выделяется такой предмет, который соединяет в себе качества и функции и орудия обмена, и м е р и л а стоимости. Появление такого предмета — новый крупный этап в развитии обмена. В первобытном обороте обычно фигурируют несколько таких предметов. Они могут, конечно, сами и не участвовать в конкретных сделках обмена, играя лишь абстрактную роль. Но особые качества таких предметов делают то, что они становятся ходячими реальными платежными средствами, своего рода предметными деньгами. Такими предметными деньгами в первобытную эпоху, как и у современных отсталых народов, служили и служат в особенности раковины, различные изделия, определенные количества некоторых вещей, например мешочки соли и т. д. Весьма распространенными «живыми деньгами» был рогатый скот, верблюды, овцы, лошади. Отсюда в ряде языков слово скот стало обозначать «деньги». В Киевской Руси скот значило «деньги», скотница — «казна», а скотолобие — не что иное, как любовь к деньгам, стяжательство. Латинское *rescipia*, «деньги», происходит от *rescis*, «скот». Санскритское слово *гира* значит «скот», откуда современное название денежного знака в Индии — рупия.

С распространением металлов они, естественно, становятся особо ходкими предметными деньгами, фигурируя либо в виде слитков, брусков, прутьев и проволоки, либо в виде изделий, например колец, топориков. Предметными деньгами становятся мешочки золотого песка, но наибольшее значение по своим совершенно исключительным качествам приобретает золото в слитках. Вместе с металлами-деньгами необходимой принадлежностью обмена становятся весы. На металлические слитки наносятся клейма, удостоверяющие чистоту металла и вес слитка. Чтобы воспрепятствовать отрезанию от слитка,

этими клеймами покрывают всю его поверхность. Отсюда недалеко и до возникновения монеты.

Усиливается значение и мест встречи для обмена между различными племенами или различными общинами — базаров и соответствующих мест для обмена в среде одной большой общины — рынков. Активными участниками этих мест обмена оказываются женщины. Наряду с тем развивается и индивидуальная торговля. Отдельные лица — здесь выступают обычно мужчины — специализируются в качестве путешествующих проводников обмена, посещая соседние, а иногда и довольно отдаленные общины и племена. Особую помощь оказывают таким лицам их дружеские связи, узы гостеприимства. Так появляется на экономической и общественной арене новый, со временем приобретающий громадное значение персонаж — гость-купец. Отсюда-то славянское гость, по своему первоначальному значению — «чужой», становится названием гостя, затем торговца, купца. Отсюда г о с т ь б а или г о с т и т в а — «торговля», отсюда же «гостинный двор» — особое место для проживания и торговли гостей-купцов.

Существует еще одна очень своеобразная форма примитивного обмена — н е м о й о б м е н, или немой торг. Состоит он в том, что обе обменивающиеся стороны не только не встречаются одна с другой, но зачастую друг друга даже не видят, а выкладывают предлагаемые ими товары на установленном по обычаю месте и, если они удовлетворены предложенным в обмен, забирают и удаляются, если недовольны, то путем условных знаков требуют добавки. Немой обмен выставляется иногда в качестве самой ранней формы обмена. Это неверно. Данная форма возникает сравнительно поздно, когда обмен теряет свой первоначальный мирнодружественный характер, но продолжается по необходимости и тогда, когда стороны находятся во враждебных отношениях и имеют основание бояться друг друга. Преимущественно же немой обмен наблюдался в таких случаях, когда обмен велся между сторонами, из которых одна стояла на значительно более высокой ступени развития. Так, немой обмен широко практиковался сначала арабскими, затем европейскими торговцами в эпоху колонизации.

Глава девятая

РАСПАД ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

Распад большой патриархальной семьи и возникновение малой семьи. Возникновение частной собственности. Положение женщины. Покупной брак. Возникновение рабства. Распад родовой общины. Распад племени. Кровная месть и система выкупов. Племенной вождь и его дружина. Военная демократия. Возникновение войны-грабежа. Возникновение богатств. Соседская община. Земледельческая и скотоводческая культура. Образование народностей, судьба расы. Прогресс и отсталость. Духовная культура эпохи. Жречество. Возникновение государства

Общий подъем производительных сил, наступление века металлов, развитие всех отраслей производительной деятельности и развитие на этой почве торгового обмена и ремесла — все это с железной необходимостью влечет за собой глубокие изменения в недрах самого общества, все это приводит к решительному распаду первобытно-общинных форм и отношений.

Процесс этот естественным образом локализуется прежде всего в основной ячейке развитого патриархального общества — большой семье, которая испытывает на этом этапе глубокое превращение. Ее первобытно-общинные основы — коллективизм и демократизм разрушаются, она изменяется как в существе, так и в структуре.

В связи с расширением и усложнением хозяйственной деятельности семейной общины, в частности с ее вовле-

чением в торговый обмен, вырастают роль и значение управителя семейного хозяйства — главы семьи, который стремится теперь стать единоличным и полным распорядителем этого хозяйства и всего семейного имущества. Вырастает и личная власть «большака» над всеми членами семьи. Однако такую же тенденцию к хозяйственной самостоятельности и независимости проявляют на данном этапе и другие взрослые женатые мужчины семьи, которым усердно вторят их жены.

Еще со времени парного брака и затем с возникновением моногамии в составе большой семейной общины созревает и постепенно дифференцируется новая общественная ячейка — индивидуальная, или малая, семья, состоящая только из родителей и их детей. Эти входящие в большую семью малые семьи начинают на данном этапе создавать свое отдельное хозяйство и имущество, становятся отдельной, если не производящей, то потребляющей хозяйственной единицей.

Решающее выражение получает этот процесс распада семейной общины в образовании новой великой экономической силы — частной собственности.

Буржуазная наука немало усилий потратила в попытках ответить на вопрос, как возникла частная собственность. Не будем останавливаться на бесконечных взглядах и «теориях» по этому вопросу. Основная мысль реакционного крыла буржуазной науки сводится здесь к утверждению изначальности, «естественности» и пр. частной собственности. Для этого частная собственность приписывается уже животным, для этого личное владение и распоряжение каким-либо украшением, каким-либо копьем сводится к «частной собственности». Мы знаем, действительно, что уже у самых отсталых племен отдельные предметы личного пользования, оружие, украшения, находятся в индивидуальном обладании, причем, кстати сказать, вещи эти в семейной среде или при дружеских отношениях часто легко переходят из рук в руки, одалживаются, обмениваются. Все это представляет собой личную собственность, которую надо резко отличать от частной собственности, выражающейся в присвоении отдельными лицами орудий и средств производства и создающей новые, особые производственные, общественные отношения. Частная собственность налицо тогда, когда на ее

основе возможно создание того, что называется прибавочным продуктом, что способно дать место эксплуатации человека человеком. Вопрос, что явилось первым в истории объектом частной собственности,— весьма сложный. Иногда таковым считают скот. Однако были народы, совершенно не знавшие не только скотоводства, но и вообще разведения домашних животных, между тем частная собственность у них возникала и существовала. Нет сомнения, что скот действительно стал первым объектом частной собственности у развитых скотоводов, причем сделался таковым раньше, чем земля. Но наибольшее историческое значение в развитии производственных отношений всего человечества имело все же возникновение частной собственности на землю, сразу порождавшей и частную собственность на все основные средства производства, скот, орудия труда и пр.

Внешний процесс образования частной собственности на землю идет весьма сложным путем. Он начинается с того, что отдельные семьи противятся переделу земли, удерживают и закрепляют за собой полученные ими наделы, которые становятся таким образом первоначально, как указывает Энгельс, отдельной собственностью глав семей. Отражая развитие экономических отношений, идущее вне семьи, во всем обществе, и проникаясь частнособственническим духом, эти главы, основываясь на своей роли распорядителя хозяйства семьи, обнаруживают стремление обратить все общесемейное имущество в свою частную собственность и на этой основе подчинить себе всех членов семьи, создать в семье новые производственные отношения. Стремление это остается все же лишь тенденцией усилившегося «большака», тенденцией, не получающей осуществления, доколе существует семейная община, являющаяся в своем существе носительницей общинного, коллективистического начала. Указанная тенденция «большака» встречает поэтому противодействие со стороны всех членов большой семьи, в особенности глав малых семей, которые, с другой стороны, проникаясь в свою очередь частнособственническим началом, и сами стремятся стать частными собственниками своего имущества, своей доли в общесемейном имуществе, иметь свои личные заработки, вести самостоятельно торговлю, распоряжаться членами своей индивидуальной семьи и т. д.

Возникает глухая борьба между «старшими» и «младшими», между большой и малой семьей, борьба упорная, длящаяся поколениями, вконец разрушающая семейный демократизм.

Глубокие противоречия, создавшиеся таким образом в семейной общине, разрешаются в конце концов ее распадом, выделом отдельных малых семей или полным разделом большой семьи, вместе с разделом всего имущества. Малая семья взрывает большую, становится на ее место основной хозяйственной и общественной ячейкой. Малая семья возникает тогда, когда развитие производительных сил создает возможность существования индивидуального семейного хозяйства. Вместе с тем именно малая семья становится воплощением частной собственности, а ее глава — выразителем частнособственнического начала, единоличным, полным и бесконтрольным владыкой семейного имущества, труда и личности как своей жены или своих жен, так и своих детей.

Частная собственность и вместе с тем сама малая семья получают могущественное подкрепление со стороны новой экономической и общественной силы — наследования имущества. Имущество отца переходит по наследству к его детям, соответственно патриархальному началу — преимущественно его сыновьям.

Описанный процесс распада семейной общины идет у некоторых народов, в зависимости от особых экономических и исторических условий, замедленным темпом, и патриархальная семейная община с большой стойкостью сохраняется наряду с тем, что отдельные семьи уже подвергаются разделу. Таким образом, в данном обществе на данном этапе могут существовать одновременно и большие и малые семьи. С другой стороны, малые семьи, оказываясь еще слишком слабыми в качестве самостоятельных хозяйственных и общественных единиц, размножаясь не делятся, а в свою очередь разрастаются в большие, правда все же меньшего размера. Отметим, кстати, что в буржуазной литературе большая семья неизменно изображается в качестве продукта размножения исконной малой семьи и исторически более поздней формы. На деле, как мы видели, процесс идет обратным порядком: малая семья является продуктом распада большой семьи, представляет собой общественно-историческую форму гораздо

более позднюю, а образование большой семьи из размножения малой — явление вторичное.

И на данном этапе, в силу еще относительной слабости не только малой, но и большой семьи, отдельные родственные семьи сохраняют между собой в различных отношениях связь, образуя патронимию, которая, таким образом, может теперь состоять и из больших, и из малых семей, либо только из малых. Патронимия в свою очередь сохраняется с исключительной стойкостью. Она по-прежнему иногда образует отдельное селение, в больших селениях — улицы, «концы» или кварталы. Такие родственные кварталы селений — явление весьма широко распространенное, сохраняющееся у многих народов. Патронимия играет и теперь немаловажную экономическую и общественную роль, в частности в области землевладения и землепользования, и сохраняется даже с полным распадом родового строя, когда она остается все еще обусловленным, более широким, чем семья, родственным производственным коллективом, — последней формой воплощения родового, частично и общинного, начала.

В распаде патриархального строя вместе с преобразованием семьи изменяется и положение женщины. Если сначала в патриархальной семье сохраняются еще элементы матриархата и вместе со «старшей» — главой большесемейной общины все взрослые женщины сохраняют и свой авторитет, и свою имущественную и личную самостоятельность, то в дальнейшем, и в особенности в малой семье, женщина утрачивает все свои права. Хозяйственное значение труда мужчины, занятого в основных отраслях производительной деятельности, все растет. Наряду с тем, вместе с развитием и дифференциацией домашнего хозяйства, труд женщины все более поглощается лишь работой по дому. Все это определяет общественную судьбу женщины. Довершает эту судьбу возникновение брака - покупки. Семья-хозяйство рассматривает каждого своего члена как трудовую силу. Поэтому, отпуская женщину в замужество, ее семья требует соответствующей компенсации. С развитием торгового обмена трудовая стоимость женщины получает свое денежное выражение, возникает «цена женщины».

Эта цена — славянское вено, калым монгольских и тюркоязычных народов — оплачивается первоначально

набором различных вещей, впоследствии, впрочем редко,— деньгами.

Покупной брак получает свое образное, «игральное», выражение в свадебном обряде, который приобретает в некоторых своих церемониях характер инсценированной торговой сделки. Сват становится «купцом», невеста — «товаром». Важнейшими актами свадебного цикла становятся теперь «смотрины», приобретающие характер осмотра покупаемой женщины, и акт формального заключения брака, приобретающий в свою очередь характер заключения торговой сделки. Невестина сторона обязуется на смотринах объявить все недостатки невесты, в противном случае брак может оказаться недействительным, либо условленная цена уменьшена. «Добрый вечер вам, сваты,— говорил в старину на смотринах отец невесты у белорусов;— веду вам товар, не слепой, не хромой, дай бог и мне такой». Наряду с покупкой на наличные возникает и покупка невесты на выплату, причем в тот или иной момент, обычно по уплате половины калыма, жених получает право на супружеские отношения, но лишь с полной выплатой жена переезжает в семью мужа. Другая форма — отработка жены личным трудом жениха. Здесь любопытным образом сливается и пережиток матрилокального поселения, и слагающаяся уже в новых условиях трудность уплаты обычно довольно большой суммы калыма. Высота калыма и во многих случаях непосильность его выплаты порождают новую вспышку похищения женщин, правда, обычно с согласия самой похищаемой. Практикуется и обмен невестами между двумя семьями — форма, опять-таки, с одной стороны, лежащая в архаическом прошлом и связанная с групповым браком, с другой стороны, находящая себе новое основание в том, что таким путем избегают уплаты калыма. Покупной брак меняет и характер приданого. Нередко оно бывает равно калыму и идет в собственность мужу, затем оно почти отмирает, чтобы впоследствии вновь возродиться в качестве приданого к невесте, обладающей недостатками, больной, некрасивой.

Покупной брак создает почву для развития и широкого распространения многоженства. Состоятельный человек может купить себе несколько жен, и такими многоженцами являются в первую очередь главы больших

семей, патриархи. Несостоятельные, младшие мужчины должны довольствоваться одной женой. При многоженстве первая жена всегда остается главной, старшей, следующие часто находятся в ее подчинении.

На данном этапе развития семьи создается новая идеология брака. Брак становится обязанностью, долгом, ибо путем брака укрепляется хозяйственная сила семьи: он приносит и новых работниц-жен и является условием продолжения хозяйства в новых поколениях. Отсюда осуждение холостячества и особое положение «старой девы». Новая идея брака ставит еще раз новые требования перед женщиной. Она должна приносить потомство. Бездетность покрывается позором, плодоносность и многодетность — основание для почета. Чисто хозяйственный взгляд на женщину отражается и на размере калыма: здоровая, уже доказавшая свою плодоносную способность женщина оценивается выше.

Между тем новая рабочая сила начинает играть все усиливающуюся роль как в большой, так и в малой семье. Это — рабы. Начальным источником рабства являются междуплеменные столкновения и взятие в плен. Выше мы говорили о положении пленников на ранних этапах истории первобытного общества. Сейчас, с развитием производительных сил, с развитием торгового обмена, с ростом семьи как хозяйства, возникает возможность использования труда пленников, становящихся рабами. Отныне труд рабов используется не только для удовлетворения непосредственных потребностей собственника, но и для производства товаров. При этом, однако, хотя труд раба и эксплуатируется, хотя на рабов возлагают наиболее тяжелые работы, все же положение рабов еще остается сносным, рабы пользуются имущественными и некоторыми личными правами. К тому же за жестокое обращение с рабом хозяину грозит месть со стороны родичей раба, сохраняется возможность и выкупа раба из неволи. С развитием хозяйственных отношений внутри общины возникает новое экономическое явление — имущественный и даже денежный (в предметно-денежной форме) заем. Неоплата займа ведет к личной зависимости и кабале. Так возникает новый источник рабства, к которому присоединяется и купля-продажа.

Надо сказать, что рабство свойственно не только

патриархату на описываемой стадии его развития. Не чуждым рабства оказывается, судя по этнографическим примерам, и развитой распадающийся матриархат. В этих случаях женщины-рабовладелицы весьма широко используют рабский труд как в домашнем хозяйстве, так и в полевых работах, и рабство в развитом матриархате в значительной мере определяет личное положение свободных женщин.

Рабство в распадае первобытно-общинного строя иногда достигает значительного развития. Судя по этнографическим данным, у отдельных народностей, например у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, рабство играло довольно крупную роль в хозяйстве. И все же рабство в ту пору еще не является системой хозяйства, еще не обращается в особый способ производства. Поэтому рабство данной поры было названо Марксом п а т р и а р х а л ь н ы м, в отличие от того, чем рабство становится в дальнейшей истории общества.

Так произошло величайшее событие в истории человечества, событие, которое явилось, по формулировке Энгельса, п е р в ы м р а з д е л е н и е м о б щ е с т в а н а к л а с с ы: свободных и рабов. В недрах распадающегося первобытно-общинного строя вырос мощный зародыш будущего классового строя.

Охарактеризованные нами сложные условия, которые окружали патриархальную семью и проникали в ее среду, были, естественно, не одинаковы в различных случаях, могли быть и более и менее благоприятными, а иногда и совсем неблагоприятными. Отдельные семьи стали значительно различаться по своему благосостоянию. Большие семьи, как правило, были более зажиточны, малые — беднее. Лишь с течением времени, преимущественно на основе торгового обмена, отдельные малые семьи становились в свою очередь зажиточными. Так возникла имущественная дифференциация различных семей в среде одного рода, первобытное равенство родовой общины дало глубокую трещину, впервые возникло и м у щ е с т в е н н о е н е р а в е н с т в о. Так, вслед за разделением общества на классы свободных и рабов, зарождается, как это было указано Энгельсом, новое разделение общества на богатых и бедных.

Происшедшая в недрах рода имущественная диффе-

ренциация не может, естественно, не сказаться на судьбе рода как первобытной общины, не может не вести к распаду и этой общины. Однако процесс здесь идет своеобразным, исполненным противоречий путем. В основе этого своеобразия лежит то, что родовая община остается все же и после возникновения частной собственности владельцем принадлежащей ей на коллективных основаниях части родовой земли. Это обуславливает сохранение ряда первобытно-общинных отношений и родового демократизма. А между тем происшедшая дифференциация дает место борьбе между бедными и богатыми, дает место новым отношениям зависимости. Возникает богатая и влиятельная верхушка рода. Большое значение имеет здесь старшинство. Но подлинное старшинство подменяется богатством. Богатые приписывают себе старшинство, «знатность».

Противоречивое действие указанных начал сказывается и в управлении родом. Как совет рода, состоящий из старших членов или глав семей и патронимий, так и глава рода являются, с одной стороны, представителями старых родовых традиций, родового коллективизма и демократизма. С другой стороны, все они принадлежат теперь преимущественно к богатой верхушке рода, все они представляют новые, частнособственнические интересы своей группы. От того, какое из этих начал оказывается сильнее, зависит устойчивость родовой общины, судьба рода. Род и патронимия все же остаются устойчивыми формами первобытно-общинного строя, гораздо более, чем семья, стойкими хранителями первобытных начал.

Эта борьба различных начал сказывается еще в одной форме. Старики берут на себя функции толкования и применения обычаев, а вместе с тем и функции суда. В этой связи старые обычаи фиксируются, приводятся в известную систему, передаваясь из поколения в поколение. Так возникает обычное право, которое и несет на себе печать двойственности, свойственной родовому обществу на данном этапе его истории. Это обычное право, с одной стороны, стремится зафиксировать и сохранить старые родовые нормы, с другой стороны, непреодолимо становится выражением новых, разрушающих родовую общность начал частной собственности, общественного расслоения и власти.

Та картина распада первобытно-общинных отношений и нарастания новых, классовых, которую мы наблюдаем в недрах рода, естественным образом повторяется внутри племени. Социально-экономическая дифференциация создается и между родами: стдельные роды оказываются богатыми или бедными, выделяются «старшие» — богатые и «младшие» — бедные роды. Возникают противоречия, сплошь и рядом ведущие к столкновениям. Одним из главнейших поводов междуродовых столкновений являются споры из-за земли, в особенности в условиях мало-земелья. Эти споры и другие поводы, случайное или намеренное убийство, похищение женщин, вообще любое посягательство на права и неприкосновенность рода, влекут за собой энергичный отпор со стороны обиженной стороны. Пока еще не существует достаточно авторитетной власти, стоящей над родами,— поэтому самооборона является для рода единственной и на данной стадии естественной формой реакции на любое посягательство. Самооборона эта принимает форму кровной мести. Забота о самосохранении заставляет весь род вставать на защиту, хотя бы обиженным был лишь один из членов рода. Мечь становится долгом, делом чести, священной обязанностью. В случае ранения или убийства за пролитую кровь члена рода должна быть пролита кровь врага. Кровная мечь дает волю страстям, и акты мести с обеих сторон следуют один за другим, передаваясь из поколения в поколение. Мечь прекращается иногда лишь с полным уничтожением одного из враждующих родов.

Но с развитием обмена и в эти отношения вступает материальное, хозяйственное начало. Оно заставляет воспринимать увечье как причинение материального ущерба, убийство — как лишение семьи трудовой силы и рассматривает мечь как талион (лат. *talio* — «столько же»). Если убит один человек, то в виде мести должен быть убит тоже один человек из рода обидчика. При этом пол, возраст, общественное положение — все принимается в расчет. Практиковался иногда и талион за ранения и увечья. Во всяком случае, мечь перестает быть безграничной и бесконечной. За ее совершением следует торжественное примирение враждующих сторон и между ними сплошь и рядом вновь устанавливаются мирные и дружественные отношения. Нередко эти отно-

шения закрепляются браком какой-нибудь молодой пары из обоих родов.

В конце концов, с развитием торгового обмена, месть заменяется выкупом: головщиной в древней Руси, вергельдом — у древних германцев, хуном — у монголов и пр. Обычное право с большой тщательностью вырабатывает таксу оплаты различных видов уголовного ущерба, от убийства человека до легкого ранения домашней скотины. Денежным же порядком компенсируются и личные обиды. Эти таксы уголовных платежей, или так называемых композиций, ярко отражают и общественные отношения: за женщину уплачивается половина выкупа. Системы композиций нередко разработаны крайне детально, тщательно проводя чисто материальное начало. Так, женщина рожавшая, т. е. доказавшая свою плодородную способность, оценивается дороже, чем девушка. Размер выкупа за убийство человека, «цена головы», в общем всегда относительно очень велик. Выплата его составляет тяжелое бремя, которое еще увеличивается расходами на обязательную процедуру примирения. Это обстоятельство усугубляет имущественное расслоение родового общества. Тогда как богатому уплата композиции иногда вполне под силу, для бедного она нередко означает полное разорение. Отсюда вся эта система становится новым источником кабального рабства.

Наиболее зажиточные, «старшие», «именитые» семьи и патронимии наиболее зажиточных, «старших» родов образуют племенную аристократию. Она стоит во главе племени, определяет состав племенного совета, вершит всеми делами племени. Соответственным образом выдвигается и поддерживается глава племени, становящийся наследственным. Главы родов, в качестве представителей родовой демократии, ведут борьбу с племенным вождем, но в конце концов оказываются в зависимых, подчиненных к нему отношениях и образуют иерархию «старших» и «младших», нередко соподчиненных один другому. Свое положение при главе племени родовые главы поддерживают соперничеством, приношениями племенному главе и пр. Родственные отношения и родственная близость продолжают играть большую роль. Но чем сильнее глава племени, тем решительнее нарушает он родовые права и традиции, и теперь он

нередко смещает законных глав отдельных родов и на их место ставит членов своей правящей семьи. Племенной глава присваивает себе особую церемониалом, окружает свитой и т. д. В целом ряде форм и отношений находит племенной глава источники своего и своих близких обогащения. Одним из обильных источников является торговля, как личная, так и чужая, от прибылей которой племенной глава получает установленную им долю. Племенной глава присваивает себе право суда и наказания, в свою очередь становящееся источником дохода. Наконец, племенной глава объявляет себя собственником всей племенной земли, а всех родовых глав — «сидящими» на его земле.

И между племенами возникают и нарастают противоречия, в основе экономические, но нередко обостряемые личными отношениями и соперничеством племенных глав. Столкновения между племенами имеют уже весьма серьезный характер. Вспомним, каковы были эти междуплеменные столкновения прежде. Теперь они находят себе новый и поистине роковой стимул — погоню за чужим добром, жажду обогащения. Возникает война.

Предводителем в военных походах является обычно тот же племенной глава, но с развитием войны выделяется особый военный вождь. Иногда он на время военных действий воспринимает всю полноту власти, военной и гражданской. Вокруг вождя группируется воинственная молодежь, образующая дружину, которая с течением времени выделяется в качестве особой общественной группы, получает особые привилегии, носит знаки отличия и т. д. Когда гражданская и военная власть совмещается в одном лице, естественно возрастает и еще больше усиливается привилегированное положение дружинников. Наряду с дружиной определенную общественную роль играют все взрослые боеспособные мужчины рода и племени. Собрание вооруженного народа образует верховный орган рода и племени. Описанные военные черты родоплеменного строя на данном этапе его развития, вместе с сохраняющимися в различных формах и отношениях элементами демократизма, дали основание назвать такой строй военной демократией, а дан-

ный этап истории первобытного общества — эпохой военной демократии. «Военачальник, совет, народное собрание,— писал Энгельс,—образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни»¹. Классическими примерами военной демократии являются греческое общество гомеровской эпохи, так называемый царский период истории древнего Рима, общества скифов, кельтов, древних германцев, норманов.

Основной целью войны является на данном этапе грабёж, а обычной формой — набег. Что возможно, из ценного имущества уносится, остальное уничтожается. Скот угоняется, пленные обращаются в рабство. Развитием войны-грабёжа, вместе с развитием в эпоху военной демократии и торгового обмена, объясняется наличие в погребениях и вообще в памятниках данной эпохи, одновременно бронзового и раннежелезного веков, различных драгоценных вещей, которые отнюдь не всегда являются продуктами местного производства, а часто изделиями иноземными, притом принадлежащими очень отдалённым странам. Применяются в войне и другие меры. Чтобы ослабить неприятеля и лишить его возможности контрнападения, вражеские селения сжигаются дотла. Если враг не уничтожается совершенно, то побеждённый облагается данью, а для ее сбора на месте нередко ставится кто-либо из племенной верхушки или дружины. С размножением населения к грабёжу имущества присоединяется и захват чужой земли. Бывает и так, что побеждённые сгоняются и на их место селятся покорные свои или чужие роды.

Ни в коем случае, однако, не следует думать, что все человечество на данной стадии обращается в воинственных грабителей, что всем человечеством овладевает дурман войны. Наоборот, война все еще остается исключением и начало мирного труда, мирного созидания культуры попрежнему господствует. Вместе с тем перед лицом всегда возможной агрессии со стороны алчных, драчливых соседей усиленно развивается культура военной обо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139—140.

роны родины. Попрежнему в основе внешних отношений лежит принцип неприкосновенности и защиты родных границ и каждое посягательство на их нарушение подымает все племя как одного человека. Культура обороны выражается в защите селений при помощи различного рода укреплений, рва, вала и тына. Таково же в известной мере значение свайных сооружений, равно как и своеобразных селений индейцев юго-запада Северной Америки, так называемых пуэбло, представляющих собой целый комплекс связанных между собой жилых помещений из камня с внутренним двором, наружные стены которых образуют сплошной четырехугольник, имеющий характер крепости. Где условия местности не благоприятствуют устройству укрепленных селений, там в наиболее удобном месте сооружались особые укрепленные убежища. Сюда в случае нападения врага стекалось все население окрестных сел, здесь оно отсиживалось и оборонялось, здесь ремесленники изготовляли оружие, отсюда боеспособная часть племени делала вылазки. Нередко в этих городищах заранее создавались оборонные запасы продовольствия и материалов. Такие городища дали впоследствии одну из форм возникновения городов. Оборонный преимущественно характер носили высокие каменные боевые башни, широко распространенные в прошлом горного Кавказа, до сих пор сохранившиеся, но уже в поврежденном виде или в развалинах. Эти башни имелись в каждом селении, и как они ни кажутся малопоместительными, но в них в минуты опасности укрывалось не только все население, но и домашний скот.

Война-грабеж приносит добычу. Хорошая доля ее идет в первую очередь главарю-вождю, затем влиятельной верхушке, остальное — дружине. Особую ценность среди добычи имеют теперь пленники, которые обращаются в рабство. Захват пленных-рабов становится одной из целей войны, а сама война — сильнейшим фактором развития рабовладения. Накопления создают объект особого вождения в военных набегах. Вожди и дружинники путем грабежа достигают богатства. Тревожное время нередко заставляет сохранять эти богатства в земле. Отсюда появляющиеся в археологических памятниках эпохи бронзы клады. Помимо доли в военной добыче дружинники получают различные награждения, привилегии и пр., по-

лучают, как было сказано, места наместников главара. Они в свою очередь закрепляют эти места за своим потомством в качестве наследственных должностей. Так возникает наследственное военно-служилое сословие.

Противоречия, образовавшиеся в недрах родовой общины, а вместе с тем и в недрах племени, приводят к еще одному громадного исторического значения последствию: та связь, на которой было построено и искони основывалось единство как рода, так и племени, связь по родству, падает, теряет свою силу. Чувства и отношения родства отступают перед противоположностью экономических и общественных интересов. Родство не является уже связующей силой там, где сталкиваются богатые и бедные. В результате родовая община распадается. Люди, населяющие данную местность, могут быть фактически родственниками, однако родство уже не только не играет какой-либо роли, но перестает даже осознаваться, самая память о нем, об общем происхождении понемногу утрачивается.

Поскольку родство уже не связывает отдельные семьи или патронимии, поскольку, более того, имеют место конфликты и раздоры в среде рода, от него откалываются отдельные части, скорей всего в виде целых патронимий, которые покидают родные места, иногда поселяются на новых, девственных местах, иногда приселяются к другим, неродственным группам. Происходящая таким образом подвижка отдельных групп, с одной стороны, разбивает территориальное единство родов, с другой стороны, создает смешанные поселения, состоящие из людей разных родов.

Родовое вообще и территориально-родовое единство падает. Однако самый факт совместного жительства, совместное пользование некоторыми видами земли, угодьями и пр., необходимость коллективного выполнения некоторых работ и т. д.,— все это связывает любую совместно живущую, в частности занимающую одно селение, группу общностью хозяйственных интересов, требует определенного единства и той или иной организации. Так возникает новая историческая общественная форма, новое общественное соединение на новых основаниях. Родственная связь сменяется территориальной, соседской. Возникает новая форма общины — соседская. У земле-

дельческих народов эта община — сельская, у развитых скотоводов — кочевая.

Соседская община состоит таким образом из семей и патронимий, либо родственных между собой, причем однако родство уже не играет никакой или почти никакой роли, либо неродственных, частично — приселенцев и пр. Представляя собой последний этап первобытно-общинного строя, сельская община характеризуется, по выражению Маркса, ее дуализмом: наличием в ней одновременно и частной и общинной собственности. В то время как часть земли, а именно сначала усадебная, а позже и пахотная, составляет частную собственность, земли, менее интенсивно эксплуатируемые, как сенокосы, выгоны, пастбища и разные угодья, остаются в коллективном владении и пользовании всей общины. С течением времени большая часть этих общинных земель тоже подвергается разделу и переходит в частную собственность, так что в общем владении остаются только угодья. Общность землевладения, ряд общих интересов требует соответствующей формы управления, осуществляемого в качестве высшего органа общим собранием членов общины, русским «миром».

Соседская община является формой сельского быта, существовавшей в том или ином состоянии у всех народов. Сельская община привлекла к себе усиленное внимание исследователей, между тем кочевая община скотоводов осталась совершенно неизученной. Соседская община стойко сохранялась в условиях даже развитого классового строя, причем она, естественно, глубоко проникалась классовыми чертами. Замечательной особенностью русской соседской общины, сохранявшейся вплоть до начала XX века, было то, что в ней и пахотная земля оставалась общинной, подвергаясь периодическим переделам, — порядок, именовавшийся в русской литературе «уравнительным землепользованием». Эта архаическая черта русской сельской общины дала повод для ее идеализации и оценки в качестве формы якобы социалистической. Глубокая ошибочность этого взгляда была разоблачена В. И. Лениным, блестяще показавшим отчетливо классовую сущность русской общины.

Значительные сдвиги происходят и в междуплеменных отношениях. Выдвигаются воинственные, сильные,

богатые племена, возглавленные выдающимися вождями, которые покоряют другие племена. Наряду с тем общность интересов ведет нередко к образованию более или менее прочных союзов племен, которые порой играли уже историческую роль и стояли на пороге образования государства. Но эти племенные отношения таят в себе на данном этапе весьма важное последствие — процесс смешения, ассимиляции и стирания племен как таковых и образования новой общественной формы — народности. Образование народностей было часто связано с массовыми, иногда далеко шедшими передвижениями племен. Тогда как племена были обычно более или менее однородными в антропологическом отношении, с созданием народностей, сопровождавшимся смешением племен, нередко усиливалось и смешение рас. С этого момента история человечества уже непрестанно сопровождалась скрещиваниями, смешением рас и стиранием расовых различий.

Образование народностей влечет за собой новый прогресс культуры. Развитие культуры тесно связано с взаимовлияниями различных культур. Этот процесс и происходит интенсивнейшим образом с распадом первобытно-общинного строя, с подвижкой племен, их смешением и образованием народностей. Народность представляет собой во всяком случае общественную форму, неизмеримо более прогрессивную, чем племя.

Передвижка и смешение племен обусловили то, что отдельные группы человечества были оттеснены в отдаленные районы или иным образом остались изолированными. Это обусловило их отсталость. Причины отсталости вообще и объяснение отсталости ряда современных племен частично и заключаются в том, что эти группы по своему географическому положению остались вне общего движения, вне культурного контакта, скрещивания и взаимооплодотворения культур. В отдельных случаях такие группы, оказавшись хотя и изолированными, но в особо благоприятных природных условиях, продолжали развиваться, однако развитие их шло крайне замедленным и своеобразным путем.

На том знаменательном этапе истории человечества, который мы сейчас изучаем, сказывается глубокое различие в развитии оседло-земледельческих и кочевых ско-

товодческих обществ и их культуры. Дифференциация земледельческих и скотоводческих племен сыграла громадную роль в истории человечества и создала особые формы взаимоотношений между ними, создав одновременно ряд расхождений и противоречий этих культур. Оседлые земледельческие общества, не склонные к передвижениям, представляют собой скорее мирные культуры; кочевые скотоводческие общества склонны к крупным подвижкам и скорее воинственны. Существует разница и в возможностях развития этих двух типов культуры. В частности, ряд элементов материальной культуры имеет у скотоводов-кочевников довольно низкий предел развития. Различие сказывается и в области общественной. В кочевых скотоводческих обществах распад первобытно-общинных отношений идет быстрее, чем в земледельческих. Скотоводство ведет к более быстрому и интенсивному образованию богатств, имущественному расслоению, оформлению родоплеменной власти и пр. Но зато одновременно отчетливо сказывается и ограниченность кочевой скотоводческой культуры. Быть может, именно в этом находит себе объяснение хорошо знакомое истории, но не получившее удовлетворительного истолкования явление, которое выразилось в обширных передвижениях кочевых скотоводческих племен, в быстром возникновении и не менее быстром распадении их союзов, в их набегах и нападениях на более мирных соседей, нередко в их деградации и почти полном исчезновении с исторической арены и, наконец, в отдельных случаях в покорении ими более мирных оседлых земледельцев, однако в такой форме, что завоеватели истощались здесь в своем неугомонном стремлении к походам, оседали и растворялись среди покоренных ими оседлых народов.

Надо, однако, сказать и подчеркнуть, что история знает также и явления подвижки и миграций земледельческих племен, вызванные различными причинами — изменением климата, размножением населения и недостатком свободной земли, напором тех же скотоводов и т. д. В свою очередь и земледельцы были далеко не чужды войны-грабежа. Все это приводило к тому, что и земледельцы покоряли другие племена, занимали их земли и оседали среди них.

Распространенная в буржуазной науке «теория завое-

вания», согласно которой классовое общество и государство возникают чисто механически, путем покорения одних народов другими, совершенно антинаучна. Мы видели, в каком сложном и многообразном процессе внутреннего, так сказать, органического, развития происходит распад первобытно-общинного строя, возникновения и нарастания классовых начал. Этот путь является универсально-историческим. Покорение одними племенами или союзами племен других и завоевания являлись не причиной, а следствием тех на данном этапе создавшихся условий, которые приводили к возникновению государства. При этом в возникшем государстве социальная верхушка завоевателей смешивалась с такой же верхушкой покоренных.

Бурное время, переживаемое первобытным обществом на рассматриваемом этапе его истории, не дает места для заметного развития ряда отраслей духовной культуры. Можно отметить лишь тот толчок, который дает развитию изобразительных искусств применение металлов, в особенности бронзы. Однако эти искусства сохраняют в основном декоративное направление, развиваются в прикладное искусство. Сюда относится, в частности, возникновение *т о р е в т и к и* (греч. слово — «резьба», «гравирование») — художественной обработки металлических изделий, бронзовых, золотых и серебряных, путем чеканки, тиснения и выбивки. Произведениями незаурядного искусства становятся подчас посуда, утварь. Появляются вазы, блюда и пр., иногда замечательные по своим художественным достоинствам. Богато украшается металлическое оружие.

Образование социальной верхушки стимулирует интенсивное развитие всякого рода личных украшений. Памятники эпохи бронзы, как и эпохи железа, дают большое количество колец, перстней, серег, навесок, фибул (застежек), гривен (шейных украшений), браслетов для рук и ног и пр. Свободный рисунок остается скорее примитивным, но орнамент продолжает развиваться, представляя собой иногда весьма сложные и оригинальные композиции. Таков так называемый «звериный стиль». Это — изображение зверей в виде целых фигур или их частей, переходящее в орнамент и заполняющее в различных своеобразных сочетаниях всю плоскость предме-

та. Исключительное развитие получил этот стиль у скифов и сарматов, почему не без основания иногда именуется скифским. К тому же времени относится применение эмали, инкрустирование драгоценными камнями, применение слоновой кости и пр. Возникают таким образом драгоценности, которые не только служат украшением, но крупную роль играют и в качестве средства или формы накопления богатства. В племенном строе вокруг удачливых богатых вождей начинают группироваться искусные ремесленники, как и иные представители искусства.

Военная борьба, походы, героические личности — все это вызывает появление героико-исторической былины и эпоса. К этому именно времени относится возникновение в народном творчестве таких эпических поэм, которые впоследствии, получив более законченное оформление, а вместе с тем и испытав новые влияния, сложились в знаменитые эпосы исторических народов — Илиаду, Одиссею, Эдду, Рамаяну, кавказские сказания о нартах и пр.

Глубокое превращение испытывает на данной стадии религия, приобретающая вместе с тем все растущее общественное влияние. Особо развивается вера в загробную жизнь, сложным образом складывается представление о судьбе человека в потустороннем мире, — представление, отражающее совершившееся общественное расслоение и новую общественную мораль: различна судьба власть имущих и подчиненных, богатых и бедных, «праведников» и «грешников». Возникают роскошные погребения вождей и знати. Появляется у ряда народов еще в конце неолита или в начале бронзового века форма погребения в виде курганов (тюркск. «холм»). Служивший первоначально для коллективного захоронения членов рода, курган становится в развитом племенном строе особой формой индивидуального погребения вождей и знати. Помимо обычных предметов «снабжения» покойника, его личных вещей, драгоценностей и пр., в курган вождя кладутся для сопровождения умершего в загробный мир убитые лошади, рабы, иногда жены. Обо всем этом говорит находимый при раскопках таких курганов обильный и богатый инвентарь. Насыпаемые из земли или камней на возвышенных открытых местах, курганы достигают иногда огромной величины. Таковы замечательные и по раз-

меру и по находимым в них вещам скифские курганы, разбросанные по всему югу территории СССР.

Свойственная рассматриваемой эпохе общественная иерархия родов находит свое отражение в особом соподчинении родовых предков-покровителей вместе с их культурами. При этом предок старшего, главенствующего в племени рода становится главным, господствующим над остальными, превращается в легендарного предка всего племени. Втягиваясь в новые экономические отношения, дифференцируется верхушка служителей культа — колдунов. Отдельные представители этой верхушки приобретают крупное общественное влияние и на этой основе начинают состязаться со светскими представителями власти — гражданскими главарями и военными вождями. Существует буржуазная теория сакрального происхождения власти. По этой «теории» всякая общественно-политическая персональная власть якобы ведет свое происхождение от представителя религии и культа, в конечном счете — от колдуна. «Теория» эта звучит довольно смело и якобы либерально, однако она совершенно неверна. Наше предшествующее изложение показывает несостоятельность этой «теории». Нередко, действительно, главы родов, будучи одновременно главами родового культа, становясь племенными главарями или вождями, соединяют в своем лице всю племенную светскую и религиозную власть и тем существенным образом увеличивают свое влияние. С другой стороны, как гражданские, так и военные вожди, в особенности когда им приходится встречаться с соперничеством представителей религии, не только берут в свои руки религиозные функции, но в различных формах приписывают себе священную силу. Такого рода сакрализация главарей-вождей становится универсальным явлением. Главарю приписывается сверхъестественные способности и возможности, личность его объявляется священной и охраняется табу, отличия его внешности, поведения и окружения окрашиваются сакральными чертами. Чтобы поддержать свою собственную власть, главари развивают культ умерших главарей — своих предков.

Тем временем все же растет значение и власть представителей религии. Тесно сплавляясь общими интересами, они складываются в возникающее сословие жрецов.

Создавая необходимую материальную базу для себя и своих культов, жрецы реорганизуют жертвоприношения, вводят религиозные поборы, из мест культа делают в различных формах эксплуатируемые угодья, расширяют свои земельные владения, делая и их источником дохода, заводят рабов, становятся торговцами, накапливают богатства. Так создается новая влиятельнейшая социально-экономическая сила, новый значительнейший элемент возникающего классового общества.

Соперничая и порой ведя борьбу со светской властью, духовная власть — возникающее жречество — одновременно сама активнейшим образом содействует созданию и упрочению светской власти, в частности ее саркализации, и верховный жрец становится ближайшим сотрудником и постоянным спутником светского главы.

Примером высокоразвитого племенного жречества могут служить друиды древних кельтов. Составляя особую иерархически организованную корпорацию, друиды были единственными знатоками и толкователями племенных преданий и обычаев, держали про себя все знания, захватили в свои руки судебные функции и пр., причем, конечно, пользовались исключительными материальными привилегиями, в частности были освобождены от каких-либо повинностей и податей. В результате, кельтские друиды достигли, не говоря о религиозной, громадной политической власти в такой мере, что племенные вожди не могли принять никакого решения без санкции друидов.

Обладая исключительной способностью и силой всепроникновения и всепоглощения, религия в конце концов накладывает свою печать на всю систему гражданского управления, которая оказывается всегда и во всех своих проявлениях теснейшим образом связанной с религией, с культом, проникается сакральными чертами.

Наконец, и сама религия глубоко проникается классовым началом. Духи обращаются в богов и, отражая иерархию светских властей, сами выстраиваются в иерархию, верхушка которой увенчивается богом-отцом. А светский глава оказывается прямым потомком, представителем или наместником этого бога.

На данном этапе истории человечества с железной необходимостью вновь вступает в действие закон обязательного соответствия производственных отношений ха-

рактору производительных сил: развившиеся новые производительные силы повелительно требуют новых производственных отношений, новой организации общества, новых и надстроечных форм. На смену первобытно-общинному строю возникают классовый строй и государство.

Охарактеризовав глубокий распад первобытно-общинных отношений в греческом обществе так называемой героической эпохи, Энгельс писал: «Недоставало только одного: учреждения, которое обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц не только от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, следовательно и к непрерывно ускользящему накоплению богатства; не хватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*¹.

В другом месте Энгельс писал: «...возникло общество, которое, в силу всех своих экономических условий жизни, должно было расколоться на свободных и рабов, эксплуатирующих богачей и эксплуатируемых бедняков,— общество, которое не только не могло примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляет их открытые столкновения и, самое большее, допускает классовую борьбу только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен *государством*².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 86—87.

² Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 144.

«Итак,— заключал Энгельс ниже,— государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹.

«...Было время,— говорил В. И. Ленин,— когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, не было. История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникло только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 145.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 438.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

Начиная примерно с конца четвертого тысячелетия до н. э., отдельные группы народов в различных местах земного шара стали переходить от первобытно-общинного строя к классовому строю. Одно за другим возник ряд древнейших государств.

В основе этого процесса лежало развитие производительных сил. Переход к классовому строю был обусловлен развитием тех начал, которые создались уже в распаде первобытно-общинного строя, в эпоху военной демократии, и привели ряд человеческих обществ к порогу государства. Новый мощный подъем производительных сил был тем решающим толчком, который повлек за собой оформление классового общества. Однако завершение этого процесса в ряде древних обществ раньше, чем в других, было обусловлено сочетанием особо благоприятных обстоятельств.

Классовый строй и государство возникли впервые у земледельческих народов. Из тех двух отраслей производительной деятельности, которые являются основными для развитого родоплеменного строя — земледелия и скотоводства, — земледелие в его плужной форме представляет собой отрасль более прогрессивную, имеющую больше предпосылок для развития, чем скотоводство.

Другим в высокой мере прогрессивным элементом культуры возникающего классового общества была металлургия. Некоторые буржуазные ученые, следуя старинной «теории факторов», видят в металлургии основной или

даже единственный фактор возникновения цивилизации и государства. Это не верно. Все древнейшие классовые общества, насколько мы знакомы с их самой ранней культурой, оказываются уже владеющими в эту пору тем или иным металлом, однако существовали общества, овладевшие уже горячей обработкой металла, но не создавшие классового строя. В частности, не является обязательным признаком перехода к государству обработка железа. Ряд древнейших государств в течение длительного периода своей истории знал только медь или бронзу и овладел металлургией железа сравнительно поздно.

Но будучи сама по себе мощной производительной силой, металлургия смогла сыграть свою роль в общем развитии производительных сил скорее в земледельческой, чем в скотоводческой культуре и именно в первой стать новым двигателем прогресса. В скотоводческой культуре металлы если оказали влияние на развитие оружия, то в технике самого производства никакой роли сыграть не могли.

Еще одним мощным фактором развития производства, возникшим в распаде первобытного строя, было применение рабского труда. Эта производительная сила могла быть в больших размерах использована в свою очередь скорее в земледельческом хозяйстве, чем в скотоводстве. Помимо того, труд рабов мог быть широко применен в деле добычи и обработки металлов.

Наконец, немаловажное значение имел географический фактор — благоприятная географическая среда. Сочетание земледелия, металлургии, рабства и благоприятной географической среды и явилось тем особо благоприятным условием, которое привело к возникновению в данных местностях раньше, чем в других, классового общества. Широко распространенная в буржуазной науке теория, согласно которой возникновение древнейших государств выводится целиком из географического фактора, а частности из того, что эти государства возникли в благоприятных для развития земледелия долинах больших рек, является односторонней и исверной.

Географический фактор играл большую роль в истории человеческого общества, однако не столько географическая среда, сколько широкий и общий подъем производительных сил, в сочетании особо благоприятных усло-

вий, сыграл роль в возникновении древнейших цивилизаций. Некоторые древнейшие классовые общества возникли, притом совершенно самостоятельно, и в такой географической среде, которая вовсе не благоприятствовала развитию земледелия.

Различными очагами возникновения древнейших государств были Египет, Месопотамия, Финикия, Палестина, Малая Азия, Закавказье, Иран, Северная Индия и Китай. Географическая арена, в которой лежат эти страны, представляет собой неширокий пояс, идущий вдоль земного шара, примерно между 15 и 40° сев. широты.

Все эти страны обладают некоторыми в значительной мере сходными природными условиями. За исключением Палестины, Финикии и Малой Азии, все эти страны по своему климату, устройству поверхности, свойствам почвы и орошению особо благоприятны для развития земледелия. Очаги древнейших из этих древних цивилизаций расположены в долинах мощных рек, разливы которых несут плодородный ил: в Египте — Нила, в Месопотамии — Тигра и Евфрата, в Северной Индии — Инда и Ганга, в Китае — Хуанхэ и Янцзы. Недра большинства этих стран богаты различными полезными ископаемыми, в частности металлами. В иных случаях получению металлов содействовали естественные удобные пути сообщения. Наконец, все эти страны образуют в большей или меньшей мере изолированные и защищенные природными условиями отдельные географические области, естественными границами которых являются моря, горные массивы, девственные леса или безлюдные пустыни.

Благоприятные географические условия перечисленных стран сыграли свою роль в частности в том отношении, что сюда, в эти плодородные или по иным условиям удобные и притом хорошо защищенные области, стекались различные племена, здесь смешивались различные расы, здесь шло образование народностей, здесь происходило слияние различных, уже достигших известной высоты, культур. Так эти страны сделались историческими котлами образования новых культур, великими очагами первых цивилизаций.

Таким образом, отнюдь не одна какая-либо особо высокоодаренная народность или раса, как это изображается реакционным крылом буржуазной науки, а именно

смешанные в расовом и этническом отношении народы стали создателями возникших в различных районах земного шара древнейших цивилизаций.

Основной отраслью производительной деятельности почти всех древнейших классовых обществ оставалось земледелие. Скотоводство играло везде скорее подсобную роль. В отдельных случаях крупное значение имело виноградарство и плодоводство.

В большинстве стран древнейших цивилизаций земледелие развивалось на основе широко разветвленной, хорошо организованной и централизованной системы ирригации. Здесь в особенности сказалась роль металлической техники. Применение металлического орудия в виде лопаты или заступа было, пожалуй, обязательным условием сооружения ирригационной системы в больших масштабах. Такая система была в этих заливаемых реками долинах не только основой, но и необходимым условием существования и развития земледелия. Сооружение, а равно поддержание ирригационной системы, вместе с возникавшими отсюда сложными экономическими и общественными отношениями, наложило определенную печать на форму государства, содействовав его централизации. Тем не менее приписывать возникновение древнейших государственных образований только централизованной ирригации составляет грубую ошибку.

Начальный этап образования древнейших государств знаменуется, как об этом свидетельствует история всех без исключения названных выше стран, острой междуплеменной борьбой и соперничеством различных вождей, добывающихся верховного главенства. Государство как организация классовой власти рождается в насилии. Создаются сначала мелкие, затем все растущие и расширяющие свои границы централизованные деспотии.

Неизменно страдают вновь возникшие государства на первых порах своего существования от набегов еще пребывающих в первобытности соседей — воинственных кочевников. Порой этим кочевникам доводится играть активную и значительную роль в истории данной страны, но в конечном счете они растворяются в массе ее коренного населения. На последующих этапах истории, когда в окружении данного государства складываются и вырастают такие же, иногда более мощные государственные

образования, обычным становится завоевание и нередко полное покорение одного государства другим.

Историческая обстановка, в которой возникают и развиваются все древние государственные образования, обуславливает раздирающие их междоусобицы, смену правителей и династий, постоянную подверженность внешним ударам, крайнюю непрочность, наконец, нередко бесследное исчезновение этих государств не только с лица земли, но даже и со страниц истории.

Существенную сторону всех войн, которые ведутся древнейшими государствами, составляет, помимо грабежа и дани, взятие пленников, обращаемых в рабство. Нередко добывание рабов составляет основную цель войны. Наряду с внешним источником рабства развивается и внутренний — кабала. Таким путем создаются в древнейших государствах иногда значительные массы рабов, эксплуатация которых занимает с течением времени решающее место в общественном производстве. Но не только рабство в его чистом виде и число рабов определяют, как это иногда считается, систему хозяйства и способ производства древнейших государств. Особую черту раннеклассового общества составляет то, что наряду с эксплуатацией труда рабов, пленных и кабальных, свободное сельское население, свободные общинники, члены родовой или соседской общины, являются в значительной мере объектом эксплуатации со стороны государства и его господствующего класса и зачастую оказываются фактически на положении, почти не отличающемся от рабского. Выполнение крупнейших работ по ирригации, по устройству и содержанию дорог, по строительству оборонных сооружений, храмов и дворцов, принудительная обработка земель знати, жречества и самого главы государства, длинный ряд иных натуральных повинностей, расходы по содержанию обширного административного аппарата, наконец, комплектование армии и ее содержание — все это тягчайшим бременем ложится на плечи всего номинально свободного населения. Если к этому прибавить экспроприацию лучших участков общинной земли и лишение сельского населения свободы передвижения, переходящее в фактическое прикрепление к земле, то картина положения этого населения будет полна.

Древнейшие классовые общества возникли как обще-

ства рабовладельческие. Это потому, что рабовладение является самой примитивной, самой грубой формой классовой эксплуатации и что при данном уровне развития производительных сил, на данной стадии истории человечества оказался возможным именно и только рабовладельческий способ общественного производства. Таким образом, рабовладение было первой в истории основной формой классовой эксплуатации. В процессе распада первобытно-общинного строя мог возникнуть непосредственно вслед за родовым строем или военной демократией и феодально-крепостнический способ производства. Однако он мог в таком случае образоваться лишь при значительно более высоком уровне развития производительных сил.

Возникновение всех древнейших классовых обществ происходило самостоятельно и независимо одно от другого. Но географическое единство арены, на которой были расположены эти общества, а иногда и их непосредственная близость обусловили то, что между отдельными древнейшими классовыми обществами весьма рано возникали и развивались взаимные связи и влияния. Независимо от этих связей и влияний каждое из древнейших обществ в отдельности и все они вместе внесли свой вклад и сыграли свою роль в общем прогрессе культуры.

.

ЛИТЕРАТУРА

- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1952.
- Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., 1950.
- В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 439—451.
- Анучин Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. М., 1923.
- Богданов Е. А. Происхождение домашних животных. М., 1937.
- Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.
- Вавилов Н. Центры происхождения культурных растений. М., 1926.
- Ефименко П. П. Первобытное общество, изд. 3, Киев, 1953.
- Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры, изд. 3, с пред. П. И. Кушнера. М., 1937.
- История культуры древней Руси, т. I. М., 1948.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, изд. 2. М., 1951.
- Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939.
- Комаров В. Л. Происхождение культурных растений, изд. 2, доп. М.—Л., 1938.
- Косвен М. О. Авункулат, «Советская этнография», 1948, № 1.
- Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1948 [существуют венгерский (1950 г.) и чешский (1952 г.) переводы].
- Косвен М. О. Переход от матриархата к патриархату. Сборник «Родовое общество, Этнографические материалы и исследования». М., 1951 [существует словацкий (1954 г.) перевод].
- Косвен М. О. Происхождение обмена и меры ценности. М., 1927.
- Косвен М. О. Семейная община. Опыт исторической характеристики. «Советская этнография», 1948, № 3.
- Левина-Дорш А. и Кунов Г. Первобытная техника. М.—П.
- Пипс Ю. Происхождение вещей. М., 1954.
- Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934.
- Очерки по истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшее государство. Под ред. П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта. М., 1956.
- Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949.
- Проблемы происхождения домашних животных. Л., 1933.
- Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951.
- Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия Гос. Академии истории материальной культуры», т. XIV, вып. 1, 1932.
- Тэйлор Э. Б. Антропология, изд. 3. П., 1908.
- Тэйлор Э. Б. Первобытная культура, изд. 2, СПб., 1896—1897.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение.	5
Глава первая. Начатки культуры.	13
Глава вторая. Культура раннего родового общества.	28
Глава третья. Развитие техники.	41
Глава четвертая. Развитие хозяйства.	63
Глава пятая. Развитие хозяйства (Продолжение).	95
Глава шестая. Развитие общества.	119
Глава седьмая. Духовная культура.	144
Глава восьмая. Культура раннего века металлов.	190
Глава девятая. Распад первобытно-общинного строя.	209
Заключение. Возникновение древнейших классовых обществ	233
Литература	239

Марк Осипович Косвен

Очерки истории первобытной культуры

2-е исправленное и дополненное издание

Утверждено редколлегией

научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор Издательства *И. Л. Мейер*. Технический редактор *С. М. Полещицкая*

*

РИСО АН СССР № 52-118В. Сдано в набор 29/V 1957 г. Подписано к печати 10;XII 1957. Формат бум. 84×108^{1/2}. Печ. л. 7,5=12,3 Уч. изд.-л.11 3. Тираж 20000 экз. Т-10867. Изд. № 2419. Тип. зак. № 1622.

Цена 5 руб. 40 коп.

*

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., 10